K51 3/17

5

К 51 3/17
№9548
XV-№520.

В. В. МУЙЖЕЛЬ

I 2/39
654

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(НА ВОСТОЧНО-ПРУССКОМЪ ФРОНТѢ)

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИЗДАНІЕ Тва А. Ф. МАРКСЪ * ПЕТРОГРАДЪ
1915

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА

СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО и ЮЖНАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Германія, Турція, Италія, Греція, Болгарія, Румынія, Албанія и Швейцарія).

— Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ —

всѣхъ (болѣе 18.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 112×134 сант., въ масшт. 50 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ДВА** РУБЛЯ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА

ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

— Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ —

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ДВА** РУБЛЯ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА

ФРАНЦУЗСКО-ГЕРМАНСКАГО ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Франція, Бельгія, Люксембургъ, Нидерланды и Германія).

— Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ —

всѣхъ (около 9.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ масштабѣ 1:1.000.000 (около 24 верстъ въ дюймѣ).

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ОДИНЪ** РУБЛЬ.

К51 3/17

В. В. МУЙЖЕЛЬ

654

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(НА ВОСТОЧНО-ПРУССКОМЪ ФРОНТѢ)

ИЗДАНІЕ Тва А. Ф. МАРКСЪ * ПЕТРОГРАДЪ
1915

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 18127
9 « XI 193 г.

ОТСТУПЛЕНІЕ ИЛИ БѢГСТВО?

I.

Столица Царства Польскаго, Варшава, пережила моменты высокаго напряженія. Врагъ въ четырнадцати-шестнадцати верстахъ грозилъ старому красивому городу, своеобразному и особенному, являющемуся центромъ своеобразнаго, особеннаго края.

Нервный подъемъ, вызванный этой близостью, еще не могъ улечься. Въ ушахъ варшавянина еще гудитъ отзвукъ канонады, и ночью, внезапно проснувшись, люди подымаютъ голову и чуткимъ ухомъ ловятъ тишину.

Страшнаго, колебавшаго стѣны грохота нѣтъ. Нѣтъ привычнаго, такъ жутко-выразительнаго лязга подковъ проходящей кавалеріи, всепоглощающаго, способнаго потрясти землю шага пѣхоты, желѣзнаго дребезжанія артиллерійскихъ парковъ. И вмѣсто возбужденнаго воя автомобильной сирены слышится медлительное тарахтѣніе крестьянской телѣги, привезшей дрова или картофель.

Все тихо, все спитъ, и тревожная мысль успокаивается. Гдѣ-то тамъ,—уже за Лодзью, за Ченстоховомъ,—на далекой и страшной линіи идутъ бои. Волна, катившаяся на прекрасный, какъ гравюра стараго мастера, городъ, ударилась въ плотную стѣну русскихъ полковъ и, раздробленная, пѣнящаяся, откатилась назадъ. Она откатилась, оставляя спѣшно зарытыя могилы, брошенныя орудія, толпы раненыхъ и плѣнныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

оставляя разрушеніе и пустыню... На мѣстѣ деревень—развалины; на поляхъ—глубокіе окопы и ямы, изборождившіе землю во всѣхъ направленіяхъ; вмѣсто храмовъ—жуткія, зіяющія пробоинами, стѣны.

Острый, тревожный вопросъ о томъ, есть ли это движеніе назадъ—стратегическое отступленіе или бѣгство, нѣкоторое время висѣлъ надъ Варшавой.

Нѣмецкая армія, спаянная жестокостью желѣзной дисциплины,—врагъ серьезный. Пріемъ нѣкоторой части прессы, лубочныхъ открытокъ, на которыхъ казакъ съ нелѣпо выпученнымъ глазомъ держитъ двумя пальцами Вильгельма за усъ, приглашая его узнать „вкусъ"—вся появившаяся на улицахъ большихъ городовъ макулатура, помимо пошлости своего тона, не вѣрна по существу. Мало того, что этотъ пріемъ пытается снова воздвигнуть, слава Богу, забытый уже девизъ „шапками закидаемъ",—онъ просто не вѣренъ, такъ какъ не выражаетъ настроенія ни страны, ни, тѣмъ менѣе, войска. По существу противникъ силенъ, очень силенъ, онъ готовился къ войнѣ долго и упорно, и въ томъ-то и слава, великая, незабываемая слава нашей арміи—всей арміи, начиная отъ командующихъ и кончая послѣднимъ обознымъ солдатомъ—вѣчная слава тѣмъ, кто упорству противопоставилъ выносливость, силѣ—свою мощь, знанію—умѣніе.

Стòитъ только одинъ разъ повидать людей, пережившихъ бои, вглядѣться въ эти серьезныя, чуть-чуть строгія лица, вслушаться въ ровный значительный голосъ, немного медлительный, какъ будто говорящій обдумываетъ каждое слово и не вполнѣ еще отрѣшился отъ недавнихъ впечатлѣній,—стòитъ только вдуматься въ это, чтобы понять, какъ серьезно было все то, чтò свершилось.

Но оно свершилось—разбитая волна откатилась и съ удивительной, странной, неожиданной быстротой катится дальше и дальше... И по тому, что она оставляетъ

позицію за позиціей, заранѣе укрѣпленныя, несомнѣнно приготовленныя къ упорному сопротивленію; по огромнымъ, невѣроятнымъ переходамъ въ 30—40 верстъ въ день; по смятенію въ перепутавшихся обозахъ, порою бросаемыхъ,—можно увѣренно сказать, что она не отступаетъ, а бѣжитъ.

Вопросъ о стратегическомъ отступленіи на болѣе укрѣпленныя позиціи падаетъ. Штурмъ высоты 92,1, — одинъ этотъ героическій, безпримѣрный штурмъ доказываетъ несостоятельность мысли о планомѣрномъ отступленіи.

И Варшава, полная воспоминаніями о быломъ, какъ больной послѣ кризиса, вздыхаетъ глубоко и облегченно. Теперь, когда непрерывный грохотъ орудій, зловѣщіе силуэты аэропланов, безпрерывное движеніе войскъ, все напряженіе рѣшительной минуты отошло въ прошлое, пережитое кажется сномъ. Тяжелымъ, томительнымъ кошмаромъ, который можетъ породить только война. Если бы не присутствіе въ городѣ большого числа военныхъ, не занятыя офицерами гостиницы, не нѣкоторая медлительность возстанавливающагося съ каждымъ днемъ желѣзнодорожнаго движенія, трудно было бы предположить, что находишься въ городѣ, только-что пережившемъ грозу.

Звенитъ красный стремительный трамвай, сверкаютъ зеркальныя окна магазиновъ, оживленная толпа озабоченно и хлопотливо льется по тротуарамъ... И вчера, возвращаясь вечеромъ изъ стараго города, я видѣлъ на углу сквера, гдѣ возвышается статуя Богоматери, характерную сценку, которую можно наблюдать только въ обычное мирное время.

У подножія статуи, слегка закрытый листьями принесенной комнатной пальмы, горѣлъ красноватымъ свѣтомъ фонарь. Двадцать-тридцать женщинъ, стоя на колѣняхъ, занимали чернымъ пятномъ тротуаръ и часть улицы и пѣли. Сначала дрожащее нервное сопрано, по-

томъ хоръ—особенный, немного странный для чуждаго уха хоръ склоненныхъ женскихъ фигуръ.

А на Старомъ Мястѣ, гдѣ знакомый варшавянинъ показывалъ мнѣ удивительный, сохранившій въ неприкосновенности даже комнатную обстановку своего времени, пронизанный узкими, сводчатыми коридорами и крутыми лѣсенками четырехсотлѣтній домъ, на каждомъ шагу попадались длинные крестьянскіе возы, запряженные парой худыхъ, обездоленныхъ нѣмецкими реквизиціями лошадей, привезшихъ картофель.

Жизнь входитъ въ свою колею; по дорогамъ, разбитымъ снарядами и сокрушающимъ маршемъ артиллерійскихъ парковъ, безконечной цѣпью тянутся эти возы; замершее-было кровообращеніе возстанавливается; общественныя организаціи съ новымъ рвеніемъ устраиваютъ, кормятъ и одѣваютъ бѣженцевъ. Страшный кошмаръ Калиша, Ченстохова, Лувена, Реймса и проч. пронесся надъ сердцемъ Польши и исчезъ. Пережившіе его изумленно оглядываютъ старыя улицы; онѣ тѣ же, и такъ же сверкаютъ огнями кофейни, рестораны, кабарэ.

Ложась въ постель привычной комнаты своего дома, варшавянинъ раздумчиво качаетъ головой и засыпаетъ, спокойный за свой кровъ, свою семью и судьбу... А гдѣ-то,—за Лодзью, за Ченстоховомъ,—идутъ бои, гремятъ выстрѣлы, артиллерія сотрясаетъ землю тяжкими ударами... Разбитая, пѣнящаяся и шипящая волна откатывается все дальше и дальше, оставляя, какъ щепки на берегу, орудія, плѣнныхъ, неубранные трупы... И думать о томъ, что это—стратегическое отступленіе, копящее силы для новаго удара, уже такъ же странно, какъ вспоминать канонаду, отъ которой дрожали стекла домовъ похожаго на рѣдкую гравюру стараго города.

Это былъ сонъ, кошмаръ, дикій призракъ, вызванный кровавой властью войны, разсыпавшійся и исчезнувшій при появленіи дня.

II.

Волна, раскатившись, ударилась о твердую стѣну сибирскихъ полковъ передъ Варшавой и покатилась назадъ.

Сохраняя возможный при столь быстромъ движеніи порядокъ, маскируя это отступленіе почти дѣтскими выдумками *), болѣе всего опасаясь, чтобы оно не приняло характера паническаго бѣгства, хотя по существу—я продолжаю утверждать это—оно было именно такимъ, волна нѣмецкаго нашествія на столицу польскаго края покатилась назадъ широкимъ треугольникомъ, вершина котораго была ближайшей къ Варшавѣ, а основаніе расширялось по мѣрѣ того, какъ удалялось отъ нея.

Блоне—Гродискъ, затѣмъ Скерневицы—Ловичъ, потомъ Лодзь—Ленчица и такъ дальше, вплоть до Калиша—Ченстохова, этотъ вытягивающійся основаніемъ треугольникъ, какъ пущенный съ горы шаръ, пріобрѣтая по мѣрѣ движенія бо́льшую быстроту, удалялся отъ Варшавы. Русскія войска преслѣдовали его, тѣсня шагъ за шагомъ, дѣлая нечеловѣческіе переходы, почти безъ сна, питаясь случайно, ибо кухни не могли поспѣть за передовыми частями.

Если попытаться представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ протекало это безпримѣрное преслѣдованіе, становится жутко за того иркутскаго, енисейскаго, пензен-

*) Извѣстенъ фактъ, характеризующій дѣйствія нѣмцевъ подъ Варшавой: послѣ шести дней непрерывной артиллерійской пальбы, въ седьмой наступало затишье, когда одно-два орудія вяло бухали съ той стороны. Это традиціонный отдыхъ нѣмцевъ. Отступленіе начали въ такой именно седьмой день, посвященный „Богу“. Чтобы замаскировать отходъ, нѣмцы возили по всему своему фронту одну пушку и время отъ времени пострѣливали изъ нея въ разныхъ мѣстахъ. Впослѣдствіи извѣстный въ Варшавѣ, занимающій видный административный постъ, генералъ У. показывалъ мнѣ фотографіи нѣмецкихъ укрѣпленій, гдѣ были воздвигнуты декоративныя орудія, сдѣланныя изъ водосточныхъ трубъ, колесъ отъ крестьянской телѣги и проч. Всѣ такія „батареи“ помѣщались на мѣстахъ, видимыхъ въ бинокль изъ русскихъ окоповъ.

скаго или тверского мужика, который съ настойчивымъ упорствомъ вынесъ его на своихъ плечахъ.

Уже осень—глубокая, холодная, мозглая осень. Пронизывающіе дожди смѣняются изморозью, которая сѣчетъ лицо чуть не до крови. Въ окопахъ скопляется вода, въ которой приходится стоять часами. И вдругъ ударитъ морозъ, и земля звенитъ, какъ желѣзная, и острыя льдины рѣжутъ ножомъ кожу сапога. А тутъ еще переходы въ тридцать, сорокъ, сорокъ пять верстъ.

Остановиться было нельзя. И они шли, шагали истоптанными сапогами по осенней грязи, шли равнодушные къ себѣ, ко всему окружающему, кромѣ того огромнаго дѣла, для котораго явились изъ дебрей Сибири, изъ глухихъ деревень, темныхъ угловъ,—кромѣ войны, битвы, сраженія, преслѣдованія.

Потомъ преслѣдованіе остановилось, и нѣкоторое время было молчаніе. Потомъ прошелъ слухъ, что нѣмцы „проходятъ сквозь Ченстоховъ“. Они не выступали изъ Ченстохова, а пропускали черезъ него свои части. Это и были тѣ части, которыя дѣйствовали подъ Варшавой. Потомъ стало извѣстно о томъ, что на линію Плоцкъ—Турекъ—Калишъ переброшено четыре или пять свѣжихъ корпусовъ. И потомъ разыгралось сраженіе Красневицы—Кутно,—дѣло, которое пишущій эти строки имѣлъ случай наблюдать „своими собственными глазами“.

Незадолго передъ настоящей міровой войной малоавторитетные, но обладающіе немалымъ апломбомъ знатоки утверждали, что теперь война сводится исключительно къ артиллерійскому поединку. Мы знаемъ теперь всю ошибочность такого утвержденія. Война стара, какъ міръ, и пріемы ея остаются тѣми же, что и во времена какого-нибудь Артаксеркса, измѣняясь только въ формахъ, какъ мѣняетъ свои формы старое лицо земли. То, что спеціалисты называютъ живою силою войска, такъ же необходимо и служитъ такимъ же фундаментомъ въ любомъ столкновеніи какъ и сто, и двѣсти, и

пятьсотъ лѣтъ тому назадъ у Наполеона, Петра Великаго, Чингизъ-Хана.

Эта живая сила, вооруженная трехлинейными винтовками, стоитъ или лежитъ, или сидитъ, скорчившись, въ окопахъ, палитъ, выставляя винтовку изъ-за земляного валика, и количество того свинца, которое выбрасываетъ она въ сторону врага, служитъ опорой, фундаментомъ, замкомъ свода всякаго сраженія. Порою она вскакиваетъ, съ дикимъ, ужаснымъ крикомъ, перехвативъ винтовку, бѣжитъ впередъ, выбиваетъ врага изъ его окоповъ и, засѣвъ въ нихъ, опять палитъ, щелкая затворами.

Напрасно было бы думать, что она палитъ въ опредѣленнаго, конкретнаго нѣмца. Когда знакомый офицеръ, любезности котораго я обязанъ присутствіемъ своимъ въ раіонѣ боя, махалъ рукою куда-то впередъ и завѣрялъ меня, что тамъ нѣмцы,—я, несмотря на довольно сильный бинокль, не видѣлъ ни одного нѣмца. А между тѣмъ солдаты въ томъ окопѣ, гдѣ мы были, попрежнему сухо щелкали затворами винтовокъ и стрѣляли въ ту сторону. Стрѣляли туда, гдѣ былъ нѣмецъ,—абстрактный, невидимый нѣмецъ, котораго надо было отдавить отъ Красневицъ. Впослѣдствіи мнѣ объяснили это обстоятельство. Идея даннаго дѣла была задержать наступленіе. Развѣдкой былъ установленъ путь этого наступленія, и вотъ этотъ самый путь, по которому должны итти колонны непріятеля, становится недоступнымъ. Онъ превращается въ рѣку свинца отъ пронизывающихъ его пуль, и можно послать этимъ путемъ взводъ или батальонъ, или полкъ, или корпусъ—результатъ будетъ одинъ: всѣ лягутъ на этой дорогѣ, заполненной свистящимъ свинцомъ.

Все это узналъ я впослѣдствіи, а въ то время, когда былъ въ окопахъ, жадно и остро оглядывался вокругъ, стараясь запомнить все, что̀ видѣлъ. И настойчивый и напряженный вопросъ все время стоялъ передо мной: что̀ же, что̀ самое важное, самое значительное здѣсь?

Отдѣльные штрихи боя казались всѣ одинаково важными. Важно и значительно выраженіе лицъ солдатъ, то самое выраженіе какой-то отрѣшенности, даже, пожалуй, отчужденности отъ всего, кромѣ данной минуты. Тонкая пленка затянула души этихъ людей, и вся огромная сложность жизни представляется имъ смѣшной и наивной передъ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ. Это выраженіе объединило десятки лицъ, которыя я могъ видѣть со своего мѣста, и всѣ они стали похожи одно на другое. Обычное различіе цвѣта глазъ, волосъ, формы носа или губъ—передъ этимъ общимъ выраженіемъ представляется такимъ же мелкимъ и не важнымъ, какъ прошлая жизнь, передъ этой минутой. И выраженіе это сложное, трудно уловимое, сосредоточенное, дѣловое: чуть-чуть угрюмое и—боюсь сказать—чуть-чуть жестокое... Обычное добродушіе всесолдатскаго лица, и веселаго, и трогательнаго, и вмѣстѣ немного лукаваго, исчезло. Тутъ, когда за небольшой горкой земли на внѣшней сторонѣ окопа ходитъ смерть, тутъ уже просыпаются иные, таящіеся въ глухихъ углахъ человѣческой души инстинкты.

Щелкаютъ, порою сливаясь въ непрерывный трескъ, выстрѣлы. Они близко и первыя минуты оглушаютъ до звона въ ушахъ, но—странное дѣло—черезъ полчаса ихъ какъ будто не замѣчаешь. Не слышать ихъ нельзя, но ихъ не замѣчаешь, какъ не замѣчаешь иногда всего оркестра, выдѣляя изъ него партію какой-нибудь віолончели. И такой віолончелью представлялось мнѣ характерное звяканье затворовъ, поблескивавшихъ своей подвижной круглой головкой. Этотъ звукъ иногда казался болѣе громкимъ, болѣе властнымъ, чѣмъ самая стрѣльба и похоже было, что длинная, неправильно изогнутая канава окопа все время жадно щелкаетъ металлическими зубами... И это тоже представлялось важнымъ...

И уже особой, значительной важности былъ исполненъ отдаленный крикъ:

— Берегись! Шрапнель!..

Трудно опредѣлить этотъ звукъ: вой, посвистыванье, стонъ? Первое впечатлѣніе приблизительно такое, какъ если бы надъ самой головой раздалось шумное дыханіе запаленной лошади. Потомъ слабый звукъ взрыва, при-

На роздыхѣ.

мѣрно такой же, съ какимъ разрывается высоко взметнувшаяся ракета,—и по землѣ, какъ капли дождя по желѣзной крышѣ, защелкали пули.

— Охъ, чтобъ тебя!..—отрывисто и изумленно, нарушая сосредоточенность минуты, крикнули гдѣ-то, и этотъ крикъ показался почему-то ненужнымъ, пожалуй, даже безтактнымъ.

— Перехлестни, перехлестни, руку-то перехлестни выше, чтобы кровь не такъ... — сердился тамъ хриплый отъ давней простуды басъ. — Эхъ, голова, говорю: перехлестни натуго... Да хуть ремнемъ, все одно!..

И это такъ же казалось важнымъ, какъ и самый звукъ торопливыхъ голосовъ.

Я пробылъ въ окопѣ не много, но когда мы съ знакомымъ офицеромъ опять пустились въ путь, было такое впечатлѣніе, словно я пережилъ нѣчто очень большое, что̀ въ обычное время несутъ съ собою цѣлые годы. Самая настоящая живая смерть—не случайная, не катастрофическая отъ какого-нибудь упавшаго за полшага карниза, а опредѣленная, если позволено будетъ такъ выразиться, — заранѣе и спеціально предназначенная,—была тутъ же, въ двухъ шагахъ, за покрытой вялымъ дерномъ насыпью окопа...

III.

Нѣмцы, установивъ воздушной развѣдкой слабое мѣсто нашего фронта, прорвались и повели энергичное наступленіе на недающуюся имъ, какъ кладъ, Варшаву.

Это была вторая волна, докатившаяся до Красневицъ и Кутно. Тогда же, въ самый день боя, положеніе представлялось нѣсколько неяснымъ, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ частей участвовавшихъ въ дѣлѣ войскъ. Суммируя всѣ свѣдѣнія, полученныя на правомъ флангѣ нашего расположенія подъ Красневицами, можно было вынести такое впечатлѣніе: наши войска раздѣлились въ серединѣ, а можетъ-быть, не раздѣлились, а втянулись серединой внутрь, къ Кутно, и въ этотъ мѣшокъ, напоминающій матку невода, крылья котораго развернулись по сторонамъ, вдались нѣмцы. Такъ, или приблизительно такъ, рисовалось дѣло тамъ, на мѣстѣ. Но не знаю почему: оттого ли, что просто я—не военный человѣкъ, или потому, что общее положеніе дѣла представляется яснымъ только центральному органу, мозгу даннаго боя, но понять что-либо въ тотъ моментъ было трудно. Можетъ-быть, мѣшающимъ обстоятельствомъ служили подробности, черточки быта войны, на которыя искушенные люди, въ родѣ сопровождавшаго меня штабсъ-капитана, не обращали никакого вниманія.

Бредетъ раненый, — и вмѣсто сапога у него на правой ногѣ голенище, завязанное у конца ноги бечевкой. Идетъ споро, ловко, и только покачиваетъ раздробленную у локтя лѣвую руку другой рукой.

— Гдѣ раненъ? — спрашиваетъ мой спутникъ, объѣзжая его.

— На перебѣжкѣ... Тамъ!—киваетъ головой назадъ солдатъ. — Да это што, а вотъ сапогъ стерялъ, ваше бродь, неловко такъ-то...

Съ тяжелымъ металлическимъ лязгомъ, ухая въ разъѣзженныхъ колеяхъ, проѣзжаетъ орудіе. И у правой подручной лошади первой пары сухія, круто выпирающіяся отъ натуги ребра, а выносной солдатъ съ нахмуренными бровями и стиснутыми зубами хлещетъ ее нагайкой. И то же отрѣшенное, не лишенное жестокости, лицо у него, лицо человѣка, которому не до сентиментальности, жалости и всего прочаго...

Штабсъ-капитанъ, связанный съ этими мѣстами спеціальнымъ назначеніемъ, покинулъ меня до утра на попеченіе молодого прапорщика запаса съ такимъ землистымъ, изможденнымъ лицомъ, что трудно было понять, какъ онъ еще двигается, шевелитъ ногами и находитъ силу думать и говорить.

Если я проживу Аридовы вѣка, я не забуду этой ночи. Всѣ впечатлѣнія дня, картины, звуки, отдѣльныя лица налегли на душу. Кругомъ черными кучами сидятъ солдаты. Говорятъ рѣдко, медлительно, угрюмо, но не спятъ. Гдѣ-то далеко, на правомъ флангѣ, то вспыхивающая, то угасающая трескотня выстрѣловъ. А здѣсь тихо, и если подойти вплотную, трудно догадаться, что здѣсь сидитъ толпа людей. Я подѣлился съ прапорщикомъ имѣвшимся у меня шоколадомъ, и мы молча жевали его, подавленные этой черной ночью. Черная куча возлѣ меня шевельнулась, и глухой ночной голосъ окликнулъ:

— Ахремовъ, а, Ахремовъ?

— Чего тебѣ?—донеслось издали.

— Ты что жъ, песій сынъ, ранецъ австріяцкій у меня взялъ, а шапки не шьешь... Ранецъ добрый, шерсть хуть телячья, а вонъ какая...

— А когда жъ мнѣ шить было? Въ окопѣ, что ль?

И опять молчаніе.

Какая безконечная, страшная, похожая на смутный сонъ, ночь!.. Въ довершеніе всего, какъ выяснилось уже утромъ, та часть, въ которой я провелъ эту памятную ночь, чуть-чуть не оказалась отрѣзанной нѣмцами.

Когда утромъ, въ сыромъ туманѣ падающей съ неба изморози, со своимъ штабсъ-капитаномъ мы подъѣзжали уже къ Скерневицамъ и мой спутникъ сообщилъ мнѣ это пріятное извѣстіе, я почувствовалъ въ груди нѣкоторый холодокъ. Попасть къ нѣмцамъ въ плѣнъ въ качествѣ невоеннаго человѣка, со всѣми моими записными книжками въ карманахъ, съ картами и альбомчиками, куда я зарисовывалъ наиболѣе характерную конфигурацію окоповъ, внѣшній видъ ихъ, фигуру убитаго солдата—перспектива не изъ пріятныхъ. Въ лучшемъ случаѣ—путешествіе въ Германію, въ худшемъ... Но испугъ заднимъ числомъ прошелъ, и я постарался не думать о возможныхъ перспективахъ.

Въ Скерневицахъ я видѣлъ плѣнныхъ нѣмцевъ и австрійцевъ (дѣйствующія на этомъ фронтѣ кавалерійскія части почти сплошь состоятъ изъ австрійцевъ), видѣлъ взятыхъ въ этотъ день двухъ нѣмецкихъ авіаторовъ, видѣлъ то самое орудіе, что отбили наши.

И тамъ же въ Скерневицахъ ждалъ меня автомобиль и казакъ, у котораго я бралъ лошадь.

Шоферъ, которому все время моего отсутствія пришлось отбиваться отъ настойчивыхъ разспросовъ—кто, зачѣмъ, по какимъ дѣламъ пріѣхалъ?—встрѣтилъ меня чуть не со слезами:

— Нехъ панъ Бугъ брони, въ жизни моей больше не поѣду съ корреспондентомъ... Чуть самоходу не реквизовали, то бъ была штука!..

ПЛѢННЫЕ И ПАВШІЕ.

I.

Въ небольшой, предназначавшейся для совершенно иныхъ цѣлей комнатѣ, съ низкимъ потолкомъ и голыми строгими окнами, передъ заваленнымъ бумагами письменнымъ столомъ стоитъ невысокій коренастый человѣкъ.

Одежда—грубаго сукна куртка съ аллюминіевыми пуговицами, такія же панталоны и подбитые крупными гвоздями сапоги—виситъ мѣшковато, и кажется, что одѣтому въ нее человѣку неудобно.

Очевидно, такихъ куртокъ и панталонъ готовились массы, и когда людей одѣвали, мало считались съ особенностями фигуры. А „подгонку", такъ распространенную въ войскахъ всего міра, дѣлать было некогда.

Человѣкъ стоитъ, вытянувшись во фронтъ, руки по швамъ, но въ напряженной линіи корпуса, въ каменной неподвижности тѣла, въ закинутой назадъ головѣ, такъ, что подбородокъ далеко выступаетъ впередъ,—нѣчто особенное, непривычное для глаза, такъ же, какъ въ мелкой безкозырной фуражкѣ на головѣ стоящаго. И самое странное, особенное—я бы сказалъ, чуждое—въ лицѣ неподвижнаго человѣка. Несомнѣнно, это—крестьянинъ, даже крестьянскій парень; загрубѣлыя, мозолистыя руки, хранящія бѣлые рубцы зажившихъ шрамовъ, сильныя мужицкія руки, знакомыя съ земельнымъ трудомъ. Лицо широкое у висковъ, съ наивными, зеленовато-сѣрыми глазами, срѣзанное къ подбородку острымъ

угломъ. Обыкновенное рядовое лицо, которое можно встрѣтить у тысячи крестьянскихъ парней, но есть въ немъ новое, тонкой и странной тѣнью лежащее на загорѣлой, давно не мытой кожѣ. Испуганная растерянность въ немъ, дѣтская или звѣриная, наивная и вмѣстѣ чуть-чуть угрюмая. Такія лица бываютъ у невидавшихъ свѣта крестьянскихъ бабъ, попавшихъ внезапно въ большой и шумный городъ, заблудившихся въ путаной сѣти страшныхъ улицъ, растерянно мечущихся на вокзалѣ послѣ отхода поѣзда, въ которомъ онѣ должны были уѣхать. Только тутъ, кромѣ прочаго, еще оттѣнокъ трагичности, какъ будто стоящій каждую секунду ожидаетъ внезапнаго и смертельнаго удара сзади.

Передъ столомъ стоитъ плѣнный прусскій кавалеристъ; его допрашиваютъ, записывая показанія на особомъ, снабженномъ девятнадцатью вопросными пунктами, листѣ. Солдатъ отвѣчаетъ точно, коротко, слегка хмурясь при каждомъ новомъ вопросѣ. Ни одного движенія, только еще бо̀льшая напряженность, когда допрашивающій скрипитъ „вѣчнымъ“ перомъ по бумагѣ.

— Zeigen sie mir die Totenmarke!

Totenmarke—маленькая, около вершка въ длину, овальной формы аллюминіевая бляшка съ помѣткой нумера полка, дивизіи, нумера рядового въ полку. Немного жуткое названіе „марка смерти“ нѣсколько не идетъ къ небольшой пластинкѣ, которую каждый прусскій солдатъ носитъ на груди. Эта игрушка, предназначающаяся для учета потерь, служитъ солдату вѣчнымъ напоминаніемъ о смерти.

— Nummer der Nachbartruppe?

Лицо солдата дѣлается еще напряженнѣе.

— Съ сосѣдними частями не соприкасаемся, отвѣтить не могу по незнанію...

— Настроеніе офицеровъ, солдатъ?

— Отъ офицеровъ слышалъ только команду, а солдатамъ разговаривать некогда. Они должны драться.

Большая серьезная школа слышится въ каждомъ отвѣтѣ плѣннаго.

Это уже сдержанность, дающая возможность не лгать, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не сказать.

Уже послѣ допроса, когда спрашивавшій записывалъ послѣднія помѣтки, въ комнату вошелъ офицеръ съ широкими красными лампасами на шароварахъ. Благодаря шинели, закрывающей ноги ниже колѣнъ, лампасовъ этихъ не было видно. Офицеръ подошелъ къ отодвинувшемуся отъ стола плѣнному и заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки. Официальный допросъ былъ конченъ, вошедшій офицеръ завязалъ частный разговоръ. Нѣмецкій солдатъ почувствовалъ это и почтительно, но уже не съ такимъ замкнутымъ лицомъ, отвѣчалъ. Тонкая живая связь обыденныхъ словъ протянулась между двумя людьми. Въ разговорѣ офицеръ чуть-чуть усмѣхнулся и спросилъ:

— Хотѣли бы вы видѣть настоящаго казака?—и прежде, чѣмъ плѣнный отвѣтилъ, откинулъ колѣномъ полу шинели и показалъ широкій красный лампасъ.

Тогда случилось необычайное. Лицо, напоминающее растерянную заблудившуюся бабу, внезапно окаменѣло; въ непонятной сѣти улицъ передъ бабой надъ самой головой сверкнули страшные фонари автомобиля, вой сирены, бѣшеный трескъ машины...

Плѣнный кавалеристъ вдругъ втянулъ шею, ожидая давно готовившійся за его спиной ударъ. Нить оборвалась, и тщетно казачій офицеръ пытался возстановить ее. Дикій призракъ „Kosaken-Soldat“ разомъ опрокинулъ всѣ обычныя слова и представленія.

II.

Я вспомнилъ плѣннаго солдата уже потомъ, въ дорогѣ, когда мимо съ неуловимой быстротой проносились разрушенныя деревни, развороченныя стрѣльбой деревья, пашни, изрытыя глубокими ямами разорвавшихся снарядовъ.

Война у насъ связывается съ образомъ плотной колонны солдатъ, упорно глядящихъ въ землю, съ каменными застывшими лицами, надвигающихся крѣпкимъ шагомъ почти церемоніальнаго марша, а у плѣннаго парня—съ лихо надвинутой на ухо фуражкой и красными лампасами казака. Это живая смерть — сейчасъ, сію минуту, моя смерть, остановившаяся въ двухъ шагахъ и добродушно-насмѣшливо покачивающаяся съ каблуковъ на носки.

Никогда и нигдѣ смерть не была такъ безсильна надъ душой человѣка и властна надъ его бренной оболочкой, какъ въ этой войнѣ.

Мелькающіе по сторонамъ дороги бугры и бугорки, мѣстами уже осѣвшіе и растрескавшіеся, мѣстами украшенные наскоро сдѣланными крестами, показываютъ это. Но бываютъ моменты, когда она вдругъ вплотную приблизитъ лицо свое къ человѣку, и человѣкъ смущенно втягиваетъ голову въ плечи, внезапно замираетъ, и на лицѣ его проступаетъ выраженіе растерянности и тоски. Это случилось съ подступавшими къ Варшавѣ корпусами, это случилось съ плѣннымъ, увидѣвшимъ лампасъ казачьяго офицера.

Жестокости, преднамѣреннаго разрушенія здѣсь, по крайней мѣрѣ, еще не было.

Разстрѣлянный костелъ, пустой, зіяющій ранами обвалившейся штукатурки и вырванными, какъ куски мяса, кирпичами, развалины домовъ, это—результатъ, неминуемый при артиллерійскомъ обстрѣлѣ. Наоборотъ, здѣсь, вблизи Варшавы, чувствуется попытка сохранить дольше удобное для постоя жилище. Расчетъ занять польскую столицу былъ такъ силенъ, что нѣмецкіе квартирмейстеры заранѣе озаботились сохранить помѣщенія для будущихъ, имѣвшихъ прибыть впослѣдствіи, частей. Этотъ расчетъ доходилъ до курьеза: извѣстенъ случай съ нѣмецкимъ офицеромъ, который въ Лодзи отдалъ распоряженіе транспортной конторѣ отправить

вещи въ Варшаву, на Маршалковскую, домъ нумеръ такой-то, а въ Пясечнѣ,—этомъ послѣднемъ пунктѣ временной власти нѣмцевъ, — старый, весь подернутый инеемъ сѣдины обыватель говорилъ мнѣ:

— У меня сынъ въ Варшавѣ, такъ я хотѣлъ письмо ему какъ-нибудь... Офицеръ одинъ... нѣмецъ... Молоденькій такой, еще безъ усовъ... Такъ онъ и говоритъ: Зачѣмъ, говоритъ, посылать, давайте я завтра съ денщикомъ пошлю, завтра, говоритъ, все равно мы тамъ будемъ!..

Теперь нѣтъ ни любезнаго офицера, ни его денщика, и далеко уже откатилась волна, принесшая ихъ. И—кто знаетъ?—можетъ-быть, подъ однимъ изъ осѣдающихъ бугорковъ, съ покосившимся, торопливо врытымъ крестомъ, успокоился наивно-увѣренный безусый офицеръ. Раза два я останавливалъ автомобиль и подходилъ къ этимъ крестамъ. И на одномъ прочелъ торопливую надпись, сдѣланную химическимъ карандашомъ:

— Hier ruhen 4 Deutschen und 1 Russe.

Больше ничего не было помѣчено. Но эта нѣмая, мѣстами расплывшаяся по сырому дереву синяя надпись долго стояла у меня въ глазахъ.

Четыре нѣмца и одинъ русскій,—и всѣ вмѣстѣ, закопанные спѣшной рукой, какъ братья. И опять-таки кто знаетъ ихъ, безвѣстныхъ, ушедшихъ, имя же ихъ Ты, Господи, вѣси, — возможно, что въ отчаянной смертной схваткѣ этотъ ein Russe, дорого продавая свою жизнь, уложилъ этихъ vier Deutschen и легъ самъ.

28 октября 1914 г.

ВЪ ПУТИ.

I.

Я не думаю, чтобы муравьи, живущіе подъ какимъ-нибудь источеннымъ ими пнемъ, были способны производить астрономическія, геологическія и иныя прочія наблюденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что задолго до приближенія грозы кажущаяся безпорядочность ихъ муравьиной кучи, на самомъ дѣлѣ выдержанная въ строгомъ и неуклонномъ порядкѣ муравьиной архитектуры, неуловимо принимаетъ иную внѣшность.

Общественный инстинктъ крохотныхъ созданій подсказываетъ имъ готовящееся измѣненіе въ природѣ, и тысячи крохотныхъ наблюденій надъ внезапно измѣнившейся тяжестью какой-нибудь отсырѣвшей соломинки, или надъ увеличившейся въ своемъ объемѣ сосновой щепочкой громко и властно говорятъ о томъ, что гроза уже идетъ гдѣ-то недалеко, что, возможно, она придетъ и сюда, къ старому пню, подъ которымъ высится муравьиная куча.

Современная война, таинственная и сложная борьба отваги, ловкости, выносливости и тайны, обставлена такими условіями, при которыхъ непричастный къ высшему центральному управленію воинскихъ массъ человѣкъ не можетъ ничего знать

Даже начальники отдѣльныхъ крупныхъ единицъ войскъ, представляющихъ собою периферію войны, не всегда—или вѣрнѣе — никогда не знаютъ о причинахъ

тѣхъ или иныхъ распоряженій, исходящихъ изъ центра. Но общественный инстинктъ человѣческаго муравейника, какимъ является въ Царствѣ Польскомъ Варшава, послѣ всѣхъ пережитыхъ тревогъ, послѣ волненій, настроенъ на такой высокій тонъ, струны его такъ натянуты, что достаточно сравнительно небольшого колебанія гдѣ-нибудь за Ловичемъ, за Ленчицей, чтобы муравейникъ неуловимо измѣнилъ свою внѣшность.

Знаменитый, стяжавшій всероссійскую извѣстность безпроволочный телеграфъ, именуемый съ одной стороны эпическимъ и величавымъ именемъ „людской молвы“, которая, какъ извѣстно, „что морская волна“, а съ другой—не лишеннымъ чуть-чуть пренебрежительнаго юмора названіемъ „пантофельной почты“ — дней шесть тому назадъ принесъ темное и таинственное сообщеніе:

— Нѣмцы перебросили четыре корпуса...

Когда перебросили, куда, какіе корпуса, на всѣ эти вопросы усовершенствованный безпроволочный телеграфъ разводилъ руками. Перебросили — и именно четыре, а не три и не пять. Перебросили „сюда“, не въ Берлинъ же!.. Свѣдѣніе вѣрно; откуда оно—неизвѣстно, но тотъ панъ въ бекешѣ со смушковымъ воротникомъ, который привыкъ за „полчарны“ въ цукернѣ или кавярнѣ на Новомъ Святѣ дѣлать политику, своимъ муравьинымъ инстинктомъ природнаго варшавянина почувствовалъ отдаленные раскаты грома. Тысячи мелкихъ признаковъ, какъ капли дождя на оконномъ стеклѣ, сливаясь въ извилистые потоки, говорили о томъ же.

Эшелоны военныхъ госпиталей вдругъ двинулись и исчезли. На улицахъ стало попадаться меньше докторовъ, сестеръ милосердія и людей съ перевязью краснаго креста на лѣвомъ рукавѣ.

И наконецъ на „шòссѣ повятовой“, безконечной, изрѣзавшей весь край во всѣхъ направленіяхъ „шòссѣ“, показался самъ великій представитель безпроволочнаго телеграфа, въ длинной и узкой, какъ поставленная на

колеса канцелярская линейка, телѣгѣ, запряженной до ужаса худой, ободранной, словно ее рвала стая собакъ, кобылой,—представитель въ характерномъ мелкомъ картузикѣ надъ покорнымъ всему на свѣтѣ лицомъ. Онъ ползъ изъ таинственной глуби деревень, украшенныхъ у околицы древними „фигурами“,—высокими крестами съ Распятіемъ,—везъ свой сложный скарбъ, въ которомъ перина, изломанный стулъ, картонка изъ-подъ дамской шляпы и черноглазая дѣтская головенка перепутались въ художественномъ безпорядкѣ.

Сомнѣній быть не могло. Гроза уже гремѣла гдѣ-то. По принятымъ на себя обязанностямъ, „законамъ вопреки, наперекоръ стихіямъ“, пишущій эти строки полдня леталъ по Варшавѣ на манеръ „Летучаго Голландца“ и наконецъ добылъ единственный, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, способъ передвиженія — автомобиль. Разбрызгивая фейерверкъ брызгъ жидкой, размолотой солдатскими сапогами грязи и возбуждая справедливое негодованіе представителей безпроволочнаго телеграфа оглушающими гудками, отъ которыхъ шарахались скелетообразныя кобылы, мой автомобиль полетѣлъ. Куда? На Гройцы, Скерневицы, Ловичъ, Кутно, Колюшки—куда подскажетъ тотъ самый точный, рѣдко ошибающійся инстинктъ, который двинулъ по безконечнымъ „шоссамъ повятовымъ“ длинную вереницу телѣгъ.

II.

Человѣку, лично не видѣвшему разрушенныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, взорванныхъ мостовъ, исковерканныхъ нечеловѣческой силой пироксилина стрѣлокъ, носящихъ техническое названіе „крестовинъ“, трудно, почти невозможно вообразить истинную картину опустошенія.

Въ деревняхъ, въ селахъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ разрушеній какъ будто меньше.

Стоятъ традиціонныя „фигуры“, простирая руки почернѣвшаго Распятія всѣмъ проѣзжимъ и прохожимъ,

старыя ветлы мохнатятся на плотинахъ, и только изрѣдка, мѣстами, мелькнетъ вдругъ сиротливая, странная въ своемъ одиночествѣ труба сгорѣвшей халупы. Временами попадаются двѣ-три-пять такихъ трубъ, непремѣнно рядомъ, а остальной порядокъ избъ цѣлъ.

— Въ чемъ дѣло, почему пожарище? — спрашиваешь какую-нибудь старуху, выползшую изъ уцѣлѣвшей хаты.

— Германцы попалили... Арматамъ ихнимъ стрѣлять мѣшали, они и попалили.

И опять тянутся совершенно цѣлыя деревни, высоко поднимающіяся на перекресткахъ „фигуры“, потемнѣвшія отъ дождей и непогоды гипсовыя статуи Дѣвы Маріи, св. Яна, св. Роха... Но чѣмъ дальше врѣзается автомобиль въ путанную сѣть этихъ деревень, чѣмъ глубже втягивается онъ въ сердце края, тѣмъ глуше и тише дѣлается вокругъ. Кажется, нѣтъ никакихъ видимыхъ, бьющихъ въ глаза причинъ, но странная далекая печаль охватываетъ душу.

И невольно память выдвигаетъ мелкіе, чуть замѣтные признаки обездоленія края. Почему-то вездѣ—въ деревняхъ и селахъ—встрѣчались въ большинствѣ случаевъ старыя лица. Порою видны были дѣти, много дѣтей, кое-какъ одѣтыхъ, завернутыхъ въ какія-то тряпки, странныхъ молчаливыхъ дѣтей съ посинѣлыми озяблыми лицами и красными руками.

Вспоминается почему-то большая, просторная изба, куда мы заѣзжали выпить чаю, и заткнутыя въ ней тряпицами и соломой выбитыя окна... И темное, исчерченное морщинами, напоминающее растрескавшуюся въ засуху землю, лицо, потухшіе глаза и вялая, равнодушная рѣчь... И бѣдность, смотрящая изъ каждаго угла.

И становится понятной далекая тоска изрытыхъ глубокими рядами окоповъ полей, и уже титаническія разрушенія желѣзнодорожныхъ станцій кажутся наивными дѣтскими игрушками... Сдѣланное человѣческими руками можно возсоздать вновь. Пройдутъ годы,—раны

войны, даже наиболѣе глубокія, затянутся, и снова весело побѣжитъ по исправленнымъ рельсамъ паровозъ и застучатъ вагоны, и оживленныя станціи встрѣтятъ ихъ своими разноцвѣтными, струящимися, какъ жидкіе рубины и хризолиты, огнями.

Быстро мелькаютъ мимо ветлы и хаты, перелѣски и запруды, унылые медлительные силуэты не́ знающихъ къ чему приложить руки людей,—и растетъ, ширится, все ближе и ближе подступаетъ безнадежная тоска разореннаго края... И мысль невольно тянется туда, гдѣ глухо и часто ухаютъ пушечные выстрѣлы, и гдѣ война пируетъ свой праздникъ.

13 ноября 1914 г.

ПОДЪ ЛОВИЧЕМЪ.

I.

Отъ Варшавы до Ловича около шестидесяти верстъ; въ обычное время прогулка на автомобилѣ по чудесному, ровному, какъ трэкъ, шоссе, представляющему собой аллею изъ старыхъ, какъ-то особенно художественныхъ ветелъ, можетъ быть только пріятной. По сторонамъ — пологія поля, длинныя деревни въ отдаленіи, иногда темная гряда лѣса. Порою попадается усадьба, старая меланхолическая усадьба съ низкимъ длиннымъ домомъ, украшеннымъ колоннами, съ задумчивыми прудами, по которымъ теперь катаются на конькахъ мальчишки... Въ обычное время здѣсь должно быть тихо, уютно, немного лѣниво, и время плыветъ неторопливо и спокойно длинными солнечными днями.

Но теперь война, и все обычное, мирное и неторопливое теперь представляется чѣмъ-то далекимъ, похожимъ на прекрасный сонъ давно минувшаго дѣтства. Уже у самой Варшавы, въ 7—10 верстахъ, начинаютъ попадаться разрушенныя снарядами зданія. Выбитыя окна, иногда вмѣстѣ съ рамами и косяками, угрюмо и нѣмо смотрятъ на дорогу. Мѣстами въ правильной кладкѣ стѣны зіяетъ развороченными краями черная дыра отъ снаряда. Пробитая и сбитая крыша виситъ ненужно и странно. И жалко и страшно выглядитъ человѣческое жилье въ этомъ разрушеніи. Это война шагнула сюда, это ея власть остановила неторопливое теченіе мирной жизни.

Длинные безконечные обозы тянутся во имя ея по аллеѣ старыхъ ветелъ, останавливаются, кормятъ лошадей, и порою горьковато-теплый запахъ дымка отъ наскоро разложеннаго костра тянется въ холодномъ воздухѣ. Приходится обгонять отдѣльныхъ солдатъ и цѣлыя части, кавалерійскія и пѣхотныя. Зима уже измѣнила ихъ внѣшность — люди идутъ и ѣдутъ закутанные въ башлыки, кое-гдѣ въ полушубки, а казаки— эти особенные, рѣзко отличающіеся типомъ лица уральскіе казаки въ огромныхъ черныхъ папахахъ, на маленькихъ мохнатыхъ лошадяхъ—тѣ иногда поражаютъ своей изобрѣтательностью по части одежды. На нихъ намотано Богъ знаетъ что̀, укутано, подтянуто, застегнуто такъ, что торчитъ только темное узкоглазое лицо.

Есть города на Руси, которые никакая война, кажется, не сдѣлаетъ грязнѣе. Мнѣ кажется, Сохачевъ никогда не былъ, не можетъ быть и не будетъ чище, чѣмъ теперь, когда сквозь него прошла цѣлая армія. Узенькія кривыя улицы, сдавленныя грязными, до невозможности тѣсно сжавшимися домами, вымощенныя какими-то сталактитами, сплошь покрыты липкой черной грязью. Въ поляхъ морозъ, земля звенитъ подъ колесомъ, и чуткій настывшій воздухъ долго качаетъ отзвукъ, а здѣсь какъ будто никогда не было мороза — здѣсь особое тепло нечистоплотнаго, скученнаго, обѣднѣвшаго до нищеты человѣческаго жилья. Солдатъ, переходящій площадь, тонетъ по щиколотку въ грязи и скользитъ, весело ругаясь на неожиданные ухабы. Четверка большихъ, рослыхъ лошадей не можетъ взять въ гору съ моста обозную фуру, и солдаты, какъ муравьи, лѣпятся около нея, покрикивая и на лошадей и другъ на друга.

II

Сразу же за Сохачевомъ стали попадаться признаки недавняго боя. Длинныя фуры съ закрытымъ холстомъ верхомъ медленно ползли навстрѣчу; болѣе легко раненые

ѣхали въ простыхъ телѣгахъ, лежа и сидя, и равнодушно провожали автомобиль глазами.

Въ сущности, большихъ потерь въ дѣлѣ подъ Ловичемъ не было. Но такъ страшно, такъ необычайно перенестись за нѣсколько часовъ отъ веселой, блестящей, легкомысленной Варшавы сюда, гдѣ единственнымъ, даже какъ будто потерявшимъ свою остроту вопросомъ, является только вопросъ жизни и смерти,—что глазъ невольно искалъ бѣлыя, издалека видныя повязки бинтовъ и распластанныя, укрытыя до подбородка шинелью или одѣяломъ фигуры. И все, что̀ еще сегодня утромъ казалось важнымъ и нужнымъ, стало такимъ ничтожнымъ и мелкимъ, что о немъ было стыдно вспоминать.

Темная, зыблющаяся колонна вырисовалась впереди. Что-то незнакомое было въ ней—въ головныхъ уборахъ, и это было замѣтно даже издали. Это шла партія плѣнныхъ, человѣкъ сто или сто пятьдесятъ, пруссаки въ каскахъ, у нѣкоторыхъ закрытыхъ парусиновыми чехлами; въ большинствѣ—немолодыя „ландверныя“ лица, истомленныя, пожелтѣвшія, со слѣдами долгой безсонницы.

Они прошли, и впереди въ просвѣтахъ между ветлами показался силуэтъ Ловича...

III.

Ловичъ—старинный, по-своему красивый городъ, полный старыхъ характерныхъ зданій съ окнами, похожими на бойницы, съ широкими контрфорсами, поддерживающими необъятной толщины стѣны.

Надъ всѣмъ городомъ величаво и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозно возвышается костелъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ архитектуры XII вѣка. Этотъ костелъ, тяжелый по массиву основного зданія, украшенъ двумя такими легкими, стройными башенками, что не хочется отвести отъ нихъ взгляда. Городъ пережилъ бомбардировку, но, по счастью, костелъ отдѣлался незначительными поврежденіями.

Исторію этого событія мнѣ разсказалъ начальникъ земской стражи, штабсъ-капитанъ Ф—товъ; снарядъ — большой бризантный снарядъ, извѣстный въ нашей арміи подъ названіемъ чемодана — попалъ въ окно костела; желѣзная рѣшетка, о которую онъ ударился, измѣнила направленіе полета: снарядъ рикошетировалъ вверхъ, пробилъ потолокъ, сдѣлалъ въ крышѣ огромную дыру и, вылетѣвъ на улицу, разорвался на мостовой.

Такихъ неожиданностей жителямъ пришлось перенести не мало. Главный обстрѣлъ производился по костелу и деревянному мосту. Здѣсь, на берегу рѣки, въ бронзовой повявшей травѣ низкаго луга, вырваны этими снарядами огромныя черныя пятна.

Ловичъ когда-то былъ столицей Мазовецкихъ князей. До сихъ поръ въ городѣ сохранилось замкоподобное зданіе—княжой домъ. Ловичскій уѣздъ—самый богатый уѣздъ губерніи, населенный такъ называемыми ксенжаками. Одни они носятъ чуть ли не во всей Польшѣ особенный, странный для чужого глаза костюмъ: штаны изъ полосатой, желтой съ зеленымъ, матеріи, широчайшаго фасона, едва закрывающіе колѣни. Это старинный костюмъ ксенжака, и, надо признаться, когда старый, наголо бритый ксенжакъ стоитъ въ сосредоточенно философскомъ созерцаніи съ трубкой въ зубахъ возлѣ воротъ своей халупы, онъ имѣетъ видъ несомнѣнно художественный.

Меня заинтересовало названіе „ксенжаки“; оказывается, это бывшіе крѣпостные, принадлежавшіе ловичскимъ князьямъ церкви—епископамъ. Традиція религіозности, вообще сильная въ Польшѣ, гдѣ на каждомъ перекресткѣ Распятіе или статуя Богоматери, въ ксенжакахъ особенно сильна; и ею мѣстные люди объясняютъ выдающуюся зажиточность населенія.

Эти самые ксенжаки наутро послѣ моего пріѣзда исполняли натуральную повинность: зарывали убитыхъ нѣмцевъ.

IV.

Дѣло подъ Ловичемъ—одно изъ наиболѣе любопытныхъ дѣлъ послѣдняго времени.

Если просмотрѣть бѣгло всѣ событія, приведшія къ нему, станетъ понятно и доходящее до отчаянія сопротивленіе нѣмцевъ, и страшныя раненія на трупахъ, и отдѣльныя фигуры между окопами, лежавшія иногда звеньями длинной цѣпи.

17—20-го октября нѣмцы подступили къ Варшавѣ и были отбиты. 27-го октября они были вытѣснены вплоть до границы. Генералъ Гинденбургъ, извѣстный теперь всей Россіи генералъ, исчезъ. Онъ появился съ переброшенными съ французскаго фронта войсками возлѣ Влоцлавска и Плоцка. Четыре корпуса вновь вошли, но находившіяся по бокамъ русскія войска опять сомкнулись, и нѣмцы оказались отрѣзанными. Два корпуса прорвались у Турска назадъ, а два бродятъ и по настоящій моментъ, когда я пишу эти строки, отрѣзанные и загнанные внутрь Польши... Они пошли на Ленчицу, бросились на Кутно, гдѣ въ большомъ сраженіи, о которомъ я уже писалъ, потеряли 14 тысячъ человѣкъ; девять нашихъ офицеровъ четыре дня хоронили ихъ съ тучей солдатъ. Наконецъ 12-го ноября эти два корпуса нѣмцевъ бросились на Ловичъ и тутъ потерпѣли значительный уронъ. Они отступили и заметались, какъ раненый на-смерть, окруженный звѣрь, уже не пытаясь спастись, а всецѣло задавшись цѣлью какъ можно дороже продать свою жизнь.

V.

Вечеромъ, когда уже начало темнѣть, дивизіонный генералъ предложилъ мнѣ проѣхать на позиціи. Генералъ не спалъ четыре ночи, и, какъ онъ объяснялъ мнѣ, воспользовался случаемъ хоть на часъ отойти отъ работы.

Мы поѣхали за городъ.

Бой былъ подъ самымъ городомъ, окопы переходили черезъ шоссе отъ химическаго завода къ кирпичному, и сошлись эти окопы, повернутые другъ къ другу валами выкопанной земли на 228 шаговъ. На слѣдующій день утромъ я измѣрялъ разстояніе между русскими и нѣмецкими окопами шагами... Это былъ отчаянный ударъ загнаннаго, умирающаго звѣря. Трупами были наполнены окопы.

Мы прошли немного по полю и вернулись къ автомобилю. Ксенжаки все еще носили трупы, а проходившіе солдаты останавливались, разглядывали своихъ вчерашнихъ враговъ, иногда трогали концомъ ноги трупъ, чтобы посмотрѣть, какъ одѣтъ „ихній солдатъ".

— Ну что, не лучше нашего? — спросилъ я какого-то сибирца.

— Не, не гораздъ чтобы... Конешно, фуфайка на емъ, послѣ сапоги... Сапоги вотъ добрые—ишь какими гвоздями подбиты,—указалъ онъ на тяжелый германскій сапогъ, подбитый, какъ у альпійскихъ туристовъ, огромными блестящими шляпками гвоздей.

Тьма падала все ниже. Большое плоское поле синѣло холодно и неуютно. Мимо по шоссе проходили часть за частью, тянулись безконечные артиллерійскіе парки, дымящіяся кухни. Когда мы возвращались, пошелъ снѣгъ, сначала неувѣренно, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, медленно кружась въ воздухѣ, полетѣли бѣлыя бабочки.

VI.

Въ городѣ, въ мѣстномъ скверѣ, горѣли костры, и солдаты прыгали возлѣ нихъ огромными черными тѣнями. По площади тянулся артиллерійскій паркъ, орудія глухо лязгали по мостовой, и лошади казались огромными призраками.

Прощаясь со мною, генералъ постоялъ немного, подумалъ и посмотрѣлъ на меня.

Острый вопросъ войны—шпіоны. Я спросилъ о нихъ генерала.

— А какъ же!.. Вчера поймали... Мезонинъ—уже за городомъ, почти въ полѣ. Замѣтили наши: свѣтъ странный какой-то, — туда! Что же оказывается — германскій подданный, пріѣхалъ за двѣ недѣли до войны, никто толкомъ не знаетъ зачѣмъ. Сидитъ на мезонинчикѣ, свѣча и зеркало небольшое... И жаритъ по Морзу ни болѣе, ни менѣе... Ихъ окопы—вотъ они, вы видѣли — онъ туда и валитъ... Ну, судъ... Вы знаете судъ „по законамъ военнаго времени“?..

Высокій тонкій солдатъ пріостановился около, смутно чернѣя во мракѣ.

— Ты что, раненъ? — обратился къ нему генералъ.

— Такъ точно, ваше высокородіе!—неторопливо отвѣтилъ тотъ, не разбирая въ темнотѣ генерала.—До госпиталя какъ дойти?

— А ты бы прежде полкъ нашелъ, винтовку сдалъ, патроны, а потомъ въ госпиталь... Дойти вѣдь можешь? Ты куда раненъ-то?

— Такъ точно, могу... Вотъ! — такъ же неторопливо проговорилъ солдатъ и распахнулъ шинель.

Генералъ зажегъ карманный электрическій фонарь и освѣтилъ солдата. Солдатъ стоялъ прямо, слегка опираясь на винтовку.

— Ну иди, иди, голубчикъ — госпиталь налѣво, потомъ направо третій домъ... Иди!—отпустилъ его генералъ и, когда солдатъ пошелъ дальше, тѣмъ же таинственнымъ голосомъ добавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Видѣли? Вотъ они какіе... И всѣ, замѣтьте,—всѣ таковы...

VII.

Я попрощался съ генераломъ и отправился къ себѣ. По площади попрежнему тянулась артиллерія, обозы, шла безконечной фалангой пѣхота. Послѣ боя, послѣ огром-

наго напряженія, свойственнаго только бою, люди шли дальше, за шестнадцать верстъ.

Я сидѣлъ въ пустой холодной комнатѣ старика еврея, пилъ чай, ужиналъ, а тамъ все шли и шли...

Ночью я раза два вышелъ къ воротамъ. По площади все тянулись обозы и орудія, и чей-то хриплый надорвавшійся голосъ сердито кричалъ:

— Зарядной ящикъ—шагомъ маршъ! Вытягивай! Эй, пѣхота, возьми къ сторонкѣ, дай проѣхать! Вытягивай же, ты, заснулъ?!.

И дальше слышались крики и тотъ же скрипъ обоза, тяжелый лязгъ артиллеріи, звонкій перебой подковъ кавалерійскаго эскадрона.

И снѣгъ—неторопливый, равнодушный ко всему, крупный первый снѣгъ крылъ землю тускло-свѣтящейся во мракѣ пеленой. Онъ падалъ здѣсь, около темныхъ воротъ, тамъ, на площади, гдѣ непрерывно и тяжело катилась человѣческая волна, и на обсаженныхъ старыми ветлами дорогахъ, и въ низкомъ ровномъ полѣ, изрытомъ окопами и усѣянномъ окоченѣлыми трупами чужихъ людей. Молча и непрестанно падали бѣлыя бабочки, кружились и таяли—и какъ будто хотѣли заглушить безсонные звуки безсонныхъ людей, которые должны днемъ драться, а ночью итти

И старая грѣшная земля устало вздыхала этими звуками, и черный силуэтъ стариннаго костела слушалъ ихъ, въ безмолвномъ моленіи простирая вверхъ къ черному небу свои граціозныя башенки.

ПОСЛѢ БОЯ.

I.

Я не знаю ничего болѣе величественнаго и скорбнаго, чѣмъ поле сраженія на другой день послѣ боя.

За ночь выпалъ снѣгъ, не глубокій, едва прикрывшій землю тонкимъ бѣлымъ налетомъ. Широкое ржаное поле съ помятой, вытоптанной мѣстами озимью, пестрѣетъ чернымъ узоромъ бороздъ, выдавшихся повыше, и глубокими канавами окоповъ.

Вчера вечеромъ успѣли убрать только всѣ трупы русскихъ и часть нѣмцевъ. Но значительное количество послѣднихъ лежало еще въ окопахъ и между ними — припорошенныя снѣгомъ, издалека видныя темныя кучи на бѣломъ фонѣ поля.

Длинныя, запряженныя парой исхудавшихъ лошадей, телѣги медленно ползаютъ по полю, подбирая трупы и свозя ихъ къ общей могилѣ. Ее копаютъ человѣкъ двадцать, выбрасывая лопатами желтый разсыпающійся песокъ, перекидываясь замѣчаніями, порою смѣясь.

То, что̀ вчера, въ сумракѣ надвигавшейся ночи, казалось таинственнымъ, почти страшнымъ, днемъ представляется простымъ и обычнымъ. Я ходилъ между рядами труповъ, и мысль странно раздвоилась, отупѣла какъ-то—и эта гора исковерканныхъ человѣческихъ тѣлъ не связывалась съ представленіемъ о самодовлѣющемъ человѣческомъ существованіи.

Передо мной была трагедія, величайшая изъ всѣхъ

трагедій—трагедія человѣческой жизни, а чувство было такое, какъ будто кругомъ не трупы, а восковыя фигуры, что ли, или хорошо сдѣланные препараты, не имѣющіе въ прошломъ ничего.

Было неловко, даже стыдно чего-то, и мысль настойчиво говорила объ ужасѣ войны, о тоскѣ послѣдней минуты, но чувство молчало, и холодно и безстрастно ловилъ глазъ мелкія подробности страшной картины.

Подъѣхала телѣга, наполненная трупами. Высокій красивый старикъ въ короткомъ ярко-желтомъ полушубкѣ съ чернымъ бараньимъ воротникомъ, съ палочкой въ рукахъ—очевидно, гминный старшина, завѣдывавшій похоронами, крикнулъ, чтобы телѣга подъѣзжала ближе къ могилѣ. Парень, правившій лошадьми, щелкнулъ длиннымъ бичомъ, дернулъ вожжи и повернулъ лошадей. Лошади пріостановились, и старикъ-гминный крикнулъ:

— Прендзѣй, прендзѣй, цо тамъ? Прендзѣй, Янекъ!..

У одного трупа изъ-за борта мундира выпала записная книжка и цѣлый ворохъ писемъ. Бѣлые листки вѣеромъ разлетѣлись кругомъ, и солдатъ подобралъ ихъ.

— Може, вамъ понадобятся, — проговорилъ онъ, протягивая мнѣ книжку и письма:—эва сколько написано...

Я далъ ему серебряную мелочь, но онъ долго отнѣкивался и сконфуженно бормоталъ:

— Да я вѣдь не потому... Я такъ, думалъ — вамъ любопытно!..

Письма я спряталъ, чтобы просмотрѣть надосугѣ. Яма еще не была готова, — гминный на мой вопросъ отвѣтилъ, что „годины пшезъ пулторы“ будутъ закапывать. Я пошелъ бродить по полю.

Какое странное печальное поле!.. Слѣды недавняго говорили темнымъ и внятнымъ языкомъ о разыгравшейся трагедіи, и если внимательно прислушаться, можно уловить и понять этотъ языкъ... Вотъ ранецъ, растрепанный, мѣстами распоротый, и около него бѣлыя пятна конвертовъ. Я подобралъ ихъ и, когда поднялся,

Утромъ послѣ ночного боя. Нѣмецкіе трупы.

увидѣлъ тутъ же, въ маленькой впадинкѣ, самого адресата. . . . . .

. . . . . .

Я посмотрѣлъ на одинъ изъ подобранныхъ конвертовъ и прочелъ:

„Feldpostbrief. An den Landvehrmann A* Z* Königsberg, Fort Friedrich Vilhelm III od. Charlottenburg. Reserve Infant. Regiment. №* Ersatz Bataillon“, и штемпель: „Berlin, 10—X—14“. . . . . .

Странный видъ имѣетъ поле сраженія послѣ недавняго боя. Валяются кожаные подсумки съ патронами и пустыя, смятыя, иногда окровавленныя шапки, безъ козырька, съ двумя кокардами на околышѣ и на тульѣ. И много какихъ-то бумажекъ, картонокъ, лоскутковъ. Откуда появились эти бумажки и тряпки? Похоже, будто здѣсь стоялъ огромный цыганскій таборъ. Много всякой нечистоты, сопровождающей человѣка во всѣ дни его жизни.

II.

Трупы усиленно убирались. Тамъ и здѣсь по полю ползали длинныя громоздкія телѣги, подбиравшія ихъ. Но все же ихъ было много—въ окопахъ, канавахъ, прямо въ полѣ. Странный и жуткій, если вообразить картину послѣдней минуты ихъ, видъ имѣли трупы, тянувшіеся цѣпью черезъ шоссе. Лежали они между окопами длинной діагональю, самый ближній шагахъ въ тридцати отъ русской линіи, потомъ постепенно удаляясь, одинъ за другимъ. Очевидно, трагизмъ положенія охваченныхъ со всѣхъ сторонъ толкнулъ на отчаянное рѣшеніе—выбить русскихъ изъ окоповъ, и одинъ за другимъ, воодушевляя одинъ другого, нѣмцы выскакивали и бѣжали впередъ.

Ихъ подпустили ближе, и когда первый былъ въ тридцати шагахъ, встрѣтили пулеметнымъ огнемъ. Они легли—и лежатъ, чуть запудренные снѣгомъ.

Упругій морозный вѣтеръ гналъ по небу низкія, грозящія снѣгомъ облака. Съ безмолвной тоскливой жалобой мотались вѣтви высокихъ ветелъ, голыя, тонкія, иззябшія вѣтви. Много деревьевъ лежало снесенныхъ снарядами, расщепленныхъ, открывшихъ ярко-бѣлую сердцевину—и они тоже были какъ трупы, участники войны. Много лошадиныхъ труповъ валялось вдоль шоссе—и они тоже участвовали въ этомъ столкновеніи и легли.

Когда я вернулся назадъ, къ могилѣ, ее уже кончили копать и туда сбрасывали трупы. Первыя лопаты песку посыпались сверху.

Вечеромъ, уже въ Скерневицахъ, куда я перебросился въ поискахъ штаба корпуса, я пересмотрѣлъ взятыя на полѣ смерти письма. Они всѣ объединяются въ типъ, варіаціи котораго мало отличаются одна отъ другой. Части, павшія подъ Ловичемъ, переброшены съ французскаго фронта. Есть письма отъ пріятелей, оставшихся тамъ и описывающихъ положеніе дѣлъ на Западѣ.

Большинство писемъ—женскія, и полны они жалобами на плохія времена, на отсутствіе заработковъ, на дороговизну жизни. Особенно много жалобъ на то, что отправляемыя съ теплымъ бѣльемъ посылки доходятъ медленно или совсѣмъ не доходятъ. И письма ужасно медленно идутъ, и на одномъ изъ нихъ, написанномъ чернилами, имѣется подъ датой самаго письма: „Berlin, den 5. 9. 1914“ саркастическая помѣтка карандашомъ: „erhalten 24. X. 14“. . . . . .

. . . . . .

Послѣднимъ аккордомъ трагической симфоніи смерти былъ тщательно сложенный вчетверо конвертъ, спрятанный въ полотняномъ карманчикѣ записной книжки. Бумага заносилась по сгибамъ, какіе-то катышки шерсти пристали къ ней, и мѣстами изорвался уже непрочный конвертъ. Я осторожно вынулъ письмо, прочелъ тревожныя и любовныя слова—и перевернулъ страницу. Маленькая, размѣромъ со спичечную коробку, фотографія выпала на столъ. Это была одна изъ тѣхъ фотографій, какія дѣлаются въ кіоскахъ, въ скверахъ, прямо на улицѣ бродячими фотографами. На ней былъ изображенъ мальчикъ пяти-шести лѣтъ, наивно и любопытно таращившій веселые глазенки. Матросская курточка и такая же шапка съ двумя кокардами, на околышѣ и тульѣ, какъ у прусскаго солдата, сидѣли мѣшковато и неловко. Не было сомнѣній, что это былъ праздничный, рѣдко надѣвающійся костюмъ.

Я посмотрѣлъ разъ и другой фотографію, перечелъ письмо и всталъ.

III.

Въ отведенной магистратомъ у бѣднаго кузнеца комнатѣ было холодно. Свѣча неровно горѣла, и черныя тѣни беззвучно скользили по стѣнамъ, прятались въ углахъ, живо и хитро выжидая чего-то.

За стѣной попискивалъ грудной ребенокъ, и сонный

материнскій голосъ укачивалъ его. Въ окна смотрѣла голубая, полная луннаго свѣта и черныхъ тѣней, морозная ночь.

Я ходилъ по комнатѣ, потирая руки отъ холода, поглядывалъ на бѣлѣвшее на столѣ письмо.

. . . . . .

. . . . . .

Въ напряженной сутолокѣ войны впечатлительность человѣка притупляется, и ощущенія отъ периферіи къ центру доходятъ не сразу. Теперь, шагая изъ угла въ уголъ пустой холодной комнаты, я перебралъ весь день, и смутная, неловкая, какъ большой камень, тяжесть давила сердце. Не было ужаса, возмущенія, порыва, была только давящая неудобная тяжесть, отъ которой никакъ нельзя избавиться... Было странно думать, что вотъ смотрятъ на меня съ маленькаго блестящаго листка бумаги дѣтскіе наивные глаза, а тотъ, кого встрѣчали они со смѣхомъ и лаской, засыпанъ желтымъ пескомъ.

Ужасно длинная была эта ночь. Я пробовалъ лечь, тушилъ свѣчу—и голубые правильные квадраты луннаго свѣта ложились на полу; потомъ вставалъ, опять зажигалъ огонь—и черныя тѣни кружились въ молчаливой и насмѣшливой игрѣ вокругъ. И письмо съ маленькой отферротипированной карточкой назойливо лѣзло въ глаза. А въ горлѣ было сухо и терпко, и тотъ же холодный неловкій камень давилъ сердце.

Забылся я только подъ утро. Вдругъ рѣзкій, дробный стукъ заставилъ вскочить на ноги.

Ночь еще не ушла, и блѣдный, посинѣвшій отъ холода мѣсяцъ стоялъ надъ черной крышей сарая. Плотнымъ силуэтомъ чеканился съ той стороны человѣкъ въ мохнатой шапкѣ и съ большимъ воротникомъ на шубѣ. Я узналъ своего шофера.

— Бензинъ изъ штабу принесли... —глухо бубнилъ онъ:—язда!..

За стѣной уже громко кричалъ ребенокъ и звякало желѣзо самоварной трубы. Опять вставать, опять бѣшеный ходъ автомобиля по безконечной аллеѣ шоссе, опять ледянящій вѣтеръ въ лицо...

А на столѣ, все такъ же весело и наивно тараща удивленные глазенки, лежалъ забытый мною портретъ шестилѣтняго мальчика.

Скерневицы. 14 ноября.

СТИХІЯ ВОЙНЫ.

Въ товарномъ вагонѣ съ отодвинутой на одной сторонѣ дверью близко къ краю поставлена простая бѣлая скамья. На ней съ винтовками въ рукахъ сидятъ наши солдаты съ обвѣтренными лицами и ободранными заскорузлыми руками. За ними полукругомъ, охватывая скамейку, плѣнные нѣмцы.

Нѣмцевъ собственно немного: одинъ ландштурмистъ, маленькій, уже не молодой, съ желтымъ истощеннымъ лицомъ и совершенно не идущими къ нему темными, распушенными въ стороны усами; потомъ молодой парень съ бѣлесыми наивными глазами, казавшимися совсѣмъ дѣтскими отъ совершенно бѣлыхъ рѣсницъ,— очевидно, уроженецъ Восточной Пруссіи, потому что потомъ оказалось, что онъ отлично говоритъ по-польски. Еще двѣ-три незамѣтныхъ солдатскихъ фигуры — и остальные, человѣкъ пятнадцать или двадцать—австрійскіе гусары въ высокихъ киверахъ, закрытыхъ чехлами защитнаго цвѣта.

Около вагона небольшая толпа желѣзнодорожныхъ служащихъ, оставшихся въ Скерневицахъ обывателей и солдатъ расположенныхъ здѣсь частей. И плѣнные и толпа смотрятъ другъ на друга любопытно, но съ дѣланнымъ равнодушіемъ. Скерневицкіе обыватели видѣли уже нѣмцевъ однажды, но такъ, въ упоръ, бездѣятельныхъ и безопасныхъ, разсматриваютъ ихъ впер-

вые. Плѣнные тоже видѣли раньше „этихъ русскихъ“, но самое ощущеніе плѣна, то, что впереди сотни верстъ невѣдомой страны и мѣсяцы невѣдомой жизни среди „этихъ самыхъ русскихъ“, заставляетъ тревожнѣе и пристальнѣе вглядѣться въ нихъ. Солдаты конвоя зѣваютъ—они не спали двѣ ночи, справляются съ носомъ при помощи пальцевъ и какъ будто совершенно не обращаютъ вниманія ни на тѣхъ, ни на другихъ.

Подошедшій къ вагону уполномоченный Краснаго Креста перекидывается съ плѣнными нѣсколькими нѣмецкими фразами. Отвѣчаютъ сдержанно, какъ бы провѣряя каждое слово и опасаясь за него. Сѣдоусый, словно выскочившій изъ Сенкевичевскаго романа полякъ-желѣзнодорожникъ возмущенно разсказываетъ окружающимъ его обывателямъ о томъ, какъ два пойманныхъ и находящихся въ этомъ же поѣздѣ авіатора бросали бомбы въ мирное населеніе. Молодой свѣтлоглазый плѣнникъ долго молчалъ, мигая своими бѣлыми рѣсницами, потомъ встрепенулся и на чистѣйшемъ польскомъ языкѣ замѣтилъ:

— Это не нѣмцы начали... Нѣмцы не хотѣли этого, первые французы стали бомбы бросать!

Персонажъ Сенкевичевскаго романа рѣзко повернулся къ нему и секунду смотрѣлъ выпуклыми старческими глазами.

— Французы?! Говоришь — фран-цу-зы?! — протянулъ онъ.—А что же французы разрушили? Мы всѣ знаемъ, что нѣмцы разрушили Реймскій соборъ, Лувенъ, разорили Бельгію, а что же разрушили и разорили французы, а?

Споръ загорѣлся, солдатъ оживился и настаивалъ на томъ, что французы первые начали бросать съ аэроплановъ бомбы.

— Нѣмцы совсѣмъ не думали этого, —горячо утверждалъ онъ, какъ будто онъ, простой пѣхотный солдатъ, былъ въ курсѣ того, что думали или не думали тѣ

нѣмцы, что̀ вытолкнули его изъ родного гнѣзда:—французы начали, нѣмцы должны были отвѣчать...

— Ну, да это хорошо уже извѣстно!—съ презрительнымъ возмущеніемъ парировалъ полякъ.—Здѣсь вы говорите, что французы начали первые, а на французскомъ фронтѣ, что русскіе! Очень хорошо знаемъ васъ, швабовъ!..

Изъ другого вагона подошелъ австрійскій кавалеристъ, юнкеръ. Онъ пользовался правомъ передвиженія отъ одного вагона къ другому въ интересахъ дисциплины плѣнныхъ. Звякая длинными изогнутыми шпорами, прикрѣпленными къ шнурованнымъ ботинкамъ, верхняя часть которыхъ была забинтована вплоть до колѣнъ узенькими тесьмами, напоминающими наши покромки отъ мужицкихъ лаптей, рѣзкимъ движеніемъ онъ раздвинулъ собравшуюся у вагона толпу и, не поднимая опущенныхъ вѣкъ, быстро и властно сказалъ солдату по-нѣмецки:

— Не болтать! Я запрещаю разговаривать. Чтобы ни одного слова больше!..

Потомъ такъ же рѣзко повернулся и, звеня шпорами, прошелъ къ своему вагону. Солдатъ смутился нѣсколько, но не откозырялъ и даже не опустилъ засунутой за ременный поясъ руки. Но говорить больше все же не сталъ.

Уполномоченный, милый и любезный человѣкъ, которому я былъ обязанъ нѣсколькими стаканами горячаго чая, потащилъ меня смотрѣть авіаторовъ.

— Это, знаете, посерьезнѣе публика, не чета этому фендрику юнкеру,—говорилъ онъ, подводя меня къ разрушенному углу станціоннаго зданія.—Извольте поглядѣть, какія птицы!..

„Птицы“ стояли подъ охраной трехъ солдатъ. Замкнутыя, застывшія въ каменной неподвижности лица казались равнодушными ко всему окружающему. Одинъ, высокій и плотный, въ мѣховой защитнаго цвѣта курткѣ,

за все время ни разу не поднялъ глазъ, не удостоивая даже взглядомъ разсматривающую его кучку людей.

Его товарищъ, низенькій и сухой, все время оглядывался по сторонамъ и часто проводилъ пальцемъ по воротнику, какъ будто тотъ давилъ его. Поворачиваясь, онъ быстро и остро вглядывался въ лица, и порою слабая тѣнь далекой усмѣшки скользила по его лицу. И отъ той усмѣшки было почему-то тяжело и неловко, и не хотѣлось встрѣтиться съ нимъ глазами...

. . . . . .

. . . . . .

Бродя по развалинамъ Петроковскаго вокзала, я обратилъ вниманіе на нѣкоторыя мелочи, съ перваго взгляда какъ будто незамѣтныя. Пытаясь представить себѣ картину хозяйничанья тутъ нѣмцевъ, я видѣлъ въ своемъ воображеніи красныя, освѣщенныя заревомъ пожара лица, слышалъ хриплые торопливые крики, покрываемые грохотомъ взрывовъ, слѣдилъ за напряженной суетней уничтожающихъ все людей. Но въ этомъ-то и была загадка, что уничтожено именно все; понятны разрушенія путей, разорванныя стрѣлки, уничтоженное зданіе ремонта паровозовъ, водонапорная башня, электрическая станція, телефонъ, телеграфъ. Но совершенно непонятна была изломанная, видимо нарочно, дѣтская коляска, валяющаяся подъ заборомъ. Матеріальный ущербъ этого уничтоженія ничтоженъ, о какомъ-либо иномъ говорить не приходится. Мнѣ показалось, что сущность этого уничтоженія не такъ мала, какъ могла показаться въ первую минуту. Такихъ ненужныхъ безцѣльныхъ разрушеній по всей линіи желѣзной дороги отъ Варшавы до Петрокова несчетное количество. Именно ненужныхъ, ничему не служащихъ, пустяковыхъ.

. . . . . .

. . . . . .

Если къ этому прибавить жизнь въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ внѣ какихъ-либо культурныхъ условій, въ

вѣчномъ напряженіи всего существа человѣка, направленномъ исключительно въ сторону уничтоженія,—разгромъ Бельгіи, Лувена и Реймса, быть-можетъ, найдетъ себѣ, конечно, не оправданіе, а хоть нѣкоторое объясненіе... Только тутъ, въ сферѣ непосредственнаго вліянія войны, начинаешь понимать, что война—есть дѣйствительно война; это не единоборство, не поединокъ, не дипломатическое осложненіе; это—актъ стихійный: какъ стихія, безпощадный и, какъ она, властный...

И людямъ, оказавшимся во власти войны, смѣшны и непонятны всѣ высокія и жалкія слова, которыми такъ любимъ мы прикрывать истинную сущность вещей.

. . . . . .

II.

Въ Петроградѣ я зналъ одного гвардейскаго офицера. Это былъ спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, съ нѣсколько женственной мягкостью характера и большой любовью къ старинной бронзѣ, которую онъ собиралъ уже много лѣтъ. Я помню, какъ однажды, зайдя къ нему, я засталъ его съ какимъ-то грифомъ, поддерживающимъ урну, въ рукахъ и мечтательнымъ, размягченнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Негромкимъ проникновеннымъ голосомъ мой офицеръ говорилъ о томъ, что вещи, старинныя, пережившія десятки лѣтъ вещи, имѣютъ свою душу; онѣ хранятъ слѣды безчисленныхъ прикосновеній обладавшихъ ими, давно умершихъ людей, и какой-нибудь грифъ человѣку, умѣющему слушать, можетъ разсказать безчисленное количество интереснѣйшихъ исторій. Уничтоженіе такой вещи есть преступленіе, это прежде всего есть актъ величайшаго неуваженія къ тѣмъ, кто жилъ до насъ съ тѣмъ, чтобы передать намъ все наслѣдіе своей культуры.

Какъ-то, въ одномъ изъ своихъ скитаній по разоренной Польшѣ, если не ошибаюсь, около Бѣлявы, верстахъ въ

сорока отъ Лодзи, глубокой, совершенно черной ночью ѣхалъ я на автомобилѣ на Ловичъ—Варшаву. Это было въ ту пору, когда вторая, теперь отхлынувшая послѣ боя подъ Красневицей—Кутно волна германскихъ войскъ катилась къ столицѣ Польши. Въ Осковицахъ намъ сказали, что Лодзь снова занята нѣмцами; что кавалерійскіе нѣмецкіе разъѣзды шныряютъ всюду.

Идя тихимъ ходомъ, съ потушенными фонарями, ежесекундно рискуя сломать машину и засѣсть безнадежно на „шоссѣ повятовой“ вплоть до нѣмецкаго плѣна, раза три мы обогнали отдѣльныя части нашего арьергарда, вчера еще бывшаго передовой линіей. Солдаты шли молча, звякая сталкивающимися на ходьбѣ ружьями, и молча тѣснились, порою обрываясь въ глубокую, полную воды и грязи канаву, пропуская автомобиль.

Мы уже были недалеко отъ Ловича, какъ на дорогѣ выросли черные силуэты трехъ лошадей, и громкій окликъ остановилъ насъ:

— Господинъ полковникъ, это вы?

Шоферъ затормозилъ машину, а я объяснилъ, что спрашивавшій ошибся. Одна изъ лошадей двинулась и вплотную наѣхала на автомобиль сбоку. Она была такъ близко, что я чувствовалъ на лицѣ влажное, пахнувшее сѣномъ дыханіе, и трензель гремѣлъ гдѣ-то почти надъ самой головою.

— Кто же ѣдетъ?—продолжалъ тотъ же голосъ наклонявшагося съ сѣдла офицера.—Позвольте, здѣсь расположеніе войскъ, частныя лица не имѣютъ...

Есть у меня для подобныхъ случаевъ нѣкоторый пріемъ. Сущность его по нѣкоторымъ причинамъ я объяснять не буду, но скажу, что не было случая, чтобы этотъ пріемъ не давалъ желаемыхъ результатовъ. Кромѣ того голосъ спрашивавшаго показался мнѣ какъ будто знакомымъ. Я объяснилъ причины, по которымъ ѣду со скоростью запряженнаго волами воза къ Варшавѣ, и въ заключеніе назвалъ свою фамилію.

— Боже мой, вотъ неожиданность!—вскрикнулъ офицеръ.—Вы не узнали меня—я .....цевъ! Вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться!..

Теперь я узналъ своего знакомаго по Петрограду любителя старинной бронзы. Но когда часа черезъ полтора мы сидѣли съ нимъ въ освѣщенной вставленною въ горлышко бутылки свѣчою въ низкой и грязной комнатѣ, я почти усомнился въ томъ, что это тотъ самый гвардейскій офицеръ. Я привыкъ видѣть его изящно одѣтымъ, съ выхоленными ногтями, тщательно выбритымъ и безукоризненно причесаннымъ, а теперь передо мной стоялъ грязный, давно не мывшійся человѣкъ, въ мятой, не свѣжей рубашкѣ, высовывающейся изъ заношенныхъ до черноты рукавовъ защитной тужурки.

Мы говорили, и онъ разсказывалъ эпизоды своей боевой жизни. То новое, что̀ смутно, но непрестанно чувствуется въ каждомъ углу и въ каждомъ человѣкѣ этого края, и что̀ я давно уже назвалъ для себя властью войны, составляло сущность разсказываемыхъ эпизодовъ; оно глядѣло изъ темныхъ, быстро вспыхивающихъ глазъ моего знакомаго, звенѣло въ новыхъ, непривычныхъ для него словахъ.

— Если бы я хоть во снѣ, хоть на́ одну секунду усомнился въ конечномъ результатѣ войны,—говорилъ онъ, быстро шагая по тѣсной комнаткѣ изъ угла въ уголъ, въ то время какъ торопливая безшумная тѣнь его ломалась на потолкѣ и въ углахъ:—въ торжествѣ Россіи, я застрѣлился бы... Я знаю, вижу,—больше: я чувствую, что мы побѣдимъ! Но Боже мой—какою цѣною достается эта побѣда! Если бы вы могли знать, какъ гамъ, у *него*, все подготовлено! Нельзя представить себѣ всей той сѣти, которую создала эта подготовленность. Вотъ вамъ случай лично со мною: идемъ въ Восточной Пруссіи; я со своимъ эскадрономъ. Артиллерія еще раньше выбила ихъ изъ деревушки. Занять ее я и двинулся. Пріѣзжаемъ—разрушеніе, которое можетъ сдѣлать только

современная артиллерія. Кто не убѣжалъ, отсиживается въ подвалахъ. Спѣшились мы, ходимъ по этимъ подваламъ, вытаскиваемъ засѣвшихъ. Откровенно говоря, я немного опасался засады и осматривалъ лично самъ. Вдругъ вижу — старуха. Старая, какъ грибъ сушеный, — юркъ въ какую-то дыру. Я за нею; что же вы думаете? Подвалъ уже разрушенъ. Вмѣсто дома развалины, и полъ провалился... Этакій немного фантастичный верхній свѣтъ. Гора мусору отъ разрушенія... Слышу — старуха моя говоритъ съ кѣмъ-то. Я ближе, но за мусоромъ все же прячусь—чортъ его знаетъ? погибнуть такъ, зря, въ какомъ-то подвалѣ — обидно! Смотрю: что же вы думаете? Телефончикъ! Самый настоящій телефончикъ съ черной трубкой и всѣмъ прочимъ. И моя старушка изволитъ сообщать о томъ, что вошла кавалерійская часть, очевидно, передовая, въ количествѣ одного эскадрона и т. д., и т. д., словно бы она сама была драгуномъ!.. Вотъ какъ у нихъ дѣло обставлено!

III.

Я знаю случай, когда солдатъ, спасшійся только тѣмъ, что потерялъ сознаніе, разсказывалъ о томъ, какъ его разстрѣляли, безъ тѣни злобнаго чувства.

Онъ былъ раненъ, отсталъ отъ своихъ, отбился въ сторону, заблудился и нарвался на кавалерійскій нѣмецкій разъѣздъ. Его взяли, но потомъ рѣшили простонапросто пристрѣлить. Послѣ выстрѣла онъ упалъ и потерялъ сознаніе. Его сочли мертвымъ и бросили, а онъ очнулся и поползъ, поминутно теряя вновь сознаніе, падая и цѣпляясь слабѣющими руками, поползъ и доползъ до своихъ.

Разсказывая объ этомъ, онъ разсуждалъ, какъ будто дѣло шло не о немъ и его жизни, а о чемъ-то отвлеченномъ, важномъ своимъ принципомъ.

— А ты посуди самъ, баринъ, что имъ дѣлать было? Взять меня у плѣнъ—тащить назадъ, къ своимъ? Такъ

вѣдь они по дѣлу выѣхадчи, имъ приказъ сполнить требовается, развѣдку настояще произвести, а тутъ, со мной возясь, сколь время потеряешь... Опять-таки—ежели просто отпустить,—иди, молъ, на всѣ четыре стороны,—такъ ежели я послѣ разстрѣлу доползъ, такъ тогда и подавно, рысью бъ добегъ сказать—такъ, молъ, и такъ, разъѣзды ихніе появивши. Надо по правдѣ говорить—нечего имъ было окромя убійства моего дѣлать больше...

Власть войны, перенесшая обычныя представленія въ новую плоскость, не оставляетъ мѣста чувствамъ жалости, участія по отношенію къ другимъ или себѣ, безразлично. Она ведетъ людей стихійными путями, и, склонивъ голову передъ нею, идутъ одной стезей и гвардейскій офицеръ, мечтательно разглядывавшій часами позеленѣвшаго амура, и пензенскій мужикъ.

БЕЗЪ ВЫХОДА.

I.

Удивительное утро было въ тотъ день. Морозная мгла висѣла въ воздухѣ нѣжной опаловой пеленой, и, какъ бѣлые призраки, стояли въ ней покрытыя инеемъ деревья. Искуснѣйшій ювелиръ посеребрилъ каждую вѣтку, каждый прутикъ, и все шоссе, обсаженное по краямъ ветлами, было, какъ серебряная дорога въ сказочное царство.

Солнца съ утра не было, оно пряталось въ густой пеленѣ морознаго тумана, но его присутствіе чувствовалось по переливамъ нѣжныхъ тоновъ утра, то густосинихъ, то фіолетовыхъ, то розовыхъ, переходящихъ въ желтоватые и палевые.

Мы шли на Л., гдѣ былъ штабъ дивизіи молодого и уже пріобрѣвшаго почетную извѣстность нѣсколькими блестящими дѣлами генерала М. Въ Скерневицахъ удалось намъ узнать, что мотающіеся въ желѣзномъ кольцѣ русскаго войска два корпуса, уже сильно пощипанные, потерявшіе едва ли не половину состава, подались къ Заботѣ (или Субботѣ, по-польски Sobota), и дивизія М. должна двинуться туда.

Наканунѣ, по пути изъ Ловича, я обгонялъ безконечные обозы, артиллерійскіе парки и еще болѣе безконечную пѣхоту. На девятой верстѣ по шоссе Ловичъ—Стрыковъ мнѣ надо было повернуть, а на восьмой верстѣ я врѣзался автомобилемъ въ штабъ дивизіи генерала Н.

Генералъ разворачивалъ головной отрядъ. Разъѣзды увѣдомили, что въ 2 — 3 верстахъ нѣмцы. Съ подстриженными сѣдыми усами генералъ, въ измятомъ и перепачканномъ резиновомъ пальто съ потемнѣвшими, заношенными погонами, стоялъ посреди шоссе и отдавалъ приказанія.

Выгнутой, дугообразной линіей ушли уже впередъ цѣпи, отдѣльныя части темнѣли безформенными пятнами на полѣ, и драгунскій эскадронъ перестраивался сбоку шоссе. Когда я объяснилъ генералу, что мнѣ надо проскочить только одну версту до поворота, и что предполагавшійся бой можетъ захватить меня только концомъ своего лѣваго крыла, къ генералу подъѣхали два артиллерійскихъ поручика и доложили, что позицію для двухъ батарей они нашли.

Эта одна верста заставила меня поволноваться. Проскочить мнѣ было совершенно необходимо, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было не согласиться съ доводами генерала, заявлявшаго, что лѣзть съ большимъ, издалека виднымъ автомобилемъ за высланныя цѣпи — по меньшей мѣрѣ безразсудно.

— И потомъ послушайте, милый мой,—хрипѣлъ генералъ: — вѣдь вы же рискуете влетѣть въ скверную исторію... Утромъ разъѣзды донесли, что тамъ, до поворота на Скерневицы, справа въ лѣсу, были нѣмецкіе патрули... Вѣдь васъ же захватятъ, какъ варшавскаго губернатора...

— Никто, какъ Богъ, ваше превосходительство, мнѣ только эту версту проскочить!

Генералъ махнулъ рукой и усмѣхнулся.

— Ну, что̀ съ вами будешь дѣлать?! Подождите, пока цѣпь уйдетъ за поворотъ, поѣзжайте, что̀ ужъ тамъ...

Такимъ образомъ я попалъ въ Скерневицы. Теперь, когда я ѣхалъ къ выступавшей дивизіи М., пропустившій меня вдоль своей цѣпи генералъ былъ уже верстахъ въ двадцати пяти отъ злополучнаго поворота, отдѣленный

отъ М. вытянувшимися у Заботы нѣмцами. Боя у него тогда такъ и не вышло, потому что нѣмцы не приняли боя и вскорѣ отступили съ поспѣшностью.

II.

Л.—большое село, съ помѣщичьей усадьбой, фруктовымъ садомъ. Теперь оно сплошь наполнено военными, и по широкой улицѣ, черезъ усадьбу, шли кавалерійскія части — уланы, гусары, казаки, огромная, толщиной во все шоссе, змѣя, медленно изгибавшаяся на поворотахъ, тяжело вползающая на холмы.

Потомъ пошла артиллерія, лязгающая желѣзомъ, грохочущая зарядными ящиками, на разношерстныхъ, мохнатыхъ лошадяхъ. Потомъ потянулась пѣхота, и конца ей не было.

Пока я съ заведеннымъ уже автомобилемъ ждалъ выхода дивизіоннаго штаба, которому подали два красныхъ автомобиля, мимо все время шли солдаты.

Когда проходитъ непрерывной волной масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, нѣтъ возможности разсмотрѣть, вѣрнѣе, запомнить отдѣльныя лица. Они всѣ сливаются въ одно расплывчатое, потемнѣвшее отъ неотошедшаго загара и застарѣлой грязи лицо — съ отросшими, непривычными у солдата волосами, давно не бритыми бородами, выдавшимися скулами похудѣвшихъ щекъ. Но это общее массовое лицо было значительно. Оно не печально, не весело, даже не сосредоточенно,— какъ обычно непосредственно передъ боемъ,—оно именно значительно. Въ немъ есть нѣчто, что̀ заставляетъ сердце биться учащеннымъ темпомъ. Что̀ это? Опредѣлить трудно, а можетъ-быть, и невозможно. Кажется, аскетическая отрѣшенность отъ всего, кромѣ войны. Проплываетъ мимо это общее, объединенное лицо, вглядываешься въ него и невольно шепчешь:

— Вотъ люди, которые ѣдятъ только потому, что человѣческій организмъ не можетъ существовать безъ

пищи. Они спятъ только для того, чтобы хоть немного возстановить силы. Они три мѣсяца живутъ страшной, сказочной жизнью: безъ дома, безъ крова иногда, ночуя, гдѣ придется, питаясь, когда для этого найдется десять минутъ... Жизни, земли, міра — для нихъ нѣтъ. Они стали по ту сторону человѣческихъ интересовъ, обычныхъ представленій, вѣковыхъ привычекъ. У нихъ есть только одно: война. И во имя ея, отрѣшенные и отрѣзанные отъ всего міра, они плывутъ безконечной волной сѣрыхъ шинелей и желтыхъ, похудѣвшихъ, и отъ этого странно одухотворенныхъ лицъ.

Ползутъ кухни, похожія на игрушечныя фабрики. Дымъ валитъ изъ трубъ, искры сыплются изъ топки, и струя бѣлаго сильнаго пара рвется изъ какого-то крана съ замысловатыми рычагами и регуляторами. Бородатый, обмотанный башлыкомъ запасный танцуетъ около, едва поспѣвая за скорымъ шагомъ лошади, и съ озабоченнымъ лицомъ хирурга во время сложной операціи что-то подвинчиваетъ, что-то подкручиваетъ въ своемъ питательномъ паровикѣ.

Обгонять дивизію, вытянувшуюся по шоссе,—мученіе. А когда идешь слѣдъ въ слѣдъ за двумя автомобилями со штабомъ и дивизіоннымъ генераломъ, это превращается въ испытаніе терпѣнія. Генералъ поминутно останавливается возлѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей, говоритъ съ ними, получаетъ донесенія отъ головного отряда, разсылаетъ мотоциклистовъ и казаковъ съ приказаніями. Потомъ мы опять двигаемся, и сирена передняго автомобиля реветъ, надрываясь, а проходящія части жмутся, толкая другъ друга, къ краю шоссе. Около Рогожна маленькій въ полторы сажени мостъ черезъ ручей уничтоженъ нѣмцами. Препятствіе пустячное, но для автомобилей совершенно непреодолимое. Насыпь шоссе высокая, спускъ представляетъ рискъ сломать раму.

Мой шоферъ посмотрѣлъ, какъ нырнули передніе автомобили, и затрясъ головой.

— У нихъ казенные, имъ что, а у меня свой... Рама пополамъ будетъ!

Кое-какъ, съ помощью солдатъ, тяжелую сорокасильную машину удалось спустить на ледъ. Широкія шины автомобиля не пробили его.

III.

Х.—небольшая деревенька, на въѣздѣ которой стоитъ высокій кирпичный костелъ. Ксендзъ-пробощъ, энергичный и сильный человѣкъ, быстро двигающійся и говорящій громкимъ голосомъ, прежде всего объявилъ, что сегодня „въ гостяхъ“ у него побывали три нѣмецкихъ разъѣзда и три русскихъ.

— Вчера раненый тутъ лежалъ одинъ, графъ, — разсказывалъ онъ: — такъ они у меня попросили лошадь отвезти его къ своимъ. Разрѣшай или не разрѣшай, они все равно взяли бы... Обѣщались сейчасъ же отослать назадъ, а и до сего момента нѣтъ!

Въ длинной и пустой столовой ксендза расположился штабъ. Въ то время какъ тутъ же за деревней—въ полутора-двухъ верстахъ — коротко и рѣзко били выстрѣлы двухъ русскихъ батарей, а за пять верстъ имъ отвѣчали нѣмецкія, на кругломъ столѣ ксендзовской столовой лежали смятыя карты, открытая коробка сардинъ и зачерствѣвшій солдатскій хлѣбъ. Полный сѣдоусый генералъ, прожевывая хлѣбъ, разсказывалъ о положеніи дѣла дивизіонному М.; штабная молодежь, посмѣиваясь и шутя, дѣлилась коробкой съ пастилой, неизвѣстно откуда явившейся.

Я смотрѣлъ на этихъ людей, на скудную обстановку столовой, и думалъ о томъ, что вчера здѣсь на диванѣ лежалъ нѣмецкій графъ, а нѣсколько дней тому назадъ, такъ же оживленно переговариваясь и докладывая положеніе дѣлъ данной минуты, толпились генералы и офицеры германскаго штаба.

Артиллерійская перестрѣлка разгоралась. Вмѣстѣ съ

причисленнымъ къ штабу дивизіи гусарскимъ офицеромъ —скаго полка, случайно встрѣтившимся старымъ товарищемъ по реальному училищу, я пошелъ къ нашимъ батареямъ.

За деревней, въ полуверстѣ, дорога расходилась въ двухъ направленіяхъ. Главная, на Бѣлявы — Ленчицу, шла прямо, а направо поворачивало короткое—версты въ три—шоссе до В.

Названіе, самое мѣсто, большой, далеко видный барскій домъ въ стилѣ Имперіи, по которому теперь били нѣмцы бризантными снарядами,—все вмѣстѣ что-то говорило заваленной образами и событіями послѣднихъ дней памяти, но что, трудно было уловить.

Уже выйдя въ поле, на которомъ возвышались огромные дома, напоминавшіе одиноко стоящіе скирды соломы, за которыми, вытянувшись длинной линіей, стояли зарядные ящики и батарейныя лошади, я вспомнилъ: вѣдь это В., тѣ самыя В., которыя сто лѣтъ тому назадъ Наполеонъ купилъ, обстроилъ и подарилъ паннѣ Валевской, очаровательной польской паннѣ, граціозно вплетавшейся своей короткой и поэтической любовью въ гирлянду женщинъ, окружавшихъ великаго корсиканца.

Теперь по этому дому тяжело хлопали нѣмецкіе „чемоданы“, и съ зловѣщимъ воемъ сыпалась шрапнель, тщетно нащупывавшая наши батареи.

IV.

Все, что писалось объ искусствѣ нашей артиллеріи въ области выбора позиціи, для большинства читающихъ эти строки суть отвлеченныя, мало связывающіяся съ опредѣленнымъ представленіемъ слова. Но вотъ я на полѣ сраженія. Батарея бухаетъ тутъ же, съ позволенія сказать, подъ носомъ, а много ли я знаю о ней? Я даже не вижу ея: поле ровное и гладкое, какъ ладонь; отчетливо видны хаты возлѣ В., садъ, перелѣсокъ,

видны долго стоящіе въ воздухѣ, плотные, какъ клоки ваты, дымки непріятельской шрапнели и черные клубы разрывающихся снарядовъ. Слышенъ вой нашей шрапнели, въ первый моментъ низкій, басовой и по мѣрѣ удаленія повышающійся. Этотъ вой сильно напоминаетъ вой автомобильной сирены, не рожка или фанфары, а сирены, такой же, которую можно слышать въ любомъ морскомъ порту. Но гдѣ стоитъ помѣщающаяся несомнѣнно подъ носомъ батарея, не видно. Куда можно спрятаться съ 6-ю орудіями,—а какъ потомъ оказалось, съ двѣнадцатью, такъ какъ стояли двѣ батареи,—спрятаться на чистомъ ровномъ полѣ?

И надо было подойти на полтораста (вымѣренныхъ мной) шаговъ, чтобы увидѣть эти батареи.

Поле прорѣзывалось наискось ложбинкой. Одной изъ тѣхъ ложбинокъ, въ которыхъ осенью скопляются большія широкія лужи. Неуловимо пологіе скаты дѣлали ее совершенно незамѣтной. Казалось, тутъ нельзя спрятаться зайцу, но тутъ помѣстились на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга двѣнадцать орудій и около шестидесяти человѣкъ. Когда позже я прошелъ къ цѣпи, залегшей въ 400—500 шагахъ впереди, я, едва отошелъ, какъ опять потерялъ батареи, и только по краснымъ короткимъ вспышкамъ выстрѣловъ, особенно замѣтнымъ въ подступавшемъ синими тѣнями вечерѣ, можно было намѣтить мѣста орудій.

Люди у орудій справлялись быстро и ловко.

Сбоку, шагахъ въ пяти, лежалъ вольноопредѣляющійся съ телефонной трубкой у уха. Командиръ батареи былъ на наблюдательномъ посту, довольно далеко, и съ высоты похожей на домъ скирды диктовалъ вольноопредѣляющемуся, а тотъ, повернувшись къ орудіямъ, передавалъ:

— Трубка сто... Одинъ патронъ! Очередная!..

И разомъ—перекидываясь и какъ будто заражая одна другую короткимъ мелькающимъ огнемъ—пушки ахали

такъ, что земля вздрагивала. И зловѣщія воющія птицы шрапнели уносились туда, лѣвѣе лѣска, черезъ шоссе... Трубка сто—это значитъ 100, дѣленное на 25, равняется 4 версты.

За четыре версты были нѣмецкія батареи. Ихъ заставили уже три раза перемѣнить позиціи, а одна изъ нихъ замолчала совсѣмъ. Онѣ искали наши батареи и, очевидно, предполагали ихъ гдѣ-нибудь возлѣ имѣнія. Домъ прекрасной польской панны выдерживалъ на себѣ весь огонь пытавшихся нащупать врага нѣмцевъ. И снаряды и шрапнель дѣлали тамъ только ненужныя опустошенія.

V.

Дальше итти было нельзя. Не потому, чтобы это было опасно,—хотя, конечно, и опасно, но это при данныхъ обстоятельствахъ не представляется важнымъ,—а потому, что идущій по полю человѣкъ могъ открыть нѣмцамъ мѣстонахожденіе батареи. Это гораздо важнѣе смерти идущаго. Мы поползли къ цѣпи, смутно сѣрѣвшей впереди звеньями солдатскихъ шинелей.

Нѣмецкая артиллерія теперь измѣнила тактику. Она начала стрѣлять по периферіи того отрѣзка круга, центромъ котораго она была. Бѣлыя облачки шрапнели стали приближаться. Вспыхнетъ вдругъ такое облачко, стоитъ секунду, — и лопающійся, характерный ударъ звякнетъ въ воздухѣ. А облачко стоитъ еще долго, плотное, медленно измѣняющееся въ своихъ очертаніяхъ. Огонь усилился, бѣлыя облачки залетали чаще. Уже два лежавшіе рядомъ солдата оказались ранеными. У одного была жестокая рана—въ тотъ моментъ я замѣтилъ только какъ-то необычайно быстро, мгновенно залитое кровью лицо. Но докторъ, возившійся съ нимъ, сказалъ мнѣ, что онъ будетъ живъ, если все пойдетъ нормальнымъ порядкомъ.

И замѣчательнѣе всего: качаясь отъ нечеловѣческой боли, этотъ солдатъ нашелъ нужнымъ сказать мнѣ, что

Пѣхота въ окопахъ; вдали видны дымки нашей артиллеріи.

онъ помнитъ, какъ я—въ своей мѣховой шапкѣ, единственный и потому замѣтный штатскій человѣкъ среди военныхъ, былъ у нихъ въ цѣпи, когда его ранили.

VI.

Обычно эти два корпуса, заключенные въ кольцо русскихъ войскъ, не принимаютъ боя; они отходятъ, если нѣтъ надежды прорваться хотя бы цѣною большихъ потерь, какъ это было подъ Ловичемъ; Ловичъ открывалъ имъ выходъ,—правда, проблематичный и связанный тоже со значительнымъ урономъ,—на Плоцкъ, находившійся до утра этого дня, когда я пишу это, въ нѣмецкихъ рукахъ. Это была уже надежда, искра надежды.

Такой надежды здѣсь, подъ Х., не могло быть. Обычно нѣмцы должны были тотчасъ же начать отступленіе, ограничившись артиллерійской перестрѣлкой. Но они сыпали шрапнель, и по мѣнявшимся позиціямъ батарей ясно видно было, что они не отходятъ, а наступаютъ, но наступаютъ какъ-то странно, почти безсистемно, вдаваясь сильно вправо отъ насъ, но безъ попытки обойти флангъ.

Впослѣдствіи это обстоятельство выяснилось. Образовалась своеобразная переслойка, благодаря постоянному передвиженію и (надо отдать должное) удивительной гибкости нашего врага. Сдавленные со сторонъ, они вытягиваются впередъ, не теряя связи съ центромъ. Эти щупальцы главнаго ядра выдаются иногда значительно впередъ, какъ было въ данномъ случаѣ, а между ними переслоеніе русскихъ силъ, непрестанно безпокоящихъ методическимъ наступленіемъ. Большіе переходы, гибкость врага, чисто-техническія обстоятельства не всегда позволяютъ поддерживать живую непосредственную связь; въ дѣлѣ подъ Х. случилось такъ, что тотъ самый генералъ, у котораго я наканунѣ съ такимъ трудомъ выторговалъ одну версту, прошелъ къ Заботѣ и оттуда нажалъ на нѣмцевъ. Естественно, они подались къ Б., но на серединѣ пути,—имѣніе прекрасной панны Валевской,—натолкнулись на живую стѣну дивизіи М. Арьергардъ превратился въ авангардъ, отступленіе—въ наступленіе, и только огромная, многолѣтняя, жестокая, какъ сама смерть, дисциплина, нечеловѣческая выдержка, отчаянность положенія, а можетъ-быть, и присутствіе среди отрѣзанныхъ, окруженныхъ желѣзнымъ кольцомъ, виднаго лица,—удержали части отъ полнаго смѣшенія и паники.

А положеніе этихъ двухъ значительно растаявшихъ корпусовъ дѣйствительно близко къ отчаянію.

Попробуйте представить себѣ массу около ста тысячъ человѣкъ, уменьшившуюся до 40—45 тысячъ, крутя-

щуюся по деревнямъ, лѣсамъ и полямъ чужой, мало знакомой страны. Они сумѣли сохранить артиллерійскіе парки, но обозъ ихъ отбитъ. Они бродятъ, какъ колоссальная стая голодныхъ зимнихъ волковъ по разоренному краю, гдѣ нѣсколько разъ прошли нѣсколько армій. Все, что можно было взять у населенія, взято мѣсяца полтора тому назадъ. Ксендзъ, имѣвшій случай принимать въ своей столовой то германскій, то русскій штабъ, могъ предложить намъ конфеты, чай, но не имѣлъ хлѣба и сахару. О томъ, что дѣлается въ крестьянскихъ избахъ, нѣтъ нужды говорить. И вотъ въ этомъ разоренномъ, замершемъ, полумертвомъ краю, кочуя изъ деревни въ деревню, безъ пристанища, въ морозы, бродитъ толпа въ 40 тысячъ человѣкъ съ лошадьми, орудіями, снарядами.

Выхода имъ нѣтъ—это ясно и для нихъ и для насъ. Имъ остается или сдаться или умереть. Они выбираютъ послѣднее.

VII.

И когда я слышалъ тонкій, постепенно густѣющій до низкихъ басовыхъ нотъ,—обратный тому, что посылали наши батареи,—вой нѣмецкой шрапнели, я думалъ о томъ, съ какой холодной, мертвой рѣшимостью должны они драться. Гусары смерти не тамъ, возлѣ Вильгельма, блестящіе, щеголяющіе своими черными рейтузами и мундирами штабные гусары, а вотъ здѣсь, возлѣ повитой красивой легендой усадьбы польской дѣвушки—незамѣтные ландверные и ландштурмовые нѣмецкіе солдаты, иззябшіе, продрогшіе, по три дня не ѣвшіе—и не сдающіеся.

Периферія шрапнели подвигалась все ближе и ближе. Мерзлая земля, кусочки льда, скопившагося между бороздами, брызгами летѣли здѣсь и тамъ. Гусарскій офицеръ, однокашникъ по училищу, проводившій меня, два раза присылалъ солдата съ настойчивой просьбой вер-

нуться. Но есть что-то въ боѣ подмывающее, затягивающее, что̀ трудно оборвать. Наконецъ онъ пришелъ самъ, и мнѣ пришлось сдаться.

Когда мы возвращались, вечеръ уже ползъ по землѣ смутными лиловыми тѣнями. Одинокій солдатъ связи, прилегшій за кучей засыпанныхъ землей бураковъ, вдругъ вскочилъ, приставилъ руки трубой ко рту и закричалъ похожему на домъ стогу:

— Одинъ зарядной, вторую батарею подать!..

Гдѣ-то въ серединѣ пространства между нимъ и стогомъ поднялась другая фигура и такъ же надрывисто и торопливо выкрикнула:

— Вторую батарею, одинъ зарядной подать!..

А когда мы подходили къ стогу, все еще не находя силъ подавить острое возбужденіе, я оглядывался кругомъ жадными, безпокойными глазами — изъ-за стога рысью шестеркой цугомъ выѣхалъ зарядной ящикъ и, ухая по мерзлымъ бороздамъ, покатился къ лощинкѣ.

VIII.

Мы еще не дошли до деревушки въ три-четыре двора, лежавшей на пути къ развилинѣ дорогъ, какъ сзади вспыхнуло ярко-красное, трепещущее и взметывающееся все выше зарево. Это нѣмецкіе снаряды зажгли какую-то постройку въ имѣніи Валевской. И тотчасъ же,— какъ будто тамъ покатилась огромная карета по каменной мостовой,—загрохотала ружейная перестрѣлка.

— Становится жарко! — проговорилъ офицеръ, оглядываясь назадъ. — Слышите — непрерывный ружейный огонь...

Выстрѣлы рокотали по всей линіи. Я вспомнилъ, какъ лежалъ съ стрѣлявшими теперь солдатами въ цѣпи, и покачалъ головой: замерзшая, твердая, какъ камень, земля не позволяла вырыть какіе бы то ни было окопы. Значитъ, били другъ друга прямо въ лобъ, лежа между бороздами. Артиллерія уже надрывалась перекатнымъ

крикомъ, и странно шло къ этимъ безпокойнымъ напряженнымъ звукамъ вздрагивающее, молочно-розовое зарево. Оно освѣщало все поле, длинныя черныя тѣни протянулись отъ стоговъ, и деревенька, къ которой мы подходили, освѣщенная имъ, испуганно прижалась къ землѣ.

Въ окнахъ крайней избы горѣлъ свѣтъ, и черныя тѣни суетливо метались тамъ. На дорогѣ противъ нея виднѣлись телѣга, заваленная скарбомъ, и старикъ-крестьянинъ, молчаливо и спѣшно укладывавшій вещи.

Здѣсь же бѣлѣла своимъ холщевымъ пологомъ фура полкового лазарета. Фельдшера бѣгали, приготовляя мѣсто для раненыхъ, а полный, похожій на Тараса Бульбу, докторъ сердито кричалъ на санитаровъ. И тутъ же—почему-то казавшейся робкой сжавшейся кучкой — молча стояли раненые. На выѣздѣ изъ деревни, когда вдали выросъ кроваво-красный, освѣщенный пожаромъ кирпичный костелъ, насъ обогналъ крестьянинъ. Онъ шелъ, сильно согнувшись подъ тяжестью узла, который несъ на спинѣ, и велъ за руку мальчика трехъ-четырехъ лѣтъ. Мать, съ другимъ мальчикомъ лѣтъ пяти, почти бѣжала рядомъ и тоже что-то тащила, прижимая къ груди — должно-быть, самое цѣнное изъ своего несложнаго имущества.

Освѣщенные пожаромъ, пригибаясь отъ тяжелыхъ, порою сливающихся вмѣстѣ ударовъ артиллеріи и нервнаго хлопанья ружей, они шли совершенно молча, не жалуясь, не плача, не проронивъ ни одного звука, и въ этомъ молчаніи было больше, чѣмъ въ вопляхъ и стонахъ.

У Х. стали встрѣчаться шестиконныя запряжки, неподвижно, свѣсивъ постромки, стоявшія на дорогѣ. Солдаты съ замкнутыми серьезными лицами, освѣщенными отблескомъ зарева, смотрѣли въ сторону разгоравшагося все сильнѣе боя. Запряжекъ было шесть или семь, и вытянулись онѣ длинной неподвижной линіей, какъ будто притаились въ ожиданіи. А по сторонамъ

шоссе, справа и слѣва, длинными черными пятнами шла пѣхота.

— Разворачиваетъ центръ...—пробормоталъ офицеръ, ходившій со мной:—онъ могъ бы ударить теперь, но не имѣетъ донесеній оттуда,—махнулъ онъ направо,—держитъ —скій полкъ въ резервѣ. Осторожный и умный человѣкъ!

IX.

У самаго костела, гдѣ дорога слегка поворачивала, огибая церковную ограду, стояла кучка людей. Тѣ же запряжки въ шесть лошадей чернѣли сбоку шоссе. Я присмотрѣлся къ нимъ и узналъ: это были пулеметы. Въ маленькой черной, быстро переливающейся толпѣ говорили негромкими голосами.

— Очевидно, связь нарушена—значитъ, надо ждать... Мнѣ ничего не даютъ знать оттуда... Ждите подарковъ!

Подарки не заставили себя ждать. Когда я вышелъ въ ксендзовскій садъ, отыскивая своего шофера, справа съ высокимъ снижающимся воемъ понеслась шрапнель. За садомъ было низкое болотистое поле, потомъ длинная гряда кустовъ, потомъ перелѣсокъ. Между кустами и садомъ надъ самой землей внезапно вспыхнули голубые, красные и зеленые огоньки, и отчетливый рѣзкій звукъ взрыва ударилъ воздухъ.

— Это они по костелу... По картѣ—наложатъ сѣтку изъ прозрачной кальки на карту съ обозначеніемъ градусовъ дистанціи, и валятъ,—сказалъ кто-то сзади.

Опять вначалѣ тонкій и постепенно все болѣе крѣпнущій вой, и опять надъ самой землей перебѣгающими шаловливыми вспышками сверкнули желтые и голубые огоньки—и ударъ взрыва.

Это было очень красиво и напоминало какой-то праздничный веселый фейерверкъ.

Высокая черная фигура быстро двигалась по саду и бормотала что-то по-польски. Когда она подошла ближе, я узналъ ксендза.

— Боже мой, Боже мой, я такъ боялся этого... — отрывисто и неясно говорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь:—они разрушатъ костелъ, непремѣнно разрушатъ... Я боялся даже думать объ этомъ—и теперь вижу—они разрушатъ его.

Иной, уже болѣе серьезный и властный звукъ вырвался изъ-за перелѣска. И въ ту же секунду на болотѣ за садомъ ярко и зловѣще вспыхнулъ зеленовато-желтый снопъ огня, и земля дрогнула отъ удара.

— Бризантный... Чемоданъ! — какъ будто радостно выкрикнули слѣва.

— Недолётъ!—спокойно отвѣтилъ голосъ справа.

А тамъ, гдѣ, все больше и больше разгораясь, пылало занявшее полнеба зарево, ожесточенно и торопливо рвали воздухъ орудія, и все быстрѣе и лихорадочнѣе трещали ружья... Теперь уже отдѣльныхъ выстрѣловъ не было: они сливались въ непрерывную цѣпь, и похоже было, что огромное желѣзное ядро катается по каменной мостовой, давя и круша человѣческія жизни.

СЮРПРИЗЪ.

I.

Взятые въ послѣдніе дни плѣнные на вопросъ „откуда ихъ части?“—отвѣчаютъ двоякимъ образомъ. Или:—„Съ французскаго фронта... Два мѣсяца были тамъ, потомъ посадили насъ въ вагоны и перевезли сюда. Оттуда все время берутъ — по восемьдесятъ поѣздовъ въ день отправляютъ—и все сюда...“ Или:—„Привезенъ изъ крѣпостного гарнизона... Крѣпости Восточной Пруссіи всѣ очищены... Все, что можно было взять оттуда, переброшено сюда, въ Польшу...“

Пишущій эти строки имѣетъ въ своемъ распоряженіи взятыя съ павшихъ подъ Ловичемъ нѣмецкихъ солдатъ письма. Среди обычной и, надо признаться, довольно однообразной переписки съ близкими, оставшимися въ Германіи, среди трагическихъ и сентиментальныхъ, наивныхъ и трогательныхъ словъ любящихъ людей, женъ, матерей, сестеръ и невѣстъ, попадаются письма товарищей и братьевъ, оставшихся на западномъ фронтѣ. Ихъ даты—половина или конецъ октября. Ихъ тонъ—тонъ зависти принужденнаго ничего не дѣлать человѣка, зависти къ тому, кто пошелъ для живой, яркой дѣятельности.

Эти письма любопытны главнымъ образомъ тѣмъ, что показываютъ обстоятельство глубокой важности: около мѣсяца тому назадъ восемьдесятъ поѣздовъ въ сутки по нѣсколькимъ параллельнымъ путямъ стали

перебрасывать нѣмецкія войска на русскій фронтъ. Есть свѣдѣнія, которымъ не представляется надобности не довѣрять, что къ половинѣ ноября (нашего, стараго стиля) награжденный милостью Вильгельма генералъ Гинденбургъ собралъ такимъ образомъ около двѣнадцати корпусовъ. Принимая во вниманіе опустошенныя крѣпости, гарнизоны которыхъ вошли въ составъ вновь сформированной арміи, цифра двѣнадцать должна быть увеличена до пятнадцати, а возможно, и семнадцати.

Нѣкоторое время громы войны молчали. Частичныя встрѣчи въ видѣ отдѣльныхъ столкновеній не могли быть приняты къ учету, какъ имѣющіе значеніе бои.

Затѣмъ эта вновь сформированная, перетасованная и пополненная армія въ пятнадцать-семнадцать корпусовъ двинулась исправлять однажды испорченное. На правомъ берегу Вислы—съ фронта Млава—Цѣхановъ—Плоцкъ—началась демонстрація, имѣющая значеніе, какъ отвлеченіе на себя русскихъ силъ съ праваго берега Вислы, такъ и учетъ моральнаго воздѣйствія—постоянно напряженное вниманіе, обращенное въ эту сторону. На этомъ фронтѣ нѣмцы достигли Сахоцина, но линія ихъ сломалась. Подъ напоромъ русскихъ Плоцкъ былъ очищенъ.

На лѣвомъ берегу картина получилась нѣсколько иная. Противъ самаго Плоцка нѣмцы стояли плотно. Нѣсколько дней тому назадъ трудно было учесть ихъ заданіе, теперь оно представляется яснымъ. Упорные жестокіе бои подъ Ловичемъ—въ отрѣзкѣ Ловичъ—Сохачевъ — говорили о томъ, что это для нѣмцевъ очень важно. Бои эти не прекратились и до сихъ поръ, и Ловичъ, милый старинный Ловичъ переживаетъ тяжелые часы. Тяжелая нѣмецкая артиллерія громитъ его бризантными снарядами. Надъ городомъ рѣютъ аэропланы, засыпающіе его бомбами. Населеніе сидитъ въ подвалахъ, вылѣзая изъ нихъ только съ наступленіемъ ночи. Отъ снарядовъ и падающихъ сверху бомбъ тамъ и здѣсь вспыхиваютъ

пожары, и не успѣваютъ солдаты потушить въ одномъ мѣстѣ, какъ пламя взметывается въ другомъ . . . . .

. . . . . .

И день и ночь, не переставая, сотрясаютъ воздухъ удары тяжелыхъ орудій.

Ловичъ важенъ для нѣмцевъ. Онъ—начало ломаной, достающейся горами нѣмецкихъ труповъ и рѣками человѣческой крови, линіи, проведеніе которой выхватило изъ рядовъ германскихъ войскъ тысячи людей и доставило генералу Гинденбургу званіе фельдмаршала. Теперь эта линія представляется таковой: Ловичъ, Лодзь, Тушинъ, Петроковъ.

II.

Такъ, или приблизительно такъ, рисуется положеніе въ тотъ моментъ, когда я пишу это письмо. Война—какъ сонъ. Порою въ ней нѣтъ времени, и реальная выпуклость событій подавляетъ собою логику вещей. То, что было вчера, подъ вліяніемъ тысячъ воль, тысячъ единицъ, внезапно и странно измѣняется, перемѣняя положеніе и мѣсто, какъ это бываетъ только во снѣ. Тотъ неучитываемый, не поддающійся никакому приблизительному опредѣленію коллективъ сѣрыхъ шинелей и темныхъ, носящихъ слѣды давняго загара и еще болѣе давней грязи лицъ творитъ своими загрубѣлыми, рабочими руками войну и преподноситъ порою совершенно неожиданные сюрпризы. Однимъ изъ такихъ сюрпризовъ былъ стремительный натискъ сибирскихъ полковъ на подошедшихъ къ Варшавѣ нѣмцевъ.

Широкоплечій, бородатый и темнолицый сибирякъ съ такими живыми бойкими глазами, что, глядя въ нихъ, невольно хотѣлось улыбнуться, говорилъ мнѣ:

— Въ вагонѣ сидѣлъ... Трясло,трясло... Пріѣхали—двинули насъ туда, а обозъ это, значитъ, пулеметы и все прочее, сзади... Говорятъ, обождать требуется. Мы и говоримъ: ваше высокоблагородіе — извольте доложить —

никакъ ждать невозможно!.. Потому и такъ ждали! Извольте обсказать — нѣту такой возможности!..

— Ну и что же?

— А что же? Такъ съ вагоновъ и въ штыки... Маненько перепутались—которыя части, да вѣдь все свои, чего тамъ глядѣть!.. Какъ вдарили, такъ и кончено дѣло... Вотъ!—поставилъ онъ точку короткимъ словомъ.

Такихъ сюрпризовъ, неожиданно вылѣзающихъ изъ массы сѣрыхъ шинелей, не можетъ учесть не только спеціальный корреспондентъ газеты, но и никакой Гинденбургъ. Волшебной палочкой феи въ сѣрой барашковой папахѣ, сильно поскребывающей заскорузлыми ногтями давно, за недосугомъ, нестриженную голову, въ которой „звѣрья этого самого, покуда въ окопахъ-то сидѣли—си-и-ила“,—мановеніемъ палочки этой феи событія вдругъ измѣняются до неузнаваемости, и правильно задуманная, выдержанная согласно даннымъ спеціальной науки, линія концентрическаго обхода внезапно ломается, какъ дѣтская игрушка.

III.

Бои подъ Лодзью, слившіеся въ одинъ непрерывный бой, даютъ примѣры такихъ сюрпризовъ. Мы знали давно, что русскій солдатъ выносливъ, что способность и желаніе драться и умирать, такъ называемый духъ войска, въ немъ неограничена, что терпѣніе его не знаетъ предѣловъ. Но мы могли только смутно предполагать тѣ возможности, какими можетъ поразить онъ. . . . . .

. . . . . .

Когда окруженные почти со всѣхъ сторонъ голодные и отчаявшіеся корпуса нѣмцевъ бились подъ Ловичемъ и шли „въ лобъ“ окоповъ, подъ губительный пулеметный и ружейный огонь, они продавали свою жизнь. У нихъ была одна отчаянная цѣль: или пробиться или умереть. Это была рѣшимость послѣдней минуты, взрывъ

отчаянія. Но русскія войска въ бою подъ Лодзью совсѣмъ не были поставлены въ такое положеніе. Линія нашего фронта, едва избавившагося, вѣрнѣе, избавлявшагося въ эти незабываемые дни отъ переслойки, въ которой не было ни тыла, ни фланговъ, а только одинъ сплошной боевой фронтъ, — эта линія выравнивалась и выпрямлялась. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы драться „съ отчаянія". Дрались такъ, потому что иначе не могутъ, не умѣютъ драться.

Въ этомъ бою нѣмцы использовали свѣжій боевой матеріалъ. Вообразите себѣ солдата, сидящаго четыре мѣсяца въ крѣпости, слышащаго и читающаго непрестанно про войну. Порвавшій своимъ призывомъ на дѣйствительную службу всѣ связи съ семьей, прошлымъ, даже привычной жизнью, онъ сдѣлалъ это для войны. Война есть; ея громовые раскаты доносятся до него, а онъ сидитъ въ крѣпостномъ гарнизонѣ, несетъ сторожевую обычную службу, и разореніе дома, тяжесть разлуки съ близкими, неизвѣстность будущаго—все это какъ будто не оправдывается этимъ сидѣніемъ. Если война, такъ ужъ война; если пришлось разломать, какъ ненужную палку, всю наладившуюся жизнь, такъ было бы изъ-за чего... Но этого „чего" нѣтъ. Есть караулъ, зубодробительные лейтенанты, есть тоска отрѣзанной отъ міра крѣпости.

Попробуйте вообразить психологію такого солдата, котораго вдругъ взяли въ бой. Сравненіе съ мальчикомъ, дождавшимся наконецъ времени, когда его пустили въ залъ съ освѣщенной елкой, не можетъ быть примѣнено потому что за плечами мальчика нѣтъ того, что̀ есть за плечами ландвериста: тяжелой мысли о разстроенной жизни, можетъ-быть, голодной семьѣ, ожидающей впереди смерти... Если воевать—такъ было бы изъ-за чего,— и подъ Лодзью этотъ неиспользованный, выдержанный въ долгомъ искусѣ матеріалъ ложился цѣлыми колоннами, шелъ сомкнутымъ строемъ подъ пулеметный огонь,

онъ „рвался въ бой“ — типическое выраженіе примелькавшихся реляцій, наиболѣе подходящее здѣсь.

Казалось бы, ничто не могло противостоять этому напору. Техническое оборудованіе, опытный командный составъ, мелочная подготовленность, отчаянная рѣшимость драться,—все было на сторонѣ нѣмцевъ, включительно до значительнаго численнаго превосходства. Казалось бы, эта волна лѣзущихъ на явную смерть людей должна смести и уничтожить передъ собою все. Но эта волна разбилась. Еще и еще разъ разбилась, оставляя груды труповъ, заваливавшихъ окопы доверху. Русскій солдатъ преподнесъ сюрпризъ. Фея войны, непрерывно находившаяся нѣсколько сутокъ въ бою, не имѣвшая времени „кусить сухаря“, взмахнула палочкой.

IV.

Люди, участвовавшіе въ бояхъ съ нѣмцами, отмѣчаютъ одну опредѣленную черту, отличающую нѣмецкаго солдата отъ русскаго. Въ то время какъ наши разсыпаются цѣпью и идутъ по одиночкѣ, нѣмецъ органически не выноситъ разсыпного строя. Онъ не можетъ итти въ атаку, не чувствуя локтемъ сосѣда. Нѣмцы наступаютъ всегда колонной, и предположеніе о бо̀льшихъ потеряхъ германской арміи, чѣмъ русской, помимо обычнаго правила, что наступающій теряетъ всегда больше, чѣмъ обороняющійся, помимо личныхъ наблюденій на полѣ сраженія, гдѣ численность нѣмецкихъ труповъ, даже просто на глазъ, превосходитъ количество русскихъ,—въ значительной мѣрѣ объясняется еще этой особенностью нѣмецкаго солдата.

Нельзя предположить, чтобы такіе опытные военачальники, какъ тотъ же самый Гинденбургъ, не предусмотрѣли этого; несомнѣнно, при современныхъ орудіяхъ уничтоженія людей, строй римской когорты былъ бы анахронизмомъ. Но сдѣлать, очевидно, ничего нельзя. На основаніи опросовъ плѣнныхъ, можно ду-

мать, что особенность таится въ самой психологіи германскаго солдата.

Будучи пущенъ въ одиночку, онъ способенъ лечь, сдаться въ плѣнъ, закрыть голову руками, заткнуть уши. Мнѣ самому приводилось видѣть результаты неудачной попытки нѣмцевъ дѣйствовать разсыпнымъ строемъ. Подъ Ловичемъ нѣкоторые изъ солдатъ 43-го пѣхотнаго Егерскаго полка бросились впередъ, пытаясь воодушевить товарищей. Они иногда увлекали за собой тридцать-сорокъ человѣкъ, и всѣ они пали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего окопа. Но Боже мой—въ какихъ позахъ нашелъ я на слѣдующій день эти трупы!.. Были охватившіе голову руками, были закрывшіе лицо ладонями, а одинъ (я никогда не забуду его) зажалъ уши жестомъ такого полнаго, такого безконечнаго отчаянія, что вспоминать его мнѣ до сихъ поръ жутко. И это тѣ самые солдаты, которые сомкнутой колонной идутъ неотступно, твердо, какъ на парадѣ, несмотря на убійственный огонь, вырывающій цѣлые ряды.

Русскій солдатъ, уходя на войну, прощается. И онъ и всѣ окружающіе опредѣленно увѣрены въ томъ, что разъ война—значитъ смерть. Для того и война, чтобы людей убивали. Я былъ свидѣтелемъ проводовъ запаснаго. Когда уже все было кончено, когда осталось только занести ногу на колесо и прыгнуть въ телѣгу, крестьянинъ обошелъ сзади ея, сталъ среди улицы и истово, обдуманно отвѣсилъ четыре поясныхъ поклона на четыре стороны. Потомъ встряхнулъ волосами, оглядѣлъ свѣтлое, яркое, лѣтнее небо и сказалъ:

— Прощай, бѣлый свѣтъ!..

И, махнувъ рукой, полѣзъ въ телѣгу.

Такой солдатъ идетъ на войну съ тѣмъ, чтобы умереть.

Онъ знаетъ, что на войнѣ надо убивать, надо мокнуть въ окопахъ по недѣлямъ, надо не ѣсть по три дня, надо кормить собою безчисленныхъ паразитовъ, надо

дѣлать переходы въ дождь и слякоть по 40 верстъ. Надо дѣлать огромное, страшное, безконечно трудное дѣло войны, призвавшей его изъ глубины деревни. И лучше всего, больше всего, ярче всего онъ знаетъ, что здѣсь надо умирать. А если умирать, то не все ли равно, умирать въ одиночку или скопомъ, колонной, чувствуя локоть сосѣда, или разсыпнымъ строемъ, когда приходится почти кричать?!.

Для того и война, чтобъ людей убивали—видитъ начальство, что лучше по одному—пущай по одному. Требовается, чтобы взводомъ, или ротой, или полкомъ — можно и такъ; въ концѣ концовъ результатъ одинъ и тотъ же: смерть, къ которой онъ приготовился еще въ то время, какъ говорилъ:

— Прощай, бѣлый свѣтъ!..

И если рана, жизнь—это просто счастливая, но почти совершенно непредвидѣнная случайность.

V.

Народу въ его массѣ трудно понять психологію другого народа. Своей ежечасной и ежесекундной готовностью умереть рѣшительно во всякій любой моментъ русскій солдатъ преподнесъ нѣмецкому не малый сюрпризъ. Въ бояхъ подъ Лодзью этотъ сюрпризъ достигалъ грандіозныхъ размѣровъ. Фактъ кавалерійской атаки —скихъ драгунъ батареи тяжелой артиллеріи нѣмцевъ, атаки, не подготовленной заранѣе орудійнымъ огнемъ, — фактъ безпримѣрный въ исторіи войны.

Въ конномъ строю драгуны бросились лавой. Читатель, не связанный съ военными кругами, часто слышитъ это слово, но врядъ ли оно говоритъ ему что-либо, кромѣ представленія о стремительности.

Лава—этотъ выработанный чуть ли еще не предками Тамерлана пріемъ, родившійся въ нѣдрахъ вырастающихъ на сѣдлѣ ордъ, непосвященному зрителю можетъ показаться безпорядочной кучей мчащихся лошадей съ

приникшими къ шеямъ всадниками. Стремительность движенія, отсутствіе какой-либо стройности, бѣшеный аллюръ хрипящихъ, съ оскаленными зубами, воодушевленныхъ, да, да, воодушевленныхъ лошадей, все это представляется сумбурнымъ вихремъ. Но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Лава, это—живая, гибкая, упругая, какъ развернувшаяся, стальная пружина, объединенная тѣмъ, что̀ на техническомъ языкѣ называется маякомъ. Ни одинъ солдатъ или казакъ не упускаетъ этого неизвѣстнаго непріятелю маяка, руководящаго движеніемъ всей части.

—скіе драгуны промчались двѣ съ половиной версты. Около Р. была мельница, изъ слухового окошка которой нѣмецкій пулеметъ косилъ все, что̀ ни появлялось передъ нимъ. Лава облила мельницу съ обѣихъ сторонъ, пропустила ее сквозь себя и, какъ громъ, ударила на батарею.

Нѣмцы могли ожидать всего, но только не конной атаки на свою батарею. Пѣхота могла обойти ее съ фланга. Артиллерія могла разнести ее вдребезги, шрапнель выкосить всю прислугу; но конной атаки, когда въ самую батарею, между орудій, врываются хрипящія, озвѣрѣвшія лошади, когда со всѣхъ сторонъ сыплются крушащіе удары тяжелыхъ драгунскихъ шашекъ,—этого ожидать было нельзя, какъ молніи съ яснаго неба... Это былъ величайшій, совершенно неучтенный сюрпризъ, истинную сущность котораго нѣмецкому солдату такъ же трудно понять, какъ самоотверженность санитаровъ, лѣзущихъ въ самое пекло боя для того, чтобы вынести раненыхъ.

VI.

Въ томъ же самомъ дѣлѣ можно было наблюдать поразительныя въ этомъ отношеніи вещи.

Послѣдній пунктъ, куда можно было продвинуться поѣздомъ, былъ станція Колюшки II.

Второй летучій отрядъ ротмистра Ф. А. Л—скаго сдѣлалъ невозможное: онъ продвинулся въ участокъ между деревнями Ж. и Р. Самъ ротмистръ Ф. А. Л—скій,—онъ же комендантъ прекрасно оборудованнаго, великолѣпно обслуживаемаго охотниками-санитарами изъ университетской молодежи поѣзда, служащаго и питательнымъ пунктомъ, и лазаретомъ, и перевязочной, въ зависимости отъ нужды даннаго момента,—съ женой, ординарцемъ,—самымъ интереснымъ человѣкомъ, котораго я видѣлъ на войнѣ, семнадцатилѣтнимъ юношей-казакомъ Ю. А. К—вымъ,—и санитарами оставилъ поѣздъ на пути, а самъ ни мало ни много отправился туда, гдѣ его помощь была нужнѣе всего, т.-е. въ самую гущу боя.

Атака —скихъ драгунъ произошла на глазахъ отряда. Кругомъ ложилась шрапнель, грохотъ орудій потрясалъ воздухъ. И вотъ, въ такихъ условіяхъ, одѣтые въ кожаныя куртки студенты-санитары, тутъ же, буквально на глазахъ непріятеля, принялись за свое дѣло. Они бѣгомъ, спотыкаясь на неровностяхъ почвы, задыхаясь на подъемахъ, рискуя каждую секунду упасть подъ шрапнелью, таскали на носилкахъ раненыхъ въ поѣздъ, гдѣ ихъ принимала жена ротмистра Е. А. Л—ая. Раненыхъ было много—народу мало, и носилокъ не хватило. И вотъ тутъ-то имѣла мѣсто еще одна неожиданность, отмѣтить которую—такой же долгъ, какъ отдать должное этому юношѣ.

Вчерашній гимназистъ частной московской гимназіи Страхова, семнадцатилѣтній юноша, съ мягкимъ женственнымъ лицомъ, доброволецъ-казакъ, ординарецъ коменданта, по официальному положенію, замѣтилъ тяжело раненаго офицера. Онъ бросился къ нему, вскинулъ его на плечи и бѣгомъ подъ непрерывнымъ огнемъ понесъ его къ поѣзду.

Когда я былъ въ Петроковѣ, судьба столкнула меня съ этимъ летучимъ отрядомъ. Былъ вечеръ, промозглый

осенній вечеръ; цѣлый день я провелъ въ сѣдлѣ, прозябъ и промокъ, и стаканъ горячаго чая казался мнѣ божественнымъ даромъ. Меня и моего спутника, военнаго врача, извѣстнаго въ Петроградѣ, какъ удивительнаго чтеца Чеховскихъ разсказовъ (Антонъ Павловичъ какъ-то высказалъ мысль о томъ, что нѣкоторыхъ мелкихъ разсказовъ, какъ „Злоумышленникъ“, „Налимъ“, „Разговоръ съ собакой“ и проч., онъ самъ не понималъ, пока докторъ Б. не прочелъ ему ихъ), пригласили въ столовую поѣзда.

Только здѣсь, на войнѣ, выбитые изъ обычной обстановки, подчасъ измученные, продрогшіе люди чувствуютъ истинную цѣнность стакана горячаго чая, чистой скатерти, минимума комфорта, возможнаго въ столовой, передѣланной изъ сибирскаго вагона четвертаго класса. Мы съ докторомъ провели цѣлый вечеръ въ обществѣ милыхъ, любезныхъ людей, пріютившихъ насъ. И въ благодарность за гостепріимство докторъ мастерски прочелъ нѣсколько вещицъ Чехова. И надо было видѣть, надо было самому посмотрѣть, какъ весело, беззаботно, съ дѣтской наивностью и дѣтской заразительностью смѣялся вольноопредѣляющійся доброволецъ-казакъ. Докторъ читалъ прекрасно, и одинъ этотъ искренній, свѣтлый смѣхъ могъ быть ему незабываемой наградой. А черезъ двѣ недѣли юноша, заливисто хохотавшій надъ забавной интонаціей человѣка, кающагося передъ собакой, вынесъ изъ огня раненаго драгунскаго офицера и спасъ его отъ неминуемой смерти.

И маленькій бѣленькій крестикъ, украсившій солдатскую шинель вчерашняго гимназиста, былъ только радостной неожиданностью, но не самымъ важнымъ событіемъ въ семнадцатилѣтней жизни юнаго добровольца-казака. Важно было спасти, вынести изъ огня, дотащить грузное безвольное человѣческое тѣло до вагона, а будетъ крестикъ или нѣтъ, — объ этомъ тогда и не думалось.

VII.

Заговоривъ о неожиданностяхъ, я въ заключеніе своего письма не могу не упомянуть объ одной.

Въ дѣлѣ подъ К., въ арміи генерала И., былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ раненый въ бедро рядовой, доброволецъ А. А. К—ковъ. Награда была выдана четвертой степени за одно изъ самыхъ важныхъ проявленій человѣческаго духа на войнѣ: воодушевленіе собственнымъ примѣромъ цѣлой роты.

Раненаго отправили на перевязочный пунктъ въ безсознательномъ состояніи, раздѣли — и... тутъ докторовъ, сестеръ и санитаровъ ждалъ нѣкоторый сюрпризъ: новый георгіевскій кавалеръ оказался... женщиной. Впослѣдствіи выяснилось, что новая Жанна д'Аркъ оказалась монашенкой, давшей обѣтъ пролить кровь въ бою за родину.

Генералъ И...нъ, высоко вскидывая кверху кованые погоны, разводилъ руками:

— Но позвольте — какъ же такъ? Вѣдь я же наградилъ ее Георгіемъ 4-й степени?

Бывшій при этомъ представитель общеземской организаціи дипломатично улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вы получите большую благодарность, генералъ: благодарность русскихъ женщинъ!..

Да, вотъ съ какими сюрпризами приходится считаться нѣмецкой арміи.

При наличности ихъ, вдохновенныхъ, рожденныхъ тайными побужденіями великаго народнаго сердца,— какими мелкими, игрушечными кажутся всѣ планомѣрные концентрическіе обходы, неиспользованные въ бояхъ корпуса, выдвинутые впервые крѣпостные гарнизоны... Ибо въ конечномъ счетѣ важно не то, что на войнѣ надо корпусъ *a* передвинуть на мѣсто корпуса *b*, а линію *c-d* отклонить флангомъ къ точкѣ *e*, а то, чтобы солдатъ, идя въ бой, не думалъ, что непремѣнно убьютъ не его, а сосѣда, идущаго съ лѣвой стороны, котораго онъ

боится отпустить отъ своего локтя, а шелъ просто, спокойно умирать, ибо, извѣстное дѣло, война потому и есть, что людей убиваютъ!..

Важно то, что такой солдатъ готовъ на всякій „сюрпризъ“: въ конномъ строю взять батарею, выпрыгнуть изъ вагона, тутъ же окопаться, а черезъ полчаса ударить въ штыки; важно то, что мальчикъ обезпеченной старинной семьи не находитъ возможнымъ сидѣть въ гимназіи, когда тамъ, на поляхъ Польши, умираютъ люди. Это единственно важно, и единственно въ этомъ побѣда...

СТРАННЫЕ ГОРОДА.

лодзь, кѣльцы.

I.

Человѣкъ, сидящій гдѣ-нибудь въ Петроградѣ, Москвѣ или Харьковѣ, слѣдящій за военными событіями по газетамъ, долженъ ощущать порою нѣкоторое недоумѣніе: передвигая прикрѣпленные къ булавкамъ флажки на картѣ Царства Польскаго, онъ, слѣдуя утреннему сообщенію газетъ, вдругъ натыкается на воткнутый вчера вражескій или русскій флажокъ тамъ, гдѣ по нынѣшнему извѣстію долженъ помѣщаться совсѣмъ не онъ.

Слѣдящій за войною человѣкъ хмуритъ брови, перечитываетъ сообщеніе и, придерживая двумя пальцами тотъ или иной флажокъ, бормочетъ:

— Позвольте, какъ же такъ? Наступленіе одновременно на всемъ фронтѣ Иловъ—Гловно... Гм... но вѣдь Ловичъ, центръ этого фронта, былъ въ ихъ рукахъ? Какъ же такъ! Значитъ, ихъ опять выбили?!.

Пестренькій флажокъ нерѣшительно крутится надъ фронтомъ Иловъ—Гловно, на моментъ останавливается надъ обозначающимъ Ловичъ кружочкомъ—точь въ точь такъ, какъ надъ настоящимъ Ловичемъ, нерѣшительно покружившись, замираетъ аэропланъ передъ тѣмъ, какъ бросить бомбу.

Интересующійся, отдѣленный сотнями верстъ отъ мѣста событій человѣкъ въ недоумѣніи. Вчера было такъ, сегодня какъ будто не такъ. Вчера мальчишки,

продающіе вечерніе выпуски газетъ, вспрыгивали на ходу трамвая и, опасливо поглядывая на кондуктора, орали:

— Нѣмцы въ Лодзи... Петроковъ взятъ нѣмцами!..

А сегодня срочная телеграмма съ театра военныхъ дѣйствій говоритъ о томъ, что „въ Лодзь высылаются изъ Варшавы чины полиціи", а изъ Петрокова „намъ сообщаютъ".

Позвольте, кто же это сообщаетъ — нѣмцы, которые взяли его, что ли?! И какъ полиція въ полномъ составѣ выѣхала въ Лодзь, когда тамъ опять-таки нѣмцы?!.

Нахмуренный человѣкъ бормочетъ уже болѣе недовольно, и въ его ворчаньи ясно слышна нотка протеста:

— Вѣчно путаютъ эти газеты... Гонятся за сенсаціей и врутъ на каждомъ шагу... Вчера такъ, сегодня совсѣмъ иначе! Я понимаю, если наступленіе нѣмцевъ, то значитъ оборона русскихъ, и обратно, — а тутъ ничего не понять!.. Какая-то скоропалительность!..

Увы, газеты тутъ ни при чемъ. Онѣ дѣлаютъ все, чтобы поспѣть за событіями. Онѣ не желѣютъ средствъ и бросаютъ тысячи рублей людямъ, которые не жалѣютъ силъ и, не будучи военными, бросаютъ привычный укладъ жизни, мѣняя его на сказочное, странное существованіе безъ дома, безъ пристанища, въ постоянныхъ переѣздахъ. Но колесо войны, по мѣрѣ того какъ катится дальше, пріобрѣтаетъ бо́льшую стремительность. Спицы его сверкаютъ уже почти неуловимо, а путь не только ежедневно, но порою ежечасно мѣняется: это колесо иногда не катится, а прыгаетъ и, толкнувшись о гору нѣмецкихъ труповъ у какой-нибудь Лодзи, отскакиваетъ на Петроковъ, чтобы черезъ нѣсколько часовъ откинуться на Ново-Радомскъ.

II.

Пишущему эти строки пришлось испытать на себѣ эти превратности судьбы военнаго времени.

Когда бои подъ Лодзью перенеслись на линію Лодзь—Петроковъ, я рѣшилъ во второй разъ осмотрѣть Лодзь, какъ говорили, сильно пострадавшую въ послѣдніе два дня.

— Н-не знаю,—сомнительно покачивая головой, говорилъ мнѣ передъ моимъ отѣздомъ свѣдущій человѣкъ:—доберетесь ли вы... Есть свѣдѣнія, что туда должны войти нѣмцы. Городъ, какъ вы знаете, давно эвакуированъ, и возможно, что вы вмѣстѣ съ автомобилемъ влѣзете въ порядочную кашу...

На половинѣ пути, примѣрно около Гловно, черный, какъ цыганъ, и обросшій, какъ медвѣдь, до самыхъ глазъ курчавыми черными волосами комендантъ выслушалъ меня, удивленно поднялъ къ самому пробору огромныя брови и вздернулъ плечами.

— Что?! Нѣмцы въ Лодзи? Ни-че-го подобнаго! Какая чепуха, выдумаютъ тоже!.. Тамъ нашъ —скій полкъ и казаки... Была, правда, попытка войти—десятокъ мотоциклистовъ даже съ трескомъ въѣхали, но результатъ былъ тотъ, что мотоциклистовъ казаки того-съ, а машины ихъ теперь у меня... Не желаете ли посмотрѣть?

— Ни-че-го подобнаго,—завѣрялъ онъ меня, когда я садился уже въ автомобиль, стараясь не замѣчать унылопокорной физіономіи шофера, дѣлавшейся все унылѣе и покорнѣе (не мнѣ, а ожидавшей насъ троихъ — меня, его и автомобиль — судьбѣ), по мѣрѣ приближенія къ Лодзи: — поѣзжайте смѣло, ни-че-го подобнаго!.. Тутъ уполномочный общеземскаго союза Л. только-что предъ вами проѣхалъ!..

Въ С—ѣ неожиданная остановка.

— Эй, автомобиль, эй, ты, шоферъ — стой, стой, куда?! Стой, не то... Вы куда изволите направляться? Позвольте, а сами вы... Ахъ, да, такъ, да, да, я знаю—какъ же, но только—изволите видѣть—въ Лодзь вамъ никакъ нельзя: тамъ нѣмцы! Головной отрядъ уже входитъ—извѣстія самыя вѣрныя—никоимъ образомъ!..

Очевидно, колесо войны прыгало здѣсь на одномъ мѣстѣ. Какъ извѣстно стало теперь, въ Лодзи не было въ тотъ моментъ, когда я объяснялся со всякими свѣдущими людьми, ни нѣмцевъ, ни русскихъ.

Русскіе эвакуировали городъ и вышли всѣ.

Нѣмцы подступили къ городу и не вошли въ него.

Десятокъ мотоциклистовъ, о которомъ я слышалъ отъ заросшаго волосами коменданта, былъ все, что̀ вступило со стороны нѣмцевъ. Судьба ихъ изъ предыдущихъ строкъ извѣстна. Почему не послѣдовало дальнѣйшаго вступленія? Выяснилось маленькое обстоятельство, не предусмотрѣнное нѣмцами: Лодзь лежитъ въ котловинѣ, которая почти или мало замѣтна глазу, но весьма ощутительна для математическаго прибора. Русскіе, покидая Лодзь, оставили на возвышенности по эту сторону города нѣсколько батарей и сдѣлали пригласительный жестъ:

— Милости просимъ въ городъ!

Нѣмцы посмотрѣли на городъ, понюхали воздушной развѣдкой расположенныя выше батареи, центромъ обстрѣла которыхъ могъ каждую секунду сдѣлаться городъ, и любезно раскланялись:

— Благодаримъ васъ... Намъ что-то не хочется! Подождемъ пока.

И Лодзь нѣкоторое время оставалась пустой. Большой, кипѣвшій промышленной жизнью, впослѣдствіи переполненный войсками, лазаретами, обозами, видавшій и нѣмцевъ и русскихъ городъ былъ пустъ. Мрачно и молчаливо глядѣли пустыя окна. Въ значительной степени пострадавшія улицы безлюдны. Пробитыя во многихъ мѣстахъ стѣны домовъ, вывороченные рельсы трамваевъ, разбросанные камни мостовой, кое-гдѣ обрушившаяся крыша и особый, сложный, неописуемый соръ, что̀ всегда остается на мѣстахъ пребыванія большихъ скопищъ людей,—какъ странно и призрачно выглядитъ все это лунной свѣтлой ночью!..

Гдѣ-то далеко, перекатываясь, ухаютъ орудія. Гдѣ-то такъ далеко, что доносится едва слышнымъ отзвукомъ рокочущая ружейная перестрѣлка. А здѣсь, въ брошенномъ городѣ, полномъ призрачныхъ невѣрныхъ тѣней и струящихся неуловимыхъ пятенъ луннаго свѣта, странная новая тишина. Колоссъ войны присѣлъ отдохнуть здѣсь, въ пустомъ городѣ. Прислушался къ чуткой тишинѣ. . . . . .

... Строго и печально смотрѣлъ одинокій мѣсяцъ, слабымъ эхо перекатывались дальніе выстрѣлы, и серебряными нитями луннаго свѣта, пестрой паутиной невѣрныхъ тѣней, мрачными слѣдами недавнихъ разрушеній плелъ смутную повѣсть пережитыхъ страданій пустой городъ.

III.

Странные эти города, переходящіе изъ рукъ въ руки. Ихъ много—и перечислить ихъ нельзя, но на всѣхъ лежитъ одинъ отпечатокъ. Кажется, глядя на нихъ, что они живутъ особенной напряженной жизнью. Но это только кажется. На самомъ дѣлѣ они замерли, затихли, и, въ сущности, никакой жизни въ нихъ нѣтъ. То, что̀ двигается непрестанно, скачетъ, гремитъ колесами, лязгаетъ подковами—все это пришлое, чуждое; все это не жизнь, или жизнь, связанная съ городомъ только необходимостью времени и мѣста; а самый городъ—пульсъ его жизни—спрятался, замеръ, затихъ. Его нѣтъ. Только очень наблюдательный человѣкъ можетъ прощупать этотъ пульсъ.

На вокзалѣ къ К., не такъ давно перешедшемъ отъ нѣмцевъ къ намъ, шла выгрузка прибывшихъ для нуждъ войскъ хлѣба и соли. Хлѣбъ, выпеченный уже, въ мѣшкахъ. Соль въ рогоженныхъ куляхъ, мѣстами прорванныхъ при перебрасываніи изъ вагона въ вагонъ. Когда солдатъ несетъ, взваливъ на плечи, такой куль на платформу, нѣсколько горстей просыпается по дорогѣ.

И вотъ изъ-подъ колесъ вагоновъ, изъ темныхъ норокъ, гдѣ трудно укрыться человѣку, показываются дѣти семи, восьми, шести лѣтъ, блѣдныя, плохо одѣтыя, оборванныя дѣти. Какъ мыши, остро и осторожно оглядываясь, шныряютъ они по путямъ, приникаютъ у рельсовъ и красными озябшими ручонками собираютъ просыпанную соль.

Соль—не лакомство; нырять подъ колеса товарныхъ вагоновъ, ежесекундно ожидая тумака,—не забава. День холодный, сырой, мозглый—хочется пойти куда-нибудь въ тепло, согрѣться, забыть хоть на время всѣ тяжести жизни. А маленькія сѣренькія мышки неутомимо шныряютъ между рельсами, продрогшія и голодныя, и собираютъ... соль!..

Стараясь не выходить изъ-за закрывавшей меня горы мѣшковъ съ хлѣбомъ, я попытался прослѣдить, куда они таскаютъ собранную соль. И я увидѣлъ.

За развалинами водонапорной башни, превратившейся въ груду камня и желѣза, между огромнымъ свалившимся сверху бакомъ и остатками стѣны я увидѣлъ худую высокую женщину съ землистымъ темнымъ лицомъ. Она была не стара, но горькое время истощило это лицо, потушило глаза и согнуло спину. Она стояла, задумчиво ожидая дѣтей, и я смотрѣлъ на нее минутъ десять—она не шевельнулась.

За развалинами послышалось щебетанье дѣтей. Женщина встрепенулась, поправила платокъ, повязывавшій голову, и слабая тѣнь улыбки скользнула по ея лицу. Дѣти вбѣжали въ уголокъ за бакомъ всѣ разомъ; ихъ было трое—два мальчика и дѣвочка постарше—и разомъ, наперебой, защебетали съ необычайнымъ оживленіемъ. Я чувствовалъ причину этого оживленія: имъ поручили такое важное отвѣтственное дѣло, на которое сама мать не можетъ пойти,—вѣдь это такъ необычайно!

Торопясь и перебивая другъ друга, они разсказывали всѣ опасности, которыя имъ пришлось преодолѣть, и

тѣмъ временемъ всыпали въ передникъ матери двѣ-три горсточки драгоцѣнной соли. И дѣвочка, какъ старшая, прибѣгала къ авторитету матери:

— Стахулка не слушается меня: онъ проковырялъ дырку въ кулѣ, чтобы больше сыпалось. Я говорю, не надо, а онъ пальцемъ проковырялъ!

— Ее много, имъ все равно...—оправдывался семилѣтній Стахулка.

— Не надо, сынокъ, нехорошо такъ дѣлать... — говорила женщина, увязывая въ конецъ передника соль:— я сказала: подбирайте то, что просыпется, потому что это все равно пропадетъ... А такъ не надо, это нехорошо, слышишь, Стахъ?

Я видѣлъ нѣчто такое же большое, какъ сама война. Изъ-за грохота двигавшихся мимо вокзаловъ орудій, сквозь непрерывный лязгъ копытъ проходящей сотни казаковъ, изъ-подъ тяжелаго, мѣрнаго, способнаго потрясти землю шага пѣхотнаго полка я подслушалъ чуть слышное біеніе пульса страннаго города, покорно несущаго странную судьбу свою.

Когда я уходилъ отъ полуразрушенной водонапорной башни, оставивъ ожидавшей юркихъ сѣрыхъ мышекъ женщинѣ немного денегъ (она отказалась отъ болѣе крупной бумажки, предпочитая принять меньшую сумму, но серебряной мелочью, которой, къ сожалѣнію. у меня было очень мало), соль уже перетаскали солдаты и теперь сортировали мѣшки съ хлѣбомъ. Часть ихъ въ пути ломается, портится и крошится—изъ такихъ мѣшковъ хлѣбъ вытряхивали тутъ же на перронѣ, и онъ лежалъ сѣрой большой кучей, похожей на горку земли.

Солдатъ-часовой стоялъ тутъ же, перебрасываясь медленными словами съ сортировщиками. Когда тѣ отошли къ вагону, тотъ самый проказникъ Стахулекъ, который только-что получилъ выговоръ за ковыряніе мѣшковъ, осторожно подобрался къ кучѣ испорченнаго хлѣба и, схвативъ полуобломанную краюху, вѣтромъ понесся къ

спасительнымъ колесамъ товарнаго вагона. Я видѣлъ, что часовой давно замѣтилъ покушеніе сѣраго мышонка на искрошенный, ненужный арміи хлѣбъ, который онъ долженъ былъ охранять, какъ все, находившееся на перронѣ, и видѣлъ, какъ при приближеніи мальчика солдатъ отвернулся и сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Онъ повернулся опять, когда мышонокъ уже неуловимо мелькалъ подъ вагонами — и тутъ столкнулся съ моимъ взглядомъ. Часовой чуть-чуть смутился, перекинулъ винтовку съ руки на руку и, отводя глаза въ сторону, сказалъ, какъ бы оправдываясь:

— Что жъ, баринъ, все одно этотъ хлѣбъ пропащій... А у нихъ бѣдность, пусть хоть не зря сгніетъ... Много ль онъ денегъ стоитъ?

Потомъ дѣловито крякнулъ, оправилъ подсумокъ съ патронами и, вскинувъ ружье на плечо, серьезно зашагалъ по платформѣ.

IV.

Странные города, переходящіе изъ рукъ въ руки, странными стали люди въ нихъ, странной жизнью полны они. Ворчливый читатель газеты, недовольный тѣмъ, что онъ лишенъ увѣренности въ серьезномъ дѣлѣ втыканія пестрыхъ флажковъ, никогда не могъ бы даже приблизительно вообразить дни, дѣлящіеся другъ отъ друга тѣмъ, что въ городѣ властвовали русскіе, или нѣмцы.

Я былъ свидѣтелемъ спора отца съ дочерью въ Ловичѣ. Мать была убита нѣмецкимъ снарядомъ во время бомбардировки города. Я не стану описывать того подавленнаго, почти летаргическаго ужаса, въ которомъ засталъ я обоихъ, уже пережившихъ первую стадію взрыва отчаянія.

Случилась странная, поразительная вещь: оба забыли, когда это произошло: во время третьяго или второго подхода нѣмцевъ.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь!—морщась какъ отъ физической боли и напряженно сверкая безсонными гла-

зами, раздражался отецъ.—Это было, когда мы сидѣли въ большомъ подвалѣ, подъ большимъ домомъ... Еще тогда она (они остерегались упоминать слова „мать“, „жена“, называть умершую по имени) пошла для Вандочки за молокомъ...

— Папа, ты путаешь,—нѣжно и ласково возражала дочь:—въ подвалѣ подъ большимъ домомъ мы сидѣли въ первый разъ, а это было тогда, когда большой домъ уже обрушился и въ подвалъ нельзя было попасть. Это было во второй,—мы сидѣли за конюшней, тогда и молока никакого уже не было... Она шла къ начальнику насчетъ лошади...

Дата устанавливается фактами. Не располагая таковыми, человѣкъ, интересующійся войной, откладываетъ до вечерняго выпуска газеты свой флажокъ. Но, несмотря на сотни верстъ, отдѣляющія его отъ факта, будничнаго факта бомбардировки вторичной или дальнѣйшей одного изъ городовъ, будничнаго факта смерти одной или нѣсколькихъ жительницъ или жителей подвергшагося артиллерійскому обстрѣлу города, онъ, этотъ далекій, занятый своимъ повседневнымъ дѣломъ читатель, по самой причинѣ недоумѣнія своего („кто его знаетъ, куда теперь надо вотнуть флажокъ? Кто тамъ—нѣмцы или наши?“), по самому этому факту чувствуетъ вѣяніе великихъ событій.

Онъ чувствуетъ смутный трепетъ далекихъ пожарищъ, онъ ощущаетъ страшные удары снарядовъ, онъ видитъ сотни жизней, достигшихъ момента высочайшаго горѣнія; по мелкому факту, послужившему причиной его раздраженной ворчливости, понимаетъ онъ всю огромную, невыразимую, ужасающую напряженность идущихъ безостановочно боевъ.

И, чувствуя смущеніе, робость и еще нѣчто, не передаваемое словами, благоговѣйно читаетъ онъ простыя слова о простыхъ людяхъ, дѣлающихъ нечеловѣческія вещи, и уже съ инымъ чувствомъ смотритъ на отложенный въ сторону маленькій флажокъ.

V.

Эта напряженность подчасъ оказывается не по силамъ городскому, въ большинствѣ случаевъ, нѣмецкому солдату. Въ бояхъ подъ Лодзью нѣмецкая пѣхота была поголовна пьяна. Въ подобранныхъ мною двухъ фляжкахъ послѣ дѣла у Р—ы, фляжкахъ, снятыхъ съ нѣмецкихъ солдатъ, оказалось: въ одной что-то несомнѣнно спиртное—плохой коньякъ или какая-то особая водка; въ другой... эѳиръ. Нервы слабаго городского человѣка не выдерживаютъ: имъ нужно хотя бы временное возбужденіе, способное заставить итти сомкнутой колонной на явную смерть.

Эту колонну косятъ пулеметы—ужасающіе пулеметы, вырывающіе буквально цѣлый строй — первая шеренга падаетъ, выступаетъ вторая и, отбивая тактъ кованнымъ альпійскими гвоздями сапогомъ по лицамъ, по тѣламъ павшихъ, наступаетъ, какъ первая, и погибаетъ. За ней идетъ третья, четвертая, а пулеметы трещатъ, особый, съ характернымъ сухимъ звукомъ нѣмецкій барабанъ рокочетъ въ опьяненіи, и рожки, коротенькіе мѣдные германскіе рожки, пронзительно завываютъ—и люди падаютъ горой труповъ. Изъ тѣлъ образовывается валъ,—настоящій валъ въ ростъ человѣка,—но и это не останавливаетъ упорнаго наступленія; пьяные нѣмецкіе солдаты карабкаются по трупамъ, пулеметъ русскихъ поднимаетъ свой смертоносный хоботъ, и влѣзшіе на груду павшихъ раньше вѣнчаютъ ее своими трупами...

Я припоминаю подобранное послѣ боя письмо жены нѣмецкаго солдата:

„—...на войнѣ можно умереть не только отъ пули или бомбы, или какъ они тамъ называются ваши военныя вещи. Вамъ приходится спать на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, а скоро въ этой сибирской Россіи („Sibirien Russland“) наступятъ страшные морозы. А

ты все время просидѣлъ въ теплой мастерской, у тебя часто бываетъ простуда...“

Увы, случается даже хуже. Повелительный жестъ кайзера, приказывающаго „взять во что бы то ни стало“, заставляетъ гибнуть легко-раненыхъ людей, способныхъ черезъ полторы-двѣ недѣли вступить снова въ ряды дѣйствующихъ войскъ... Подогрѣтая эѳиромъ или водкой напряженность боя, сомкнутый нѣмецкій строй, о которомъ мнѣ уже доводилось говорить однажды, — и смерть отъ пустячнаго по существу раненія.

Поддерживаемое горами труповъ упорство наталкивается на исконную стойкость заматерѣвшаго во дняхъ борьбы съ „открытымъ воздухомъ“, „дождями“ и морозами Sibirien Russland русскаго солдата. Всею своей огромной дремучей крестьянской жизнью, полной огромнаго земельнаго труда, подготовленъ онъ къ этой стойкости . . . . . .

И странные города, въ которыхъ немногіе оставшіеся жители считаютъ время по тому, въ какомъ подвалѣ они сидѣли въ ту или иную бомбардировку, завороженные луннымъ свѣтомъ молчаливые ночью города переходятъ изъ рукъ въ руки. А интересующійся войною человѣкъ, прислушиваясь къ далекимъ раскатамъ міровой войны, раздумчиво держитъ пестрый флажокъ, не рѣшаясь воткнуть поддерживающую его булавку...

МЕЛОЧИ ВОЙНЫ.

I.

Мы знаемъ много величественныхъ и прекрасныхъ событій, свершающихся на орошенныхъ кровью поляхъ войны. Время подсчета ихъ не пришло, но они хранятся въ памяти людей, и чувство, разбуженное ими, объединяетъ огромную страну. Многомилліонное сердце этой страны отвѣчаетъ восторженными ударами напряженному біенію сердца тѣхъ, что̀ непосредственно несутъ иго войны, слагая кровь и жизнь свою за великое дѣло.

Но рядомъ съ подвигами, съ великими, прекрасными дѣлами, о которыхъ дѣды будутъ разсказывать внукамъ, когда насъ уже не будетъ, рядомъ съ героическими эпопеями, вызванными къ жизни острымъ напряженіемъ войны, вплетаясь въ цвѣтистую гирлянду ихъ зеленой повиликой, тянутся звеньями безконечной цѣпи незамѣтныя, трагическія и смѣшныя, жуткія и трогательныя „мелочи“ войны.

Ихъ много, и каждая въ отдѣльности, быть-можетъ, не заслуживаетъ того, чтобы на ней останавливаться; ихъ такъ же много, какъ мазковъ кисти на полотнѣ картины, но изъ этихъ мазковъ создается общее, и глазъ невольно приковывается къ полотну, покрытому, казалось бы, безпорядочно разбросанными прикосновеніями кисти.

Когда смотришь на картину войны, не замѣчаешь ея мелочей. И только, приглядѣвшись ближе, столкнувшись

лицомъ къ лицу съ будничной стороной ея, вдругъ начинаешь различать отдѣльныя звенья великой цѣпи, опутавшей половину земного шара. И мелочь иногда вырастаетъ въ событіе, какъ полученное дома извѣстіе о смерти того самаго солдата, который фигурировалъ въ отчетѣ о сраженіи, какъ незамѣтное слагаемое суммы выбывшихъ изъ строя той или иной части...

II.

Въ прозрачный, пронизанный жидкимъ осеннимъ солнцемъ день я проходилъ по улицамъ одного изъ тѣхъ небольшихъ городковъ, что̀ въ послѣднее время стали ареной большихъ столкновеній.

По мостовой двигалась военная толпа, шумная и однообразная, сложный многоголосый гулъ столбомъ стоялъ въ чуткомъ солнечномъ воздухѣ. Что-то, отдаленно напоминавшее веселую сельскую ярмарку, было въ этомъ гамѣ, отъ солнца ли, отъ сверкающихъ ли острыми вспышками лужъ на тротуарѣ, отъ тонкихъ ли, четко рисующихся въ блѣдномъ по-осеннему небѣ, голыхъ вѣтвей деревьевъ.

Въ такіе дни усталые, издерганные нервы отдыхаютъ. Большая мягкая примиренность охватываетъ душу, и мысли наплываютъ такія спокойныя, такія большія, какъ круглыя облака по синему небу.

Ну что̀ жъ, я знаю — война, и это ужасно. Не дальше какъ вчера въ двѣнадцати верстахъ отсюда былъ бой, и было много убитыхъ и раненыхъ, и вотъ сейчасъ даже передо мной идетъ солдатъ съ какимъ-то до смѣшного большимъ и нелѣпымъ шаромъ изъ марлевыхъ бинтовъ и ваты вмѣсто головы. Но жизнь во всей подавляющей стремительной силѣ своей прекрасна, но нѣтъ ничего лучше этого жидкаго, осторожнаго и грустнаго, какъ улыбка засыпающей дѣвушки, солнца и этого похолодѣвшаго, уже недовѣрчиваго неба, въ которомъ такъ выпукло и граціозно рисуются башенки

старинnаго костела. И, несмотря на вчерашній бой, на длительную, тяжелую войну, можетъ-быть, на завтрашнюю смерть, всѣ чувствуютъ, что жизнь — чудесная вещь... И тѣ солдаты, что̀, весело переругиваясь, проводятъ осторожно мимо обоза партію лошадей, и тѣ, что̀ возятся со сломавшимся дышломъ зарядnаго ящика, и даже тотъ идущій впереди меня, у котораго вмѣсто головы бѣлый, накрахмаленный шаръ... Потому-то такъ легкомысленно и игриво вьется тоненькая струйка дыма изъ этого шара, голубоватая, тающая въ воздухѣ струйка дешевой солдатской папиросы.

Я шелъ шагъ въ шагъ за этимъ шаромъ, обращавшимъ на себя вниманіе своей рѣзкой бѣлизной бинтовъ. Раненый солдатъ, очевидно, чувствовалъ себя не плохо; онъ останавливался порою передъ какой-нибудь нищенской витриной захудалаго часовщика, поглядывалъ по сторонамъ, крутя своимъ снѣжнымъ комомъ вмѣсто головы, закуривалъ новую папиросу, и опять кверху вился тонкой струйкой голубоватый дымокъ, слегка напоминая дымокъ трубы погребенной подъ снѣжнымъ сугробомъ избы.

Разъ, когда онъ обернулся, я видѣлъ его лицо. Въ сущности, никакого лица на самомъ дѣлѣ не было, былъ только тотъ же бѣлый комъ, прорѣзанный по серединѣ продолговатой дыркой и пониже круглой. Въ верхней, продолговатой, любопытно и смѣшливо сверкали два живыхъ сѣрыхъ глаза, выражавшихь полное удовлетвореніе бытіемъ, изъ нижней—торчала папироса.

Я шелъ сзади, разсматривалъ эту занятную фигуру и думалъ о томъ, что вотъ этотъ ярославскій, или московскій, или красноярскій обыватель носитъ вмѣсто головы шаръ изъ марли и ваты; что онъ, несомнѣнно, пережилъ минуты, а можетъ-быть, и часы величайшаго страданія, такого страданія, когда кажется, что все страданіе міра обрушилось на буйную голову его, а вотъ теперь, въ ясный погожій день, онъ идетъ,

какъ ни въ чемъ не бывало, поглядываетъ прячущимися въ марлевой дырѣ, какъ два любопытные звѣрька, глазками, и спросите его—онъ своимъ грубымъ и мѣткимъ, прекраснымъ крестьянскимъ языкомъ скажетъ нѣчто несомнѣнно утверждающее жизнь. Какую же надо имѣть силу, какую душевную мощь, чтобы послѣ всего приключившагося съ нимъ все-таки утверждать жизнь?..

Я шелъ за нимъ, разсматривалъ легкомысленный дымокъ, наброшенную на плечи шинель съ разстегнутымъ клапаномъ, старую, недѣлями видавшую дожди въ окопахъ шинель, слегка разорванную у колѣна, заботливо зачиненную похожими на бечевку нитками. Несомнѣнно, обладатель дѣятельно приводилъ ее въ порядокъ, чистилъ и мылъ даже, соскребывалъ многонедѣльную грязь, чтобъ была „какъ поприличнѣе“.

Но одного пятна, несмотря на всю очевидную заботливость, онъ стереть не могъ. Онъ пробовалъ замыть его, выскоблить, теръ нещадно щеткой, и все-таки оно осталось. Оно простиралось по воротнику на плечи, потомъ загибалось къ разстегнутому клапану и уходило куда-то подъ рукавъ. Оно было бурое, густое...

Я посмотрѣлъ на шаръ изъ бинтовъ, потомъ на него, потомъ опять на то, что̀ было вмѣсто головы.

Я понялъ: это была кровь—его кровь.

Въ этой шинели онъ былъ раненъ. Кровь залила воротникъ, плечи, спину. Онъ лежалъ нѣсколько часовъ гдѣ-нибудь между окопами, пока огонь боя нѣсколько стихъ и санитары могли подобрать его. И этотъ человѣкъ, промочившій своей кровью грубое, толстое, какъ картонъ, солдатское сукно,—теперь погуливалъ, радуясь рѣдкому солнышку, вертѣлъ по сторонамъ похожей на снѣжный комъ головою, и голубоватый дымокъ вился легкомысленной струйкой изъ черной круглой дырочки вмѣсто рта.

Ничтожная, пустячная мелочь войны сильнымъ и яркимъ мазкомъ намѣтилась въ общей героической

картинѣ. И фонъ ея развернулся шире и величественнѣе, и ничтожная мелочь выросла въ огромную скобку, объединившую собою всю страну.

А шаръ, совершенно не подозрѣвая о символическомъ пятнѣ на своей спинѣ, мелькалъ уже далеко, четко рисуясь дѣвственно чистымъ пятномъ среди сѣрыхъ шинелей и защитныхъ фуражекъ. Черезъ минуту онъ свернулъ въ переулокъ и исчезъ, а черезъ недѣлю или мѣсяцъ, когда докторъ сниметъ его повязку и, добродушно хлопнувъ по плечу, скажетъ: „Ну вали, теперь будешь какъ новый... Ладно, что такъ отдѣлался!..“ — онъ потонетъ въ безграничномъ морѣ такихъ же защитныхъ фуражекъ... И никогда никто не отличитъ его, эту маленькую, мелькнувшую мимо, мелочь, отъ тысячъ подобныхъ штриховъ, покрывающихъ своей кровью полотно міровой картины.

III.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

IV.

И много такихъ мелочей, большихъ и важныхъ по самодовлѣющей цѣнности отдѣльнаго существованія, тонетъ въ грохотѣ величественныхъ столкновеній всемірной войны.

Колесо войны катится, пущенное исторической необходимостью (надо наконецъ признать, что столкновеніе славянской и германской расъ есть нашедшая свой часъ историческая необходимость), все дальше и дальше.

Путь его усѣянъ трупами и могилами, но, какъ въ сказкѣ, на мѣстѣ сраженныхъ вырастаютъ новыя полчища, и каждая капля пролитыхъ слезъ вызываетъ къ жизни новый взрывъ рѣшимости, отваги и беззавѣтной храбрости.

И такъ велико все это, что обычнымъ мѣриломъ уже нельзя мѣрить, — является новый масштабъ, и великое въ обыденной жизни здѣсь переходитъ въ область мелочей, область мазковъ общей картины, особыхъ „мелочей“ войны.

Въ бою подъ Л. участвовала любопытная пара. Сынъ, тринадцатилѣтній казачонокъ, ни за что не хотѣлъ оставить отца, отправлявшагося на войну. Не знаю, — отъ мальчика трудно было добиться,—что̀ пришлось предпринять ему для того, чтобы отецъ взялъ его, — кажется, судя по уклончивымъ и неохотнымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, пришлось юному воякѣ прибѣгнуть къ довольно серьезной мѣрѣ: угрозѣ самоубійствомъ. Я воображаю, что̀ должно было произойти въ степенной казачьей семьѣ, когда молодецъ объявилъ свое рѣшеніе воевать во что бы ни стало съ „батей“, или все одно убьюсь!..

Коровой ревѣла несчастная казачья жена и мать, хмурился отецъ, наконецъ не выдержалъ и послѣ всѣхъ испробованныхъ средствъ, до лозы включительно, поклонился сотнѣ. Сотня приняла, какъ всегда принимаютъ такихъ приблудящихъ рота, эскадронъ или сотня, на положеніе воспитанника, изъ котораго ужъ въ такихъ-то военныхъ обстоятельствахъ непремѣнно получится настоящій боевой казакъ.

Четыре мѣсяца отецъ и сынъ воевали счастливо. Были во всякихъ передѣлкахъ, былъ и раненъ въ рукопашной схваткѣ съ встрѣтившимся разъѣздомъ отецъ, и въ плѣну чуть-чуть не побывали. Но въ общемъ все шло гладко, и съ утра басилъ настоящимъ казацкимъ голосомъ юный вояка, а порой, на постоѣ, когда суровая боевая обстановка на время отодвигалась, чисто звенѣлъ, радуя сердце далекимъ воспоминаніемъ, заливистый дѣтскій смѣхъ... Были и заслуги за мальчикомъ, больше по части передачи донесеній и то по безопасной дорогѣ, ибо коллективное чувство сотни берегло своего коллективнаго сына отъ боя.

Но подъ Лодзью, когда въ дѣло съ обѣихъ сторонъ были двинуты значительныя силы, стало уже не до мальчишки. Онъ увязался-таки въ атаку и рядомъ съ отцомъ пошелъ въ бой. Въ самой гущѣ, ужасающей по стремительности, отчаянному возбужденію казачьей атаки, отца убили... И почти одновременно убили у сына лошадь. Онъ крѣпко ударился о землю, раза два перевернувшись въ воздухѣ, вывихнулъ въ локтѣ руку ремнемъ воткнувшейся въ землю пики, и долго лежалъ безъ сознанія. А за это время, сметая предъ собой все, атака унеслась далеко впередъ, и очнулся бѣдный мальчишка подъ вечеръ, среди усѣяннаго трупами поля.

Бой грохоталъ далеко. Стремительной дугой проносились въ темнѣющемъ небѣ снаряды. Узкій, тонкій рогъ мѣсяца вставалъ надъ дальними холмами, и было въ немъ то же, что въ душѣ стонущаго казачонка: одиночество, холодъ и темная печаль...

Кое-какъ всталъ мальчикъ и началъ отыскивать трупъ отца, убитаго у него на глазахъ. Ему казалось, что онъ помнитъ мѣсто, гдѣ палъ „батя“, но въ призрачномъ мѣсячномъ свѣтѣ всѣ мѣста были одинаковы, вездѣ были трупы. Мальчикъ переворачивалъ ихъ, заглядывалъ въ лицо, стоналъ отъ жгучей боли въ рукѣ и опять искалъ — и нашелъ наконецъ.

Богъ знаетъ, почему не счелъ онъ возможнымъ оставить родной трупъ на мѣстѣ... Почудилось ли ему слабое біеніе жизни въ немъ, или пережитое такъ налегло на неокрѣпшую душу, что поскорѣе захотѣлось уйти отъ этого страшнаго мѣста, а уйти одному представилось уже окончательно невозможнымъ. Я не могъ добиться своими жестокими, безпощадными вопросами психологическаго оператора, увидѣвшаго интересное явленіе,—отвѣта отъ мальчика. Такъ или иначе, но онъ подхватилъ трупъ отца ремнемъ подъ мышки, сдѣлалъ родъ лямки для плеча здоровой руки и поволокъ его волокомъ, ибо нести не могъ, со страшнаго мѣста.

Онъ не дотащилъ его до перевязочнаго пункта. Силы измѣнили, и уже гдѣ-то въ лощинѣ, изрѣзанной колеями проѣзжавшихъ тутъ орудій, сѣлъ изнеможенный сынъ надъ трупомъ отца, уже похолодѣвшимъ, уже костенѣющимъ, и въ первый разъ за всю кампанію заплакалъ мальчикъ... Онъ плакалъ, одинокій, заброшенный и безсильный, а мѣсяцъ съ печальнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на скорчившуюся дѣтскую фигурку, а орудія грохотали гдѣ-то далеко, и слабымъ стономъ отвѣчали имъ раненые, и таинственными свѣтлячками двигались вдали фонарики явившихся санитаровъ.

Читатель! Вы, невѣдомый мнѣ, таинственный человѣкъ, пробѣгающій глазами эти строки!.. Попробуйте представить себѣ этого мальчика-казака, эту ничтожную, незамѣтную каплю огромнаго моря, всколыхнутаго войною, попробуйте вообразить эту „мелочь“ войны! Это— мелочь, маленькій случай, прячущійся въ тѣни великихъ дѣлъ, но изъ-за этого крохотнаго событія, изъ-за крохотнаго человѣка встаетъ прекрасный и свѣтлый призракъ души огромнаго народа... И „мелочь“ при ближайшемъ знакомствѣ пріобрѣтаетъ самодовлѣющее значеніе.

V.

Еще одна, уже совсѣмъ микроскопическая мелочь. Главный врачъ одного изъ полевыхъ подвижныхъ госпиталей путемъ опыта убѣдился въ необходимости стерилизатора. Здѣсь, въ Польшѣ, достать его невозможно. Какъ ни трудно было отрывать рабочую силу отъ госпиталя, все-таки пришлось командировать въ Москву завѣдующаго аптекой. Человѣкъ поѣхалъ, посмотрѣлъ и, пользуясь близостью, заглянулъ къ себѣ домой въ г. Боровскъ. Такой городъ существуетъ. Гдѣ-то невдали отъ Москвы черненькая точечка указываетъ его на географической картѣ. Къ стыду моему, до даннаго случая я не подозрѣвалъ о томъ, что есть въ подлунномъ мірѣ

населенное мѣсто, именуемое городомъ съ такимъ названіемъ. А оно есть — и въ немъ живутъ люди, рождаются и умираютъ, бываютъ счастливы и горюютъ и чутко прислушиваются къ тому, что дѣлается на поляхъ войны.

Докторъ, командированный за стерилизаторомъ, у себя дома, за стаканомъ чая, въ бесѣдѣ съ обывателями, зашедшими послушать про войну, упомянулъ, между прочимъ, о цѣли своего пріѣзда. Любопытствующіе обыватели, пожелавшіе „своими собственными“ ушами послушать про войну, почесали бороды.

— Ишь ты!—Какъ ее, машину-то, ты говоришь?

— Стерилизаторъ... Воду очищать. Совершенно необходимо, а то Богъ знаетъ какая вода попадается, — отвѣтилъ докторъ.

— Такъ, такъ... Оно извѣстно дѣло — коли вода недобрая, куда ужъ тамъ... Такъ для раненыхъ, говоришь?

— Для раненыхъ...

— Гм... Сте-ри-ли-заторъ, стало-быть...

Домашнимъ способомъ сдѣланная машина провинціальной мысли тяжело скрипнула, качнулась, затрещала и, медленно раскачиваясь, пришла въ дѣйствіе. Гдѣ-то въ душныхъ, заставленныхъ пузатыми комодами купеческихъ спальныхъ, за длиннымъ прилавкомъ пустующаго магазина, въ ближайшемъ трактирѣ за парой чая, для которой услужливый половой, потряхивая салфеткой, приносилъ четвертый чайникъ кипятку, въ глубокихъ исконныхъ углахъ русской купеческой жизни громоздкая машина затронула какія-то колесики. Разъ двинувшись, мысль не могла остановиться, и, когда пріѣхавшему съ войны доктору пришло время уѣзжать, вынесла неожиданное рѣшеніе.

— Ты, погоди, Митрій Антипычъ, ты не торопись. Ты куда? За машиной сперва?

— За нею.

— Такъ. Дѣло. Только вотъ порѣшили мы, значитъ,

представители боровскаго купечества, какъ машина эта денегъ стоитъ, говоришь, двѣсти пятьдесятъ никакъ, такъ вотъ по случаю войны у насъ, боровскихъ купцовъ, усердіе есть, чтобы послужить раненому нашему солдатику, что стоитъ грудью за святое дѣло — принести въ даръ такому-то подвижному полевому госпиталю потребный для нуждъ его сте-ри-ли-за-торъ, стоимостью въ двѣсти пятьдесятъ рублей, при семъ прилагаемыхъ.

Маленькая черненькая точка географической карты невидимыми, но прочными нитями объединена съ огромной, занимающей одну пятую земного шара, страной. Въ моментъ огненнаго напряженія войны она не могла остаться безучастной, и маленькимъ фактомъ („по мѣрѣ силъ возможности“) покупки таинственной, но необходимой раненому солдату машины входитъ въ русло подъема великой страны.

Это—мелочь, крохотный случай, чуть замѣтной искрой мерцающій на фонѣ необъятнаго зарева, но пока есть такія искры, пока жизнь пишетъ свою картину такими мазками, можно быть спокойнымъ за исходъ великой войны.

Она трудна, она требуетъ большого напряженія, она несетъ много крови и слезъ, но она же несетъ и необъятную радость побѣды.

3 декабря 1914 г.

ВТОРАЯ ВОЛНА.

Называя данное письмо двумя словами, поставленными въ заголовкѣ, я имѣлъ въ виду опредѣленное движеніе нѣмцевъ на Варшаву. По счету—это повторное движеніе; откатившаяся первая волна отмѣчалась мною въ прошлыхъ письмахъ; начавшаяся на фронтѣ Плоцкъ — Ловичъ — Лодзь вторая попытка исполнить приказаніе Вильгельма къ 6-му (нашему) декабря взять Варшаву,—сократилась въ своемъ протяженіи до фронта Иловъ—Ловичъ.

По счету—это вторая волна. Но, если позволено прибѣгать къ сравненію этого упорнаго наступательнаго движенія съ накатывающимися волнами, то я, пожалуй, не впаду въ ошибку, назвавъ данныя операціи нѣмецкой арміи девятымъ валомъ.

Существуетъ ходячее мнѣніе, что девятый валъ опрокидываетъ корабли. Выдержавшіе его могутъ быть спокойными за свою дальнѣйшую судьбу. Ломая и мѣняя линію, девятый валъ нѣмецкаго нашествія докатился до Бзуры — и остановился. Когда я пишу это письмо, 6-е декабря стало уже вчерашнимъ днемъ. Варшава живетъ своей обычной жизнью . . . . . .

. . . . . .

Наступленіе нѣмцевъ началось на фронтѣ, развивалось далѣе на лѣвомъ флангѣ, упиравшемся возлѣ Илова въ Вислу; затѣмъ ломалось вогнутой линіей возлѣ дер. Бродне, и наконецъ выпиралось на дер. Осекъ и

прямо на Блендовъ, подходя уже къ Ловичу; словомъ, нѣмецкое наступленіе все время мѣняло свою конфигурацію . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Приказъ кайзера, конечно, очень большая вещь. Неиспользованныя, сидѣвшія до сихъ поръ въ качествѣ крѣпостныхъ гарнизоновъ войска,—шансъ тоже весьма значительный. Якобы побѣдоносное шествіе на протяженіи восемнадцати верстъ въ теченіе почти двухъ недѣль, шествіе по трупамъ солдатъ, которыхъ не успѣвали закапывать и сжигать въ походныхъ крематоріяхъ,—тоже фактъ не маловажный. Но при наступленіи слѣдуетъ помнить одно правило военной науки, азбучное правило, которое должно быть извѣстно любому фельдфебелю: „наступая, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы лишить непріятеля свободы дѣйствія; подорвать его нравственныя силы и способность къ сопротивленію". Все это учитывается, разумѣется, по результатамъ. Посмотримъ эти результаты.

Первое: „...стремиться къ тому, чтобы лишить непріятеля свободы дѣйствія". Рѣшить вопросъ, кто въ настоящій моментъ свободнѣе въ дѣйствіяхъ: русская ли армія, опирающаяся на укрѣпленныя, прекрасныя по своему естественному устройству позиціи на правомъ берегу Бзуры, или нѣмцы, уткнувшіеся въ уголъ, образуемый сліяніемъ Бзуры съ Вислой,—можетъ даже мимолетный взглядъ на карту. Принимая во вниманіе взорванный каменный мостъ въ Сохачевѣ, свободное, открывающееся съ праваго берега поле обстрѣла и полную невозможность переправы—нужно согласиться съ „паномъ портьежемъ" нашего отеля:

— Имъ нечего дѣлать.

Правда, исторія данной кампаніи имѣетъ уже одну такую переправу: около Друскеникъ, черезъ Нѣманъ, когда наведенные на мѣсто переправы пулеметы и ору-

дія дали возможность нѣмцамъ перебросить понтоны и пройти по нимъ до половины рѣки. А затѣмъ все вмѣстѣ пришло въ дѣйствіе—и лучше не вспоминать этого ужаса, постигшаго нѣмецкую армію, когда вода рѣки въ буквальномъ смыслѣ этого слова была красной отъ крови, а нѣмецкіе трупы образовали своего рода запруду, и уже черезъ мѣсяцъ послѣ этой „переправы“ все плыли разбухшія, медленно поворачиваемыя теченіемъ тѣла германскихъ солдатъ.

Второе: „подорвать нравственныя силы непріятеля“. Вопросъ, у кого эти самыя „нравственныя силы“ оказываются болѣе подорванными,—выясняется при томъ же, даже самомъ поверхностномъ обзорѣ положенія сталкивающихся надъ Бзурой силъ. Опираясь на серьезныя, заранѣе выбранныя и укрѣпленныя позиціи, нашъ правый флангъ данной операціи находится въ выжидательномъ положеніи. Онъ можетъ ждать сколько угодно времени. Обстоятельства мѣста и дѣйствія позволяютъ это въ неограниченной степени. Близость позиціи отъ тыловыхъ частей, оборудованіе доставки провіанта и эвакуація раненыхъ (считаю долгомъ здѣсь сказать, что этому вопросу — о раненыхъ — мною посвященъ отдѣльный очеркъ. Сейчасъ, параллельно съ общимъ обзоромъ, нѣтъ возможности даже приблизительно охарактеризировать это огромное, не учитываемое дѣло. Все, вплоть до „сиротской“, съ точки зрѣнія русскаго солдата, выросшаго въ морозахъ и сугробахъ, зимы,—все говоритъ не въ пользу „нравственнаго подрыва“.

Оглядываясь же на положеніе непріятеля, нельзя не видѣть минусовъ этого положенія. Тупикъ, образуемый сліяніемъ Бзуры и Вислы; отсутствіе опоры въ арьергардѣ; разоренная до степени безлюдной нищеты мѣстность кругомъ; сосредоточеніе всѣхъ силъ въ одномъ мѣстѣ—противъ Сохачева, единственной переправы черезъ довольно широкую и открытую рѣку (присоедините къ этому неудачу „стремительнаго натиска“ 6-го де-

кабря къ Варшавѣ), погода, которая намъ кажется осенью, а имъ глубокой и страшной зимой, наконецъ отсутствіе зимнихъ квартиръ (неудача Лодзи).

Пытаясь сопоставить всѣ перечисленныя обстоятельства, нетрудно сказать, на чьей чашкѣ вѣсовъ такая тяжелая гиря, какъ „нравственный подрывъ“... Жизнь иногда любитъ шутить; шутка войны всегда проникнута смертью и кровью; война сыграла скверную шутку съ нѣмцами: она перевернула понятія и, въ противность всѣмъ правиламъ тактики, надъ которой сидятъ офицеры въ академіяхъ, наступающаго лишила свободы дѣйствія, подорвала его нравственныя силы и сдѣлала сомнительной при всѣхъ данныхъ обстоятельствахъ способность къ сопротивленію.

Такъ шутитъ война—тяжелое, страшное дѣло, начатое одними съ грубымъ задоромъ хвастливаго юнкерства и принятое другими серьезно и благоговѣйно, какъ принимается огромнымъ, населяющимъ одну пятую земного шара народомъ, смерть, въ представленіи этого народа—синонимъ войны, ибо, какъ я писалъ уже въ одномъ изъ писемъ, „для того и война, чтобы людей убивали“ . . . . . .

. . . . . .

Девятый валъ, вскинувшій такъ высоко свой гребень, запрокинутый назадъ, обрушится на ту стихію, что̀ бросила его впередъ...

11 декабря.

О ГЕРОЙСТВѢ.

I.

Существуетъ мнѣніе, что война родитъ героевъ; я не знаю, кто первый высказалъ это мнѣніе, но предполагаю, что высказано оно во времена давно прошедшія; по крайней мѣрѣ, задолго до того, какъ техника войны вылилась въ тѣ формы, съ которыми теперь считаются сталкивающіяся стороны.

Эта „современная техника", повысивъ общій уровень дѣйствующей на войнѣ массы, въ значительной степени уравняла ея общій ростъ. Прежде для того, чтобы заслужить вѣнокъ героя, можно было ограничиться проявленіемъ выдающейся отваги; проявить личную инициативу, способную толкнуть отдѣльную часть на то или иное дѣйствіе; вообще сдѣлать нѣчто выдающееся изъ ряда обычныхъ дѣяній.

Теперь „техника войны" требуетъ всего этого отъ каждой единицы огромныхъ цифръ, участвующихъ въ столкновеніи.

Несмотря на то, а, можетъ-быть, именно вслѣдствіе того, что приведены въ движеніе массы, о которыхъ Александръ Македонскій, Ганнибалъ, Тамерланъ или Наполеонъ не могли даже мечтать, — значеніе каждой капли этой вздыбившейся стихіи непосредственно связано съ значеніемъ цѣлаго.

Убыль арміи можетъ измѣряться взводами и ротами, батальонами и полками, дивизіями и корпусами — во

всякомъ положеніи въ настоящихъ войнахъ сегодняшняго дня отъ каждаго обычнаго рядового требуется все то, что̀ являлось прежде непремѣннымъ условіемъ геройства: личная отвага, умѣнье оріентироваться во всякихъ обстоятельствахъ и проч.

Понятіе „пушечнаго мяса“ въ наши дни замѣнилось понятіемъ „живой силы“.

Только тогда можно быть спокойнымъ за успѣхъ той или иной операціи, когда эта „живая сила“ находится въ курсѣ дѣла; „пушечное мясо“ передвигалось пѣшкой на шахматной доскѣ, играя пассивную роль, направляемую штабомъ. Условія современной войны заставляютъ „живую силу“ примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ, требуютъ проявленія личности въ коллективѣ и по жестокому закону природы выталкиваютъ изъ своей среды все не умѣющее приспособиться, слабое, не надѣленное характерными признаками прежняго „героя“.

II.

Современная война съ ея техническимъ оборудованіемъ выдвинула новые пріемы. Эти окопы, въ которыхъ люди сидятъ недѣлями, подъ дождями, въ холодѣ, часто въ морозъ, выталкиваютъ слабое физически, кашляющее и простуживающееся, оставляя народъ, способный перенести какой-угодно морозъ и дождь. Естественный отборъ суровости современной войны оставляетъ для непосредственнаго дѣйствія крѣпкій, могучій народъ. Подтрунивая съ ничѣмъ неодолимымъ солдатскимъ юморомъ надъ своимъ положеніемъ, этотъ народъ устраивается въ окопѣ „своими средствіями“, живетъ изо дня въ день, пострѣливая, и даже проявляетъ, — по особой способности русскаго человѣка привыкать къ мѣсту, — нѣкоторую домовитость. Такъ пишущему эти строки, на-дняхъ, во время поѣздки въ Восточную Пруссію, пришлось слышать подъ Летценомъ характерную въ этомъ отношеніи фразу. Корена-

стый обстоятельный солдатъ, обросшій бородой за двухнедѣльное сидѣніе въ окопахъ, наивно и нѣсколько смущенно помаргивая голубыми глазами, разсказывалъ объ одномъ инцидентѣ, связанномъ съ этимъ сидѣньемъ. И, между прочимъ, вскользь, бросилъ такія слова:

— Конечно, каждому хочется въ окопѣ устроиться какъ уютнѣе...

Я пробылъ въ поѣздкѣ по Восточной Пруссіи пять сутокъ. За все время видѣлъ только одинъ разъ на полчаса солнце; остальное время дулъ пронзительно-холодный вѣтеръ, шелъ безнадежный холодный дождь, внезапно смѣнявшійся ледяной крупой, стегавшей по лицу до крови. Въ мѣстѣ, гдѣ я встрѣтилъ признававшаго право на уютъ за каждымъ человѣкомъ солдата, окопы сошлись на полтораста шаговъ, и сошлись бы еще ближе, если бы не проволочное загражденіе, раздѣлявшее ихъ.

Ежедневно съ этого мѣста выбываетъ убитыми и ранеными значительное количество (благодаря близости разстоянія). Всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ ведутся глубокой ночью. А рискъ этихъ сношеній таковъ, что посылать трехъ человѣкъ нельзя: всѣ трое могутъ не дойти куда нужно. Посылаютъ пять-шесть, въ расчетѣ, что два, много три вернутся. Непріятельская артиллерія пристрѣлялась и бьетъ [ночью по извѣстной дистанціи. Признававшій право на уютъ за каждымъ человѣкомъ, помаргивавшій по-дѣтски солдатъ начиналъ третью недѣлю своего сидѣнія. И въ такихъ условіяхъ, — видя передъ собой не только каждую минуту, а каждую секунду своего двухнедѣльнаго бытія грозящій костлявый палецъ смерти,—онъ „устраивался уютнѣе“.

По прежнимъ временамъ одно это двухнедѣльное сидѣніе было бы геройствомъ. Сейчасъ, это — обычное явленіе. И если бы назвать этимъ словомъ это явленіе, въ отвѣтъ получились бы удивленный взглядъ и пожиманіе плечами...

III.

Штыковой ударъ, играющій такую роль въ настоящей кампаніи, опирается главнымъ образомъ на стремительность.

Большой военный авторитетъ опредѣленно заявляетъ по этому поводу: „малѣйшая мѣшковатость или остановка губятъ людей“. „Для идущихъ въ штыки поворота нѣтъ“. Суровость войны, повышающая законы жизни до карикатуры, дѣлаетъ естественный отходъ послѣ каждаго штыкового удара. Сробѣлъ, приникъ за кочку, растерялся, просто задержался на секунду, придавленный звѣринымъ ревомъ, съ которымъ ощетинившаяся штыками волна ураганомъ несется впередъ,— погибъ, сразу же выбылъ изъ строя, ибо, если не успѣлъ перебѣжать осыпаемое пулеметами съ фланговъ пространство—смерть вѣрная.

А послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны въ частяхъ, непосредственно соприкасающихся съ непріятелемъ, нельзя найти ни одной роты, которая бы не ходила въ штыки... Попытка отыскать героя, прикидывая аршинъ личной отваги, дастъ, навѣрное, самый неожиданный результатъ: не героя не будетъ. Всѣ—герои. Гдѣ же тогда то „выдающееся изъ ряда обычныхъ явленій“, за что нужно возложить вѣнокъ на голову Антипа, а не Пахома, Петрова, а не Иванова?..

Кто герой и кто не герой, рѣшить въ настоящей войнѣ не такъ-то легко. И—кто знаетъ?—герой или просто исполняющій по мѣрѣ силъ и возможности свой долгъ какой-нибудь артиллерійскій офицеръ, сидящій съ телефонной трубкой въ рукахъ на наблюдательномъ пунктѣ и регулирующій стрѣльбу батареи? Тамъ, гдѣ-то впереди, люди щелкаютъ затворами винтовокъ, идутъ въ частичныя или общія атаки, падаютъ раненые и убитые, а онъ сидитъ себѣ на какомъ-нибудь стогу или деревѣ, ежится отъ пронизывающаго вѣтра и слѣдитъ за

дымками разрывающейся шрапнели или снаряда, поругивая дождь, что̀ заливаетъ стекла бинокля.

Да, сидитъ. А кругомъ не то, чтобы такъ ужъ спокойно было. Нащупать батарею врага, сбить его наблюдательный пунктъ, подбить, заставить замолчать, или—въ крайнемъ случаѣ, заставить перемѣнить позицію,—одна изъ первѣйшихъ и главнѣйшихъ задачъ артиллерійскаго боя или подготовки.

Всякая возвышающаяся точка въ раіонѣ боя обстрѣливается непрестанно. Кругомъ охрипшаго отъ постояннаго крика въ трубку, ежащагося отъ холода офицера трещатъ вѣтви, сбитыя шрапнельными пулями, или брызгами летитъ взбитая земля, трескъ разрывовъ оглушаетъ до звона въ ушахъ, смерть танцуетъ вокругъ одинокаго человѣка и съ каждымъ прыжкомъ пытается поймать напряженный отъ неимовѣрно сильныхъ стеколъ бинокля, усталый, безсонный взглядъ... И часто—о, конечно, по сравненію съ общимъ масштабомъ развертывающихся событій рѣдко, страшно рѣдко—какой-нибудь одинъ десятитысячный процентъ, но по цѣнности отдѣльнаго самодовлѣющаго существованія человѣческаго, какъ трагически часто бываетъ такъ, что вдругъ смолкаетъ телефонъ на батареѣ... Нѣтъ показаній дистанціи, нѣтъ знакомаго охрипшаго голоса. Это значитъ, что нѣтъ уже человѣка. Одного изъ тѣхъ незамѣтныхъ исполнителей своего долга, той капли, связанной кровавыми нитями съ общей стихіей, той единицы огромной цифры, которая никогда за героя и не почитала себя...

Когда событіе отойдетъ въ прошлое, естественная ткань его начинаетъ выступать впередъ. Сложная связность явленій, создавшихъ самое событіе, намѣчается выпуклѣе и пріобрѣтаетъ смыслъ, неуловимый во время самаго дѣйствія, и особымъ непередаваемымъ свѣтомъ озаряются отдѣльные эпизоды, казавшіеся прежде безсвязными и случайными.

IV.

Въ одномъ изъ непрерывныхъ боевъ подъ Сохачевомъ N—скій пѣхотный батальонъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ былъ подъ непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Батальонъ таялъ; бросить окопы, какъ потомъ оказалось по самой задачѣ боя, было нельзя. Батальонъ въ своей массѣ не думалъ—да даже и не зналъ просто о томъ, какую роль играетъ онъ въ общемъ оркестрѣ, ясно и опредѣленно чувствовалъ онъ, что бросать вообще что-либо, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на это соотвѣтствующее распоряженіе—нельзя. И думавшіе меньше всего о личномъ геройствѣ люди,—выражаясь офиціальнымъ языкомъ донесеній,—„выбывали изъ строя“. Ихъ били шрапнелью, били „чемоданами“, по типическому русскому слову,— только печкой не били. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока покорная невидимому и всевидящему центру линія боя не изогнулась такимъ образомъ, что вблизи оказалась наша батарея. Высокій, длинноногій офицеръ—изъ прапорщиковъ запаса—съ обвѣтреннымъ лицомъ, на которомъ отросшая (по недостатку времени, могущаго быть посвященнымъ туалету), курчавая бородка казалась почему-то чужой, какъ будто приклеенной, широко вышагивая цаплиными ногами, отправился выбирать наблюдательный пунктъ. Мѣсто для позиціи было опредѣлено раньше, а пунктъ надо было искать. Выборъ удачнаго пункта — вопросъ проявленія личной иниціативы. Человѣкъ ходитъ или, если это невозможно, ползетъ, оглядываетъ окрестности и рѣшаетъ, куда проводить телефонъ.

Въ данномъ случаѣ выборъ палъ на старый полуразвалившійся сарай, служившій прежде складомъ сѣна или соломы. Представляется совершенно непонятнымъ, какъ онъ уцѣлѣлъ среди всеобщаго разгрома, надвигавшагося на Сохачевъ въ видѣ снарядовъ, сметающихъ

каждое, болѣе или менѣе обращающее на себя вниманіе строеніе.

„Ну что жъ? Сарай, такъ сарай", — рѣшилъ офицеръ и, подползши къ сараю, вымазавшись въ грязи до того, что его и въ десяти шагахъ трудно было бы отличить отъ земли, полѣзъ на чердакъ. Чердака, въ сущности, не было, потому что не было потолка, а вмѣсто него наверху подъ крышей протягивались какія-то жердочки. Офицеръ влѣзъ на эти жердочки, раза два оборвался, но удержался и началъ устраиваться. Собравъ нѣсколько жердочекъ вмѣстѣ, чтобы устроиться крѣпче, расковырялъ соломенную крышу, образовавъ дырку въ полъ-аршина въ квадратѣ, и при этомъ исцарапалъ озябшія руки въ кровь и оборвалъ ногти. Затѣмъ тѣмъ же порядкомъ отправился въ батарею, и черезъ какой-нибудь часъ катушка телефона была раскатана и пунктъ готовъ.

— Ита-а-акъ, мы начи-на-а-а-емъ!.. — пробурчалъ себѣ подъ носъ офицеръ, выправляя свои длинныя ноги на зыбкихъ жердочкахъ и смутно припоминая далекій и теперь казавшійся какимъ-то дѣтскимъ сномъ отзвукъ любимой оперы. — По-моему, Василій Яковлевичъ, — говорилъ онъ уже по телефону батарейному командиру:— трубку ставимъ... и бить по тому вонъ лѣску, что налѣво — вонъ дорога огибаетъ его — не иначе какъ тамъ засѣлъ, подлецъ, только укрытъ хорошо!..

Черезъ двѣ минуты сухо и коротко звякнула въ воздухѣ первая очередь.

— А-гм! — крякнулъ офицеръ на пунктѣ. — Недурно пристрѣлялся народъ съ первой очереди, какъ разъ... Чуешь, Ялшыкъ?

Татаринъ канониръ, оставшійся на пунктѣ послѣ проводки телефона, сочувственно хмыкнулъ:

— Такъ тосно, васбродь, теперь знаютъ, какъ стрѣлять!..

— Прра-авильно! — привѣтствовалъ вторую очередь наблюдатель.—А ну-ка туда поглубже заглянуть, гдѣ у нихъ прикрытіе-то?

И дѣловымъ отчетливымъ голосомъ сказалъ новую цифру дистанціонной трубки.

Отвѣты стали чаще и лихорадочнѣе. Непріятель нащупывалъ батарею и не могъ найти ее. Двѣ или три очереди пустилъ по далеко вправо стоявшему сараю, не безъ основанія предполагая, что онъ тоже заинтересованъ въ разыгрывающемся поединкѣ. Снаряды съ воемъ взмыли гдѣ-то вверху, на секунду смолкли, и вмѣстѣ съ трескомъ разрыва шрапнель съ визгомъ осыпала соломенную крышу сарая.

— Гм, не глупъ... хоть нѣмецъ, а не глупъ, — характеризовалъ моментъ наблюдающій офицеръ, съ сомнѣніемъ поглядывая на соломенную крышу сарая. — А, какъ думаешь, Ялшыкъ, не сгоримъ мы здѣсь, а? Солома вѣдь...

И не слушая отвѣта, крикнулъ въ трубку:

— Бризантный... Первое! Дистанція та же.

— Осмѣлюсь доложить, васбродь, — негромко бубнилъ за спиной голосъ татарина: — какъ есть казенное добро... Въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ — убить можетъ сдѣлаться...

Офицеру некогда было слушать. Черно-желтый клубъ дыма въ опушкѣ лѣска показалъ ему мѣсто паденія бризантнаго. Онъ склонилъ голову набокъ, подождалъ секунды двѣ и, когда донесся грохотъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, сталъ считать:

— Разъ... два, три, четыре... пять... Позвольте, а шестой гдѣ же?

Не раньше, какъ черезъ минуту, ударилъ шестой выстрѣлъ. Офицеръ былъ большой скептикъ: онъ покачалъ головой и тономъ взрослаго, уличающаго ребенка во лжи, пробормоталъ:

— Охъ, не надуешь, милый, брось... подбили тебѣ одно орудіе!..

Время шло, обмѣнъ выстрѣлами продолжался. У офицера закоченѣли ноги, онѣмѣли руки, татаринъ Ялшыкъ

оказался уже раненымъ шрапнельной пулей въ плечо и, кряхтя, дѣлалъ самъ себѣ перевязку индивидуальнымъ пакетомъ, для чего долженъ былъ раздѣться тутъ же, на жердочкахъ. Огонь съ той стороны усиливался, переходя порою въ ураганный, — и чувствовалось, что батарея мечется въ поискахъ бьющихъ по ней орудій. Наконецъ она бросила поиски и сосредоточила весь огонь на сараѣ.

— Ну баня! — ворчалъ длинноногій офицеръ, щелкая зубами отъ стужи. — Этакую жарню далъ!..

Наконецъ удачно пущенный бризантный снарядъ разворотилъ уголъ сарая, зажегъ солому на крышѣ и переломалъ зыбкія жердочки.

Офицеръ, не успѣвшій натянуть рубашку татаринъ и телефонъ обрушились внизъ, засыпаемые сверху обломками жердочекъ.

— Ну, пора, братъ, втикать! — подымаясь съ земли и захватывая остатки оборваннаго телефона, заявилъ офицеръ. — Итти можешь, Ялшыкъ?

— Не можна итти, ползать надо, — отвѣтилъ тотъ. — Ходи, ходи, бачка — домъ горитъ! — тащилъ онъ за собою возившагося съ концомъ телефонной проволоки офицера, въ остротѣ момента забывая официальное обращеніе и замѣняя его роднымъ „бачкой“.—Ходи скоро — совсѣмъ горитъ!

Они отползли шаговъ на двадцать, какъ второй снарядъ оглушилъ ихъ до того, что оба приникли къ землѣ и зажмурились. А когда оглянулись, пылающія головешки были раскиданы далеко кругомъ, и одна, по недоразумѣнію удержавшаяся связь гудѣла подъ вѣтромъ желтымъ, страннымъ въ надвигавшихся сумеркахъ пламенемъ.

Шагахъ въ ста отъ сарая длинной линіей тянулись брошенные окопы. Офицеръ съ канониромъ залегли въ нихъ и ждали. Казалось, вся ярость непріятельской батареи обрушилась на это мѣсто. Нельзя было высу-

нуть носа изъ глубокаго „стоячаго“ окопа. Вой, звонъ и трескъ рвущихся снарядовъ бороздили воздухъ. И уже стало темнѣть, уже смутными стали дали синія, когда обстрѣлъ внезапно оборвался. Пождали засѣвшіе полчаса, еще пождали, тьма вплотную стала надъ землею — и выползли. А когда добрались до батареи, командиръ только руками развелъ:

— А мы ужъ рѣшили итти отыскивать трупы ваши... Какъ ахнуло въ сарай, солдаты только закрестились: упокой, говорятъ, Господи!..

Длинноногій наблюдатель обогрѣлся, пришелъ въ себя и, покручивая лѣзущій въ ротъ усъ, заявилъ:

— Уйти они ушли, это, пожалуй, несомнѣнно, а одно орудіе мы подбили... Я знаю!

Батарейный протестовалъ. Офицеръ увѣрялъ и наконецъ вызвался поискать орудіе.

— Вы съ ума сошли!.. Тамъ же, несомнѣнно, нѣмцы еще есть! Батарея снялась, а въ окопахъ обязательно сидятъ...

— Вотъ и узнаемъ... Не могли они этого орудія увезти,— стоялъ на своемъ наблюдатель:—а что въ окопахъ, такъ зачѣмъ имъ тамъ сидѣть? Ушла батарея, и они ушли...

Онъ настоялъ на своемъ. Взялъ лошадь, одного солдата и отправился.

Была черная ночь. Не зимняя, когда тусклый отсвѣтъ снѣга бѣлесымъ маревомъ кутаетъ землю, а такая, какъ у насъ бываетъ глубокой осенью.

Два человѣка верхомъ на лошадяхъ оправились, какъ слѣдуетъ, въ сѣдлахъ, разобрали поводья и нырнули въ густую, какъ черное масло, тьму.

V.

Половину дороги шли на лошадяхъ. Потомъ изъ осторожности спѣшились, пошли съ лѣвой стороны лошадей, чтобы каждый моментъ вскочить въ сѣдла. Кто его знаетъ въ непроницаемой тьмѣ, гдѣ лѣсокъ?

Сколько до него осталось итти, есть тамъ кто или нѣтъ? Придется вернуться назадъ, или останешься здѣсь, на грязной мокрой землѣ, раскинувъ руки и уставивъ въ черное молчащее небо невидящій взглядъ?

Стали подниматься чуть-чуть вверхъ. Несомнѣнно, лѣсъ. И разомъ, споткнувшись и оступившись, офицеръ полетѣлъ куда-то въ яму, крѣпко ударившись о противоположный край плечомъ. На днѣ стукнулся обо что-то мягкое, ощупалъ руками,—трупъ.

— Трупы не убраны... Сомнительно, чтобы ушли!

Освобожденная выпущенными во время паденія поводьями лошадь затопталась на мѣстѣ, чувствуя предъ собой глубокую канаву окопа.

И вдругъ рванулась въ сторону и поскакала куда-то назадъ, звучно отбивая подковами по вязкой землѣ. Кое-какъ перевели оставшуюся лошадь — оглядѣлись, вѣрнѣе ощупались, прислушались. Странные звуки слышатся жуткой ночью. Лошадь, чутко насторожив уши, похрапываетъ,—и она тоже слышитъ что-то, что̀ стелется надъ землей смутными, таинственными шорохами... То будто вздохъ почудится, то стонъ, а то отдаленный разговоръ послышится—и смолкнетъ вдругъ все, и тишина звонкая, напряженная стоитъ между искалѣченными снарядами черными деревьями.

Осторожно, тщательно ощупывая каждый предметъ, стали шарить. Наткнулись на колесо—и думали: орудіе; уже обрадовался офицеръ—оказалось, зарядный ящикъ, а орудія, какъ ни искали, нѣтъ. Хотѣли лошадь привязать пока къ колесу этого ящика—храпитъ, упирается, не идетъ близко. А съ ней искать неудобно, плюнулъ наблюдатель и рѣшилъ послать солдата на лошади за передкомъ, взять ящикъ хоть, если орудія не удалось.

А самъ остался ждать. И начались эти безконечные часы глубокой ночи, когда затерянный въ непроницаемомъ мракѣ человѣкъ стоялъ возлѣ зарядnаго ящика въ сосновомъ перелѣскѣ, гдѣ только-что былъ непріятель.

Сначала было ничего. Слышалось, какъ осторожно, опасаясь окоповъ и ямъ, пробирается солдатъ съ лошадью по лѣску. Вотъ выругался онъ, запнувшись за что-то, или на захрапѣвшую, нервничающую лошадь. Можетъ, на трупъ опять наткнулись?

„Трупы не успѣли убрать, когда же тутъ было подбитое орудіе вывозить?—соображалъ оставшійся.—А что подбито, то въ этомъ никто меня не разувѣритъ... Здѣсь гдѣ-нибудь, непремѣнно здѣсь, только гдѣ жъ искать въ этой темнотѣ?!“

Попробовалъ онъ обойти свой зарядный ящикъ кругомъ,—и лучше не пробовалъ бы! Только ступилъ шагъ въ сторону, какъ нога зацѣпилась на шагу опять за мягкое, крупное,—явно трупъ нѣмецкаго канонира.

— А будь же ты неладенъ, поганецъ,—вспомнилъ онъ нарѣчіе родной далекой Украйны: — щожъ тебя тутъ положило!..

Кончилъ длинноногій хохолъ-наблюдатель тѣмъ, что просидѣлъ битыхъ два часа, пока вдали послышался перебой копытъ шестерки лошадей, высланныхъ съ передкомъ.

VI.

— Геройство?! Герои?! — съ оттѣнкомъ какого-то раздраженія повторялъ офицеръ, при чемъ у него выходило не „г“, а латинское „h“—heroistvo, — вы говорите (хотя я ни одного слова не говорилъ) heroistvo?!. Н-не знаю,— сомнительно качнулъ онъ головой, широко разставляя длинныя цаплиныя ноги, обтянутыя узкими рейтузами:— н-не знаю, лично про себя не знаю, когда у меня было больше геройства: тамъ ли, въ сараѣ, когда солдата ранило, кругомъ шрапнель только щелкаетъ, сарай загорѣлся и телефонъ оборвали, или когда я, якъ горобець, на этомъ самомъ ящикѣ два съ лишнимъ часа сидѣлъ... По затратѣ нервной энергіи, напряженія, — даже, если хотите, смѣлости, отваги моей, вытребованной обстоя-

тельствами лично отъ меня въ данной обстановкѣ смѣлости и отваги, — эта ночь стоила неизмѣримо больше, чѣмъ все сидѣнье въ сараѣ съ телефонной трубкой въ рукахъ... А вѣдь какимъ аршиномъ и прикидывать еще это самое геройство-то?!. Геройство, геройство, а разсказать — такъ ничего особеннаго: въ обоихъ случаяхъ исполненіе своего прямого долга... Вотъ, если бы орудіе тогда нашелъ, ну...

— А не нашли?

Офицеръ вдругъ плюнулъ и рѣзко повернулся.

— На слѣдующее утро пѣхота въ пятидесяти шагахъ, въ болотѣ, подъ самымъ лѣскомъ, орудіе вытянула... Подбитое, все честь-честью...

НЕНУЖНЫЯ ЖЕРТВЫ.

I.

Варшава—вотъ исходная точка всѣхъ операцій нѣмецкихъ войскъ. Раіонъ ихъ—треугольникъ, одинъ изъ катетовъ котораго неровными уклонами протягивается отъ пункта противъ Сохачева (на лѣвомъ берегу Бзуры) на Скерневицы, другой—Скерневицы—Ловичъ, и гипотенуза соединяетъ Ловичъ—Сохачевъ.

Бзура—вотъ грань, которую нѣмцамъ нужно перейти во что бы то ни стало. Я уже писалъ въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ о той роли, которую играетъ, можетъ сыграть и, по послѣднимъ даннымъ, уже сыграла эта небольшая, по существу маловодная рѣчка въ исторіи вторичнаго наступленія германскихъ войскъ на Варшаву. Въ томъ постоянно мѣняющемся, не поддающемся никакому предварительному учету взаимоотношеніи двухъ силъ, которое дѣлаетъ погоду войны, трудно что-либо предсказать. Поэтому будетъ вполнѣ понятно чувство удовлетворенія, испытываемое человѣкомъ, нашедшимъ тѣ или иныя данныя въ настоящемъ, чтобы съ большей или меньшей вѣроятностью указать этапы будущаго.

Пишущій эти строки имѣлъ въ своемъ распоряженіи основаніе треугольника событій, которыя, по его мнѣнію, должны были послѣдовать на этихъ дняхъ, и два прилежащихъ угла. Съ большей или меньшей вѣроятностью онъ пытался установить, продолживъ стороны прилежащихъ угловъ, гдѣ упадетъ вершина треугольника.

Въ томъ прошломъ письмѣ, описывая поступательное движеніе германскихъ корпусовъ вплоть до позиціи противъ Сохачева на лѣвомъ берегу Бзуры, я говорилъ о томъ, что здѣсь можетъ разыграться драма, имѣвшая уже однажды мѣсто въ данной кампаніи, на Нѣманѣ у Друскеникъ. Стоитъ нѣмцамъ сдѣлать попытку перехода гдѣ-либо выше или ниже Сохачева по теченію рѣки, какъ ихъ постигнетъ участь тѣхъ соотечественниковъ, трупы которыхъ выплывали въ нижнемъ теченіи Нѣмана черезъ полтора мѣсяца послѣ знаменитой переправы.

II.

12-го декабря два нѣмецкихъ полка сдѣлали эту попытку.

Передъ этимъ (съ вечера) какъ артиллерійская, такъ и ружейная стрѣльба совершенно прекратились. Явленіе совпало съ католическимъ Рождествомъ. Возможно было предположить, что первое является результатомъ второго. Извѣстно, что въ германской арміи насчитывается около тридцати пяти процентовъ католиковъ. Сидѣвшіе въ укрѣпленіяхъ на правомъ берегу православные сначала такъ было и порѣшили:

— Оно извѣстно, тоже, чай, не безъ Бога живутъ... Конечно, тоже, какъ полагается, праздникъ свой имѣютъ. Что жъ, пущай себѣ, чего жъ имъ мѣшать — наше дѣло—съ уваженіемъ чтобы, потому кажнему своя вѣра дорога!..

Наканунѣ кружившійся надъ русскимъ расположеніемъ аэропланъ, вмѣсто обычныхъ бомбъ, разбрасывалъ пестрые бумажные листки. Въ нихъ говорилось о томъ, что, въ виду наступающаго сочельника, завтра стрѣльбы не будетъ. Православный, высиживавшійся въ окопѣ, въ значительной степени заваленномъ неожиданнымъ снѣгомъ, покряхтывалъ, поддерживая настывшую винтовку, и соглашался:

— Оно конешно... Кажнему свое дорого... Чай, мы не безъ понятія, и начальство тоже разбираетъ—что̀ къ чему. Намъ что̀? Не стрѣлять, такъ не стрѣлять, пущай твоя душа праздничку радуется!..

Такъ разсуждалъ православный, всѣмъ своимъ существомъ воспринимавшій права другого человѣка, противъ котораго онъ „орудуетъ винтовкой", на его праздникъ. Но другой православный, умудренный практикой этой войны, видѣвшій своими глазами, какъ нѣмцы палятъ въ Красный Крестъ, какъ, спрятавъ у себя за спиною цѣлый отрядъ стрѣлковъ, они поднимаютъ руки и коварно заявляютъ о своемъ желаніи сдаться въ плѣнъ, дабы приманить къ себѣ довѣрчивыхъ русскихъ солдатъ и въ самый послѣдній моментъ открыть по нимъ огонь изъ винтовокъ—этотъ другой православный, съ оберъ-офицерскими и штабъ-офицерскими погонами на плечахъ, озабоченно хмурился и простуженнымъ, охрипшимъ отъ командnаго крика, сырости и холода, голосомъ ворчалъ:

— Гм... конечно, само собой разумѣется—праздникъ... Сами говорятъ, можно сказать, демонстративно заявляютъ!.. А все-таки... Кто его знаетъ, народъ лукавый, примѣровъ тому не искать стать! Какъ бы чего не вышло,— на всякій случай... Эй, Воронковъ! Распорядись-ка, любезный, чтобы на флангахъ окопа пулеметы были въ порядкѣ, людямъ раздать патроны полнымъ комплектомъ, но...

Штабъ или оберъ-офицерскій указательный палецъ занималъ вертикальную позицію между штабъ или оберъ-офицерскимъ носомъ и носомъ фельдфебеля Воронкова и начиналъ предупреждающе качаться изъ стороны въ сторону:

— Н-н-но, смотри у меня!—хрипѣлъ осипшій голосъ.— Безъ приказанія—ни-од-но-го выстрѣла!!! Слышишь? Ты отвѣчаешь, понялъ?

Можетъ, и дѣйствительно—праздничнымъ дѣломъ, кто ихъ знаетъ...

— Извѣстно, вашевысокородь, чай, тоже не безъ Бога живутъ...—почтительно соглашался Воронковъ.

— Кто его знаетъ, я ему въ душу не глядѣлъ... Такъ понялъ, значитъ: ни-ни! Но чтобы все на чеку, соображаешь?

— Слушаюсь, вашевысокородь!..

Соотвѣтствующія распоряженія были отданы. Разлитое вино стояло въ стаканахъ. Скоро пришли и тѣ, кто долженъ былъ его выпить.

III.

Ночью нѣмецкіе понтонеры пригнали съ нижняго теченія плоты. Они выстраивались вдоль лѣваго берега одинъ за другимъ, протягиваясь на далекое пространство. Саперы, понтонеры и всякіе другіе спеціалисты всю ночь ползали по нимъ, что-то связывая, что-то укрѣпляя. Когда наступилъ синій зимній разсвѣтъ,—плоты стали медленно поворачиваться поперекъ рѣки.

— Ахъ, нехристи!—изумлялся засѣвшій на правомъ берегу православный, осматривая затворъ винтовки и вдавливая въ магазинъ новую обойму.—Вотъ нехристито... Сами же заявленіе кидали, а гляди, что̀ дѣлаютъ!.. Ладно же!

Плоты заняли соотвѣтствующее положеніе и... два полка двинулись встрѣчать Рождество. Имъ дали дойти до половины рѣки. Они шли, увѣренные въ своей безопасности, потому что вѣдь они сдѣлали заявленіе, чтобы не стрѣлять. Къ тому же эти дикари—русскіе, называющіе какія-то бумажонки международными договорами, эти сибирскіе медвѣди вѣдь совершенно не знаютъ великаго дѣла войны и не могутъ разгадать простой военной хитрости!..

Они шли, и когда дошли до половины, приготовленное вино опрокинулось на нихъ. Вершина треугольника, которую я имѣлъ въ виду, начала падать въ намѣченную въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ точку...

Первой ударила по вымѣренному разстоянію артиллерія. Потомъ подхватили, выстукивая торопливую безконечную дробь, пулеметы. Потомъ въ концертъ вступили винтовки стрѣльбой пачками. Потомъ на служащихъ мостами плотахъ все смѣшалось, и случилось то, что̀ въ такихъ случаяхъ называется паникой. Повторилась, въ меньшемъ, конечно, масштабѣ—исторія перехода Нѣмана. Германскіе солдаты падали толпами. Даже легко раненые попадали въ ледяную декабрьскую воду и тонули. Тяжело раненые, растоптанные ногами запнувшихся въ переходѣ, гибли въ той общей сумятицѣ, которую вызвалъ неожиданный обстрѣлъ. Нѣмцы бросились назадъ, но шрапнель осыпала тотъ берегъ, и пройти эту линію смерти представлялось невозможнымъ. Многіе кинулись впередъ, не въ атаку, о, нѣтъ, тутъ ужъ было не до атаки, когда убійственный, губящій огонь рвалъ людей сотнями, не въ атаку, а, бросивъ винтовки, съ поднятыми руками—въ плѣнъ.

IV.

Результаты этого дѣла почтенны съ точки зрѣнія войны. Болѣе трехъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ погибло совершенно. Одни изъ нихъ были пронизаны пулеметами и умерли тутъ же, другіе, раненые шрапнелью, попадали въ воду, и Бзура несетъ, медленно крутя, ихъ бездыханныя тѣла, третьи нашли свой конецъ подъ кованными сапогами своихъ же соратниковъ, кидавшихся изъ стороны въ сторону на узкомъ плоту, заваленномъ трупами и ранеными.

А третьи... Я имѣлъ возможность бесѣдовать съ двумя представителями этой третьей категоріи.

На одномъ изъ медицинскихъ пунктовъ большой общественной организаціи, дѣлающей различіе между ранеными русскими и нѣмцами только въ томъ, что первыми осматриваются и перевязываются до послѣдняго раненаго въ палецъ солдата свои, а потомъ уже „они“,

въ одномъ изъ пунктовъ я встрѣтилъ германскаго офицера. Онъ былъ раненъ въ бокъ и голову (онъ представлялъ нѣкоторое исключеніе изъ этой третьей группы: бросился впередъ съ обнаженнымъ палашомъ, думая личнымъ примѣромъ воодушевить своихъ подчиненныхъ).

Ружейныя пули пронизали его, но все же онъ нашелъ въ себѣ силы добѣжать до вражескаго берега, до послѣдней минуты сознанія надѣясь поднять на штурмъ солдатъ. Онъ упалъ и не зналъ результатовъ попытки, за которую такъ дорого поплатился. Персоналъ пункта, заваленный въ тотъ день ранеными, не имѣлъ даже времени разспрашивать, гдѣ и когда кто раненъ,—люди въ непрерывной работѣ проводили вторую ночь безъ сна. На мою долю выпала задача выяснить положеніе вещей раненому офицеру.

Онъ былъ молодъ, нѣсколько по-военному суровъ, и какая-то глубокая серьезная печаль чудилась мнѣ на днѣ его карихъ, чуть прижмуренныхъ глазъ. Эту печаль подмѣчалъ я часто у тяжело раненыхъ, безнадежно больныхъ людей, которые не хотятъ объ этомъ думать, но не могутъ обмануть темное предчувствіе близкаго конца. При моихъ словахъ офицеръ чуть-чуть больше сдвинулъ брови. Потомъ, очевидно, желая перевести разговоръ, спросилъ, какъ думаютъ русскіе, когда кончится война.

На такіе вопросы отвѣчать вообще трудно. Я пожалъ плечами и въ общихъ фразахъ отвѣтилъ, что, какъ русское общество, такъ и само правительство, учитывая свои силы, готовность къ войнѣ и проч., исходятъ изъ расчета на полтора-два года...

Офицеръ вдругъ сѣлъ на носилкахъ, служившихъ ему койкой, и, морщась отъ боли, вызванной неожиданнымъ движеніемъ, прямо глядя въ глаза, переспросилъ:

— Какъ? Полтора-два года? Вы шутите...

Я пожалъ плечами.

— Но вѣдь это совершенно невозможно! — продол-

жалъ онъ:—полтора года!.. Я имѣю самыя точныя свѣдѣнія, что едва мы только возьмемъ Варшаву, какъ миръ будетъ заключенъ!.. Полтора года—это ни одна страна не можетъ выдержать!..

Я привелъ ему нѣсколько цифръ. Сказалъ о томъ, что въ Россіи имѣются еще неиспользованные войной наборы, ополченіе, нѣсколькими словами охарактеризовалъ ему финансовое положеніе страны.

Онъ медленно, подавляя сжатыми зубами стонъ, отклонился на подушку, сложилъ руки на одѣялѣ и закрылъ глаза:

— Но Германія, Германія!.. Это совершенно невозможно: полтора года!..

Этотъ офицеръ на французскомъ фронтѣ былъ награжденъ Желѣзнымъ Крестомъ. Онъ ревниво берегъ его, держа въ рукахъ даже во время перевязки, и видно было, что это—самая цѣнная вещь, которую онъ сейчасъ имѣетъ. Война оторвала его отъ всего, что онъ считалъ цѣнностью до тѣхъ поръ, давъ ему взамѣнъ небольшой крестъ—символъ его отваги. Послѣ разговора со мною онъ повертѣлъ крестъ въ рукахъ и равнодушно отложилъ его въ сторону. Никакая отвага не имѣла смысла при подобномъ положеніи дѣлъ. Наканунѣ въ моихъ рукахъ былъ приказъ по „дѣйствующей въ русской Польшѣ германской арміи“, подписанный Вильгельмомъ. Заключительныя фразы его были о томъ, что „если вы, мои вѣрные солдаты, не возьмете теперь Варшавы, я буду вынужденъ заключить позорный для Германіи и для меня миръ...“

Жертвующій своей жизнью человѣкъ хотѣлъ вѣрно выполнить приказаніе. Случайно проѣзжавшій мимо другой человѣкъ разбилъ его иллюзіи о скоромъ мирѣ, о близкомъ концѣ войны.

Когда я выходилъ изъ той комнаты, гдѣ лежалъ раненый офицеръ, онъ прикрылъ глаза и сдѣлалъ видъ, что дремлетъ.

V.

Другой плѣнный былъ нѣсколько иного темперамента. Первое время онъ сидѣлъ, недовѣрчиво и подозрительно оглядываясь, вздрагивая при каждомъ появленіи новаго человѣка. Когда ему дѣлали перевязку довольно мучительной, но совершенно не угрожавшей жизни раны, онъ плакалъ, просилъ оставить его, говорилъ о томъ, что его не зачѣмъ мучить, ему все равно. Послѣ перевязки онъ сразу повеселѣлъ, закурилъ папиросу и сталъ лихорадочно-быстро разсказывать. Мы узнали, что онъ—приказчикъ изъ магазина въ Дрезденѣ, что ни онъ, никто изъ его родныхъ и знакомыхъ давно уже не хочетъ никакой войны, что самъ лично онъ ничего не имѣетъ противъ русскихъ, этихъ безумно богатыхъ, бросающихъ деньги людей, которыхъ онъ видѣлъ у себя въ Германіи. Въ заключеніе онъ спросилъ, правда ли, что его не будутъ вѣшать. И, узнавъ, что это правда, еще больше развеселился. Потомъ спросилъ, куда его повезутъ.

Я сказалъ, что сначала въ Варшаву, а потомъ во внутреннія губерніи. Онъ сдѣлалъ лукавое лицо и засмѣялся:

— Въ Варшаву? О, какіе русскіе хитрые! Въ Варшаву! Но вѣдь я уже и такъ въ Варшавѣ!..

Пришлось объяснить ему ошибку: отъ Сохачева, въ которомъ происходилъ этотъ разговоръ, до Варшавы верстъ 50.

— Но, позвольте,—намъ сказали, что какъ только мы перейдемъ рѣку, такъ сейчасъ и Варшава... Рѣку же мы пытались перейти!..

Пришлось и въ этомъ его разочаровать. Ту рѣку, о которой онъ думалъ, нѣмцамъ врядъ ли придется переходить. Онъ покачалъ головой, вздохнулъ и поникъ.

Общая тяжелая мысль о томъ, что конецъ еще не скоро, что къ тысячамъ жертвъ должны присоединиться

еще тысячи, объединила въ одномъ настроеніи этого веселаго, жизнерадостнаго приказчика съ суровымъ, принципіально жертвующимъ собой офицеромъ, дорожащимъ Желѣзнымъ Крестомъ.

И тамъ, за вздрагивающими огненными зарницами, орудійными выстрѣлами, линіей—страшной линіей смерти, раздѣляющей двѣ стихіи, эта мысль растетъ и ширится, и все труднѣе и труднѣе нѣмецкимъ штабамъ двигать впередъ скованную желѣзной дисциплиной массу...

17 декабря.

НОЧНАЯ АТАКА.

I.

Если бы кто-нибудь спросилъ человѣка, близко соприкасающагося съ дѣломъ войны, что̀ будетъ непосредственно завтра?—опытный и уже искусившійся въ войнѣ человѣкъ поведетъ слегка плечомъ и, приподнимая одну бровь, скажетъ:

— Завтра? Трудно, конечно, сказать опредѣленно... Есть извѣстныя данныя думать, что завтра мы съ линіею *a—b* продвинемся къ пункту *c*, а нѣмцы займутъ фронтъ *e—f*. Но, конечно, тутъ мно̀го обстоятельствъ, которыя могутъ измѣнить этотъ планъ въ зависимости отъ тѣхъ случайностей, что̀ принесетъ сегодняшняя ночь...

Сейчасъ, когда я пишу эти строки въ имѣніи князя В—аго Б—хъ, въ наполовину пустомъ кабинетѣ, оконныя стекла все время дребезжатъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ. Тяжелые, потрясающіе землю удары непрерывно бьютъ воздухъ, и такъ продолжалось всю ночь. Всю ночь сверкали зарницы работавшихъ батарей, всю ночь шелъ непрерывный артиллерійскій бой, а когда послѣ чая, часовъ въ десять, я вышелъ въ садъ, темный, прекрасный садъ стариннаго имѣнія, на дорожкахъ котораго тускло свѣтился полустаявшій снѣгъ, тамъ, за двѣ съ половиной версты, кромѣ глухого грохота артиллеріи, методично и обстоятельно трещалъ нѣмецкій пулеметъ, который тотчасъ отличишь по звуку отъ русскаго, и лихорадочно, какъ костеръ, разгорающійся жаркимъ

огнемъ, трещала пачечная ружейная стрѣльба. А черезъ нѣсколько минутъ до погруженнаго въ темноту, молчаливо задумавшагося о странныхъ временахъ стараго сада донесся раскатывающійся, постепенно нарастающій крикъ. Еще не разобравшись въ немъ, не понимая, что̀ это за крикъ, я почувствовалъ странное внезапное волненіе. Что̀ дѣлалось тамъ, за двѣ съ половиной версты? Что-то важное, неизбѣжное, значительное, и это передавалось сюда сложной напряженностью.

И вдругъ ясно, отчетливо и до жуткости близко донеслось одно протяжное, непрерывное слово, въ которомъ слился не крикъ, а дикій, не похожій на человѣческій, ревъ многихъ грудей: „ура!“...

— Ур-р-р-р-а-а-а!!!—ревѣло тамъ, раскатываясь въ сторонѣ и вспыхивая все громче и громче.—Ур-р-р-р-а-а-а!..—перекидывалось куда-то налѣво и впередъ въ то время, когда пулеметы заработали бойчѣе и пачечная стрѣльба слилась въ одинъ то повышающійся, то понижающійся трескъ.

Тамъ атаковали. Тамъ, подготовленное артиллеріей, дѣлалось самое важное и самое страшное дѣло войны.

Извѣстно, что около деревни Патоки три корпуса нѣмцевъ переправились черезъ Бзуру. Они шли подъ непрерывнымъ огнемъ и, по выраженію одного изъ участниковъ этого боя: „ровно по мосту, по своимъ шли, т.-е. наколотили ихъ тамъ—си-и-ила!!!“...

Эти три корпуса, уменьшившіеся наполовину, соединились съ частями, наступавшими отъ Скерневицъ. Линія расположенія нѣмцевъ такимъ образомъ нѣсколько измѣнилась. Теперь она начинается нѣсколько выше (по теченію Бзуры) Сохачева, идетъ до Гумина. 16-го ноября половина длинной деревни Гумина была занята нѣмцами и половина русскими. Совершенно случайно мнѣ пришлось быть въ тѣхъ мѣстахъ и напряженно слѣдить, находясь въ разстояніи не болѣе одной версты, за бѣшеными атаками нѣмцевъ, во что бы то ни стало жела-

вшихъ выбить русскихъ изъ важнаго для нихъ пункта. Теперь, когда я пишу это письмо, явившійся раненый разсказалъ мнѣ, что положеніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось . . . . . .

. . . . . .

Заваливая трупами свой путь, теряя изъ своихъ сомкнутыхъ, по обыкновенію, колоннъ до послѣдняго человѣка, нѣмцы, по выраженію одного солдата, „прутъ на рожонъ“. Днемъ все, кромѣ артиллеріи, успокаивается. Это не значитъ, что сидѣть въ окопѣ спокойно, нѣтъ, достаточно высунуть изъ-за валика голову, какъ пять-шесть пуль накажутъ неосторожнаго. Днемъ спятъ, кто можетъ спать, сидятъ, уткнувъ носы въ землю—самое плохое дѣло, ибо при вынужденномъ бездѣльѣ какія только мысли не полѣзутъ въ голову!—сидятъ, кто не хочетъ спать—и всѣ ждутъ. . . . . .

. . . . . .

Ждутъ ночи раненые потому, что можно будетъ вылѣзти и доползти до перевязочнаго пункта, всѣ, — что принесутъ поѣсть, и что придетъ приказъ о передвиженіи, атакѣ, или самимъ придется атаковать „его“. И едва наступаетъ ночь, какъ что-нибудь изъ ожидаемаго непремѣнно приходитъ.

II.

Не такъ давно, два-три дня тому назадъ (на войнѣ существуетъ ночь и день, но счета имъ нѣтъ; рѣдко кто изъ непосредственно дѣйствующихъ частей сможетъ отвѣтить на вопросъ — какое число и какой день недѣли сегодня?), выдалась особенная ночь. Въ части фронта Гуминъ—Воля Шидловская . . . . . .

. . . . . .

—сидѣвшія въ окопахъ наши части ожидали мѣстной атаки. Передъ тѣмъ, по обыкновенію, артиллерія громила цѣлый день, совершенно не считаясь съ безполезной тратой снарядовъ. Юмористическимъ эпизодомъ въ эту кано-

наду врѣзался обстрѣлъ въ теченіе пяти часовъ четырехъ кучъ свекловицы, прикрытыхъ на зиму, какъ всегда здѣсь, землею и представляющихъ собою нѣчто въ родѣ четырехъ редутовъ. Нѣмецкіе артиллеристы щупали нашу батарею часа два, наконецъ рѣшили, что эти-то кучи именно и прикрываютъ ее; и въ теченіе пяти часовъ очередь за очередью непрерывно они били по этимъ кучамъ—медотично и тупо, какъ все, что̀ дѣлаютъ въ этой войнѣ нѣмцы. По самому скромному подсчету они выпустили не менѣе трехсотъ снарядовъ, и отъ несчастныхъ кучъ земля и бураки взлетали фейерверкомъ. А русская батарея стояла чуть лѣвѣе, въ небольшой ложбинкѣ, и чувствовала себя весьма недурно, какъ я имѣлъ случай убѣдиться лично. Стрѣльба шла планомѣрная, спокойная, прислуга во̀-время ѣла, а батарейный командиръ угостилъ меня чаемъ, вскипяченнымъ денщикомъ въ котелкѣ возлѣ ручья. Правда, шальной осколокъ шрапнели иногда залеталъ и сюда, но это только служило плюсомъ даннаго положенія, чуть повышая нервы прислуги, покуривавшей привезенныя мной для солдатъ папиросы.

Когда совсѣмъ стемнѣло, въ русскихъ окопахъ возлѣ Г. увидѣли, много лѣвѣе, верстъ за пять-шесть, красивую, внезапно взвившуюся ракету, разсыпавшуюся яркими голубыми огоньками... И въ ту же секунду по всему непріятельскому фронту справа налѣво (считая отъ насъ) одна за другой стали взвиваться такія же ракеты; одна едва только достигала зенита и не успѣвала еще лопнуть, какъ съ особымъ характернымъ шуршаньемъ взвивалась другая, потомъ—третья, четвертая — и такъ безъ счету, ломаной, сообразно съ расположеніемъ окоповъ, огненной линіей длиною верстъ на пятнадцать.

Какъ брошенная ребенкомъ на полу и подожженная для забавы пороховая нитка, вспыхнула вся цѣпь нѣмецкаго наступленія. Въ ту же минуту артиллерійскій огонь принялъ размѣры такъ называемаго ураннаго огня,—т.-е. огня, когда, не справляясь съ очередями, орудія

торопливо, какъ будто задыхаясь, выхаркиваютъ снаряды, прислуга мечется отъ зарядныхъ ящиковъ къ нимъ, и отдѣльный грохотъ выстрѣловъ сливается въ потрясающій вой.

Это была несомнѣнная атака, атака по сигналу на всемъ фронтѣ. Отвѣтомъ на нее съ нашей стороны былъ непрерывный ружейный огонь. Пулеметы пока молчали, давая врагу придвинуться ближе. Черезъ нѣсколько минутъ въ окопы явились дозоры и подтвердили наступленіе нѣмцевъ. Ракеты и орудійный огонь не прекращались, а все больше разгорались. Казалось, что батареи кричатъ страшнымъ надрывнымъ крикомъ, и подъ этотъ крикъ гдѣ-то тамъ, въ пятистахъ шагахъ, двигается плотная лавина нѣмцевъ. Одинъ изъ батальонныхъ командировъ, на часть котораго былъ направленъ особенно сильный огонь, послалъ случайно оказавшагося тутъ человѣка назадъ, въ окопы второй линіи, гдѣ былъ телефонъ, соединяющій ее со штабомъ полка,—вызвать патронныя двуколки.

III.

Посторонній человѣкъ кинулся изъ окопа, подпрыгнулъ, легъ животомъ на жидкую грязь и, барахтаясь ногами, вылѣзъ изъ длинной кротовой норы, наполненной стрѣляющими солдатами.

Пригибаясь къ землѣ, спотыкаясь и раза два шлепнувшись въ жидкую грязь, посторонній человѣкъ помчался въ темноту поля, озарявшуюся рвавшимися сзади ракетами и вспышками непрерывныхъ выстрѣловъ. Поле было мокрое, грязное, ноги человѣка разъѣзжались въ стороны, а бѣжать надо было какъ можно скорѣе, потому что отъ этого зависѣло очень многое... Одинъ разъ человѣкъ налетѣлъ на что-то большое и мягкое и, запнувшись, грохнулся, простирая впередъ руки, лицомъ въ жидкую грязь. Въ тѣ нѣсколько секундъ, когда онъ подымался, ощупывая, не потерялъ ли онъ самаго глав-

наго,—пенснэ (увы! безъ пенснэ онъ ничего не видѣлъ),—онъ въ трепетномъ свѣтѣ вспышекъ ракетъ, нѣсколько напоминающемъ вспышки магнія при фотографированіи, разсмотрѣлъ, что споткнулся на трупъ солдата. Это былъ, очевидно, одинъ изъ тѣхъ смѣльчаковъ, что въ сумерки думали проникнуть въ окопъ, запоздавъ наканунѣ.

Человѣкъ побѣжалъ дальше,—и едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ страшнымъ вихремъ его подхватило, бросило на землю, перевернуло черезъ голову, и уже по инерціи онъ перевернулся раза два самъ, дальше отъ страшнаго мѣста... Но это было излишне, ибо „чемоданъ“, этотъ бризантный снарядъ, не столько причиняющій вредъ, сколько подавляющій психику, пролетѣлъ далеко въ сторонѣ, ударился въ жидкую грязь какой-то ямы и не разорвался. Грязь парализуетъ дѣйствіе „чемодана“—онъ безсиленъ выполнить свое назначеніе, ткнувшись въ мягкое ложе густой, мягкой грязи, въ которую онъ зарывается совершенно. Но воздушный вихрь, который производитъ онъ при своемъ полетѣ, силы необычайной. Отъ бѣжавшаго человѣка онъ пролетѣлъ не менѣе, какъ шагахъ въ полуторастахъ, но онъ свалилъ его съ ногъ, перевернулъ нѣсколько разъ и, что хуже всего, произвелъ небольшое сотрясеніе всего организма. Цѣлый день послѣ этого эпизода случайный человѣкъ мучился тошнотой, доходившей до рвоты; и еще тяжелѣе было ему отъ того, что пенснэ его все-таки погибло, несмотря на всѣ заботы о немъ.

Телефонъ оказался въ окопѣ и работалъ исправно. На слова прибѣжавшаго человѣка изъ штаба полка отвѣтили, что патронныя двуколки уже высланы.

— Что у васъ тамъ такое?—настойчиво спрашивалъ изъ трубки, какъ всегда въ телефонѣ, хриплый, простуженный басъ.—Что за иллюминація?!

— Атака... По всему расположенію!..

Прибѣжавшій человѣкъ отправился обратно. Впереди непрерывной линіей сверкали ракеты и слѣпили глаза. Ружейная трескотня щелкала короткими, не перестающими ударами. И вскорѣ къ нимъ присоединился пулеметъ, сухой, отчетливый, издали напоминающій стукъ швейной машины. Это машинное производство смерти имѣетъ въ себѣ что-то бездушное, механическое. Какъ бы ни была тороплива пальба изъ винтовокъ, всегда чувствуется нервничающая рука, направляющая ее. Это — живая стрѣльба, индивидуальность стрѣляющаго невольно чувствуется въ ней. Пулеметъ лишенъ души. Онъ обладаетъ способностью выбросить шестьсотъ пуль въ минуту и съ одинаковымъ равнодушіемъ сажаетъ ихъ въ каменную стѣну, какъ и въ человѣческое тѣло. Это — машина, и по самому быстрому, раздѣленному едва уловимыми, но всегда одинаковыми интервалами, темпу чувствуется бездушное равнодушіе машины.

IV.

Когда бѣгавшій къ телефону человѣкъ вернулся, пулеметъ работалъ во всю силу своихъ шестисотъ патроновъ. Артиллерійскій обстрѣлъ достигъ наивысшаго напряженія; задыхаясь, отбрасываясь за каждымъ выстрѣломъ назадъ, окруженныя суетливо бѣгающими людьми, пушки швыряли сюда огненныя искры разрывовъ и выли живымъ, звѣринымъ воемъ.

Батальонный командиръ послалъ въ условленное мѣсто къ двуколкамъ за патронами. Солдатъ вышло человѣкъ двѣнадцать—и вернулось семь. Пять человѣкъ осталось тамъ, въ черномъ полѣ, убитые или раненые. . . . .

. . . . . .

Трескотня усилилась, и дрожащая огненная лента русскихъ окоповъ разгорѣлась ярче, какъ костеръ, въ который подбросили новыхъ сучьевъ.

Такъ продолжалось полтора или два часа. Постепенно—сначала ракеты, потомъ артиллерія стали смолкать

у нѣмцевъ. И въ той же постепенности прогорѣвшій костеръ сталъ тухнуть въ русскихъ окопахъ. Солдаты одинъ за другимъ переставали стрѣлять, садились тутъ же въ окопѣ и, неподвижно уставивъ глаза въ одну точку, сидѣли. Рука, еще вздрагивая, сжимала винтовку или машинально щупала набитый обоймами карманъ, но реакція послѣ внезапнаго подъема уже наступала.

Это не усталость, не сонъ, потому что усталость этихъ двухъ-трехъ часовъ была каплей въ морѣ трехнедѣльнаго сидѣнія въ окопахъ; это реакція, когда не хочется ни о чемъ думать, ничего говорить, и только въ глубинѣ мозга растетъ и ширится спокойная, теплая мысль:

„Атака отбита!..“

Но это было не такъ. . . . . .

. . . . . .

Черезъ часъ послѣ того, какъ прекратилась перестрѣлка и непріятельскія орудія рѣдко, какъ будто исключительно по обязанности, мигали дальними зарницами, совсѣмъ передъ окопами выросла темная масса нѣмецкой колонны. Атака, оказывается, только начиналась. И разомъ, какъ будто подброшенные стальной пружиной, безъ команды, безъ единаго слова, солдаты выпрыгнули изъ окопа. Я затруднился бы опредѣлить психологію даннаго момента. Апатическая реакція, охватившая людей послѣ отраженной огнемъ атаки,—явленіе вполнѣ понятное. Человѣкъ нервничалъ въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ, ежесекундно рисковалъ быть разнесеннымъ въ клочки влетѣвшимъ въ окопъ снарядомъ и палилъ, палилъ, палилъ... Самая пальба эта въ значительной степени нервируетъ человѣка. Моментъ же, разомъ толкнувшій людей изъ узкой ямы окопа на вѣрную смерть, могъ быть охарактеризованъ приблизительно внезапно вспыхнувшимъ движеніемъ: . . . . . .

. . . . . .

— А-а-а, ты та-акъ?! Ну, ладно, я жъ тебя!.. Я тебѣ покажу!..

И показали. Нѣмцевъ гнали версты двѣ. Заняли ихъ окопы, оставили часть въ нихъ и прорвались дальше, дѣйствуя штыками, прикладами и только изрѣдка приникая на одно колѣно для выстрѣла.

А потомъ, когда утомленные и опять равнодушные ко всему на свѣтѣ, возвращались, какъ косцы съ работы, въ темнотѣ спотыкаясь объ убитыхъ ими, засѣли въ новомъ окопѣ, откуда только-что въ ураганномъ стремленіи выбили нѣмцевъ. Повытаскивали трупы наружу, перевязали другъ друга индивидуальными пакетами и сѣли до новой ночи, Богъ знаетъ, что̀ имъ несущей.

Къ чему привела эта ночная атака? Къ тому, что фронтъ, освѣтившійся красивыми голубыми ракетами на протяженіи верстъ пятнадцати, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отодвинулся назадъ.

Есть что-то въ „нѣмецкой войнѣ“ странное. Прекрасная подготовленность; удивительная до мелочей обдуманность; внѣ всякой критики стоящая хозяйственная организація, позволяющая здѣсь, въ чужой имъ странѣ, искрещенной самыми непроходимыми дорогами, какія только могутъ быть на здѣшней плодородной почвѣ въ декабрѣ, безснѣжномъ и безморозномъ, при этихъ условіяхъ настолько не стѣсняться въ снарядахъ, настолько быть увѣреннымъ въ своевременномъ подвозѣ ихъ, что считается возможнымъ бить четыре часа подъ рядъ по призрачной цѣли; все обдумано, все предусмотрѣно, все вымѣрено — а чего-то главнаго, самаго настоящаго, той самой изюминки вдохновенія, которой искалъ Толстовскій герой въ женщинѣ,—не хватаетъ. Не хватаетъ иногда умѣнья использовать положеніе, внезапной иниціативы, личнаго,—не массоваго „пранья на рожонъ“,—а личнаго беззавѣтнаго наступленія, иногда рѣшающаго исходъ.

Извѣстны случаи, когда при нашемъ отступленіи въ ту или иную сторону, нѣмцы прорывали тонкую, почти лишенную резервнаго прикрытія ленточку нашей обороны. И совершенно неизвѣстно ни одного случая, когда

они воспользовались бы результатомъ такого прорыва. Для нѣмецкаго солдата представляется задача: занять вонъ ту деревню, что̀ свѣтится битыми стеклами на горкѣ возлѣ шоссе. Нѣмецкій солдатъ занимаетъ ее и останавливается; онъ не получилъ дальнѣйшаго приказанія—что̀ дѣлать, когда приказанное будетъ выполнено. И онъ, независимо отъ весьма выгоднаго порой положенія, снимаетъ свой телячій ранецъ, ставитъ винтовку и говоритъ:

— Genug!

Есть что-то машинное, механическое, бездушное въ нѣмецкомъ воинѣ, какъ и въ „нѣмецкой войнѣ“. И эта бездушность, ставящая исходъ той или иной операціи въ зависимость отъ количества „пушечнаго мяса“, брошеннаго на поля Польши подъ разстрѣлъ русскихъ винтовокъ, орудій и пулеметовъ, это механическое производство смерти тѣхъ Августовъ и Фрицевъ, что̀ вспыхнули, зажженные словомъ своего кайзера, ставитъ германскую армію въ заколдованный кругъ; выходъ изъ него—миръ. Миръ возможенъ только въ Варшавѣ, иначе онъ позорный, безславный миръ. Варшава требуетъ пушечнаго мяса Фрицевъ и Августовъ, а Фрицы и Августы только винтики большой, сложной и невообразимо громоздкой машины войны. А война требуетъ вдохновенія, искусства, порыва, а не винтика...

Въ Б—хъ, въ наполовину опустошенномъ кабинетѣ князя В—аго, тамъ, гдѣ полгода тому назадъ текла величавая, спокойная жизнь польскаго помѣщичьяго дома, измученный болью въ ранѣ, худой подполковникъ, только-что перевязанный докторомъ, за стакаломъ чаю говорилъ мнѣ тихимъ, пониженнымъ голосомъ, какъ будто до сихъ поръ онъ чувствовалъ себя въ окопѣ, гдѣ нельзя говорить громко, а то услышитъ „онъ“:

— И удивительный народъ эти наши солдаты!.. Скажешь: атака! Вышибить его надо! Подымается, чиститъ

винтовку, лицо сонное, глаза еле смотрятъ. Лѣзетъ изъ окопа—такъ ей-же-ей медвѣдь въ берлогу ловчѣй влѣзаетъ. Вылѣзъ—приникъ. Говоришь: перебѣжать надо, ну, братцы, подымайся!.. Перебѣжали. Опять легли. Ну,—думаешь,—теперь ни за что не поднять будетъ... Потому—голову только подыми, смерть тутъ же тебѣ сразу! Думаешь—эхъ, зря велѣлъ лечь, не поднять теперь! А скомандуешь — тихо такъ скажешь, въ родѣ того, что, молъ, что̀ жъ дѣлать, надо подыматься—давай на „ура“!.. И вдругъ видишь—поплевалъ въ руки, перехватилъ винтовку и разомъ, словно его за шиворотъ кто встряхнулъ—вскочилъ и пошелъ орудовать... Вотъ и смотрите на него!..

За окномъ громко и рѣзко бухали орудія. Можно было прослѣдить полетъ шрапнели съ ея повышающимся, зловѣщимъ воемъ. Стекла вздрагивали и дребезжали отъ пальбы, и хрустальныя подвѣски люстры надъ круглымъ столомъ краснаго дерева мелодично звенѣли. Старая пожелтѣвшая гравюра смотрѣла изъ запыленнаго стекла узкой палисандровой рамки. . . . . .

. . . . . .

20 декабря.

ПЕРЕДЪ ПЕРЕЛОМОМЪ.

I.

Бываетъ такъ часто: лѣтнимъ полднемъ, когда зной виситъ надъ полями голубоватой струящейся дымкой и небо подернуто тонкой бѣловатой пеленой его, и дальнія пашни курятся прозрачнымъ дыханіемъ отдыхающей земли, — выйдешь на дорогу за деревней и идешь къ березовому перелѣску, гдѣ ползаютъ медлительныя золотыя пятна солнечныхъ лучей, и пахнетъ вялой разогрѣтой палой листвой.

Двѣ бѣлыя, сверкающія бабочки въ веселомъ танцѣ кружатся другъ возлѣ друга надъ растрескавшимся отъ солнечнаго жара бревномъ перилъ покосившагося моста.

Сильно вдвинутая въ землю лемехами, торчитъ на межѣ оставленная крестьяниномъ соха, и тутъ же валяется сбитый, дослуживающій послѣднее время хомутъ.

А тамъ, дальше,—на горизонтѣ, гдѣ дымка зноя особенно густа, и желтая, шатающаяся рожь рѣзкой огненной полосой дѣлитъ небо отъ земли, — тамъ сверкаютъ бѣлыя бабьи рубахи-станухи, мелькаютъ вскинутые надъ головой срѣзанные серпомъ колосья, и порою остро и неожиданно, до боли въ глазахъ, блеснетъ кривая молнія самого серпа. И оттуда, негромко и властно, далекимъ пчелинымъ жужжаніемъ стелется по широкимъ полямъ, по замершимъ въ зноѣ болотинкамъ, по чернымъ, поросшимъ колючими дѣдами межамъ напряженный и благостный гулъ большого, важнаго труда.

Если остановиться и прислушаться къ этому гулу, услышишь странное и новое, чего не замѣчалъ до сихъ поръ.

Напряженно и страстно катится въ необозримомъ, пылающимъ зноемъ просторѣ палящее солнце. Напряженно и чутко стоятъ въ перелѣскѣ неподвижныя березки, вытянувъ тонкія вѣтки, и жадно впитываютъ, глотаютъ, вбираютъ развернувшимися клейкими листьями благостные лучи солнца; напряженно и безостановочно мелькаютъ вдали сгибающіяся бабьи фигуры, и нѣтъ имъ отдыха, нѣтъ передышки, а день великъ, и спину ломитъ усталь, и зной виситъ на плечахъ пудовой тяжестью.

И вдругъ начинаешь понимать смыслъ того новаго, чего не замѣчалъ до сихъ поръ. Эта напряженность зноя, жадность неподвижно пьющихъ его деревьевъ, эта торопливость человѣческаго труда, — все говоритъ внятнымъ громкимъ языкомъ о томъ, что̀ не сегодня-завтра непремѣнно должно случиться.

Вотъ-вотъ въ стеклянномъ необозримомъ воздухѣ, въ небѣ, на которое нельзя смотрѣть не сощурившись, въ солнцѣ, въ старой, усталой вѣчнымъ рожденіемъ землѣ, во всемъ окружающемъ что-то хрустнетъ, надломится, какъ сухая вѣточка въ лѣсу подъ ногою,—и тогда сразу всѣмъ станетъ понятно, что лѣто кончилось, и пришла осень...

Она гдѣ-то идетъ уже сжатыми, щетинистыми нивами, вспыхнувшими внезапно золотой листвой перелѣсками, ранними утренними туманами, и каждый день, каждый часъ приближаетъ ея появленіе.

И сразу станетъ понятна напряженность жгучаго солнца, торопящагося сдѣлать то, что̀ еще не сдѣлано, и жадность березъ, вытянувшихъ вѣтви навстрѣчу его лучамъ, и безустальный человѣческій трудъ.

Идетъ осень, переломъ уже виситъ въ воздухѣ, уже длинная, извивающаяся серебряной змѣйкой паутина пролетѣла медленно надъ кустами ольхи, и не сегодня-

завтра свершится таинственный и чудесный, какъ все въ природѣ, переломъ.

II.

Нѣсколько дней я не выѣзжалъ въ тѣ мѣста, гдѣ война дѣлаетъ свое трудное и страшное дѣло. И то, что̀ увидѣлъ теперь, было рѣшительно то же самое, что̀ видѣлъ раньше. Польская зима — зима непрочная. Морозы, завернувшіе-было передъ праздниками, снѣжныя вьюги, превратившія всю страну въ одну прекрасную, исполненную высочайшаго проникновенія геніальнымъ художникомъ декорацію, разомъ сдали, и опять обсаженныя ветлами и вязами шоссе превратились въ рѣки жидкой, отвратительной грязи, окопы потонули въ водѣ, земля стала черной и непріютной, какъ свѣже-выкопанная могила. И только изрѣдка выглянетъ недолгое солнце, освѣтитъ своей лучезарной улыбкой всю грязь и нечистоту польской зимы, и опять тучи, холодный, пронизывающій вѣтеръ и крупный ледяной дождь, отъ котораго не спастись никакими шубами и пальто.

Все — то же самое: и тѣ же безконечные обозы по дорогамъ, и то же таинственное, исполненное мусульманскаго фатализма, существо на козлахъ фуры, на ѣздовыхъ лошадяхъ, и та же неизмѣнная французская булка или здоровеннѣйшая краюха хлѣба вмѣстѣ съ коротенькой, спеціально обозной нагайкой въ рукѣ его, и тотъ же обросшій нестриженными съ начала кампаніи усами и бородой методически жующій ротъ.

И тѣ же безконечно длинныя фаланги сѣрыхъ шинелей, съ равнодушнымъ стоицизмомъ разносящія сапогами удивительную грязь шоссе, разсыпавшіяся по канавамъ, по обочинѣ рядомъ съ шоссе, спокойно, безостановочно передвигающіяся къ таинственной, скрытой отъ простого смертнаго цѣли.

А на санитарно-питательныхъ пунктахъ тѣ же оживленные или уже успокоившіеся, говорливые или мол-

чаливые, всегда терпѣливые, всему покорные раненые — странные люди съ коричневыми лицами, совершенно черными отъ постояннаго соприкосновенія съ землей и смазкой винтовки ладонями рукъ, съ желтымъ мускулистымъ тѣломъ, обмотаннымъ дѣвственно-бѣлыми бинтами или бьющими въ глаза красными пятнами свѣжей человѣческой крови. И всегда, всегда съ наивными, напоминающими какого-то покорнаго и грустнаго звѣрька глазами, съ нѣкоторымъ страхомъ косящимися на разложенные въ сулемовыхъ ванночкахъ пинцеты, ланцеты, ножи и ножницы самой странной, прихотливой формы и самаго безукоризненнаго, щегольского блеска.

И странность эта та же, что̀ и раньше была: человѣкъ не робѣлъ передъ смертоносными разрывами нащупывавшей окопъ шрапнели, лежалъ подъ эту непрерывную музыку пятнадцать сутокъ, ходилъ въ ночную атаку, ревѣлъ дикимъ звѣремъ, круша винтовкой и штыкомъ и прикладомъ направо и налѣво, и смерть, живая человѣческая смерть приникала къ нему, и отмахивался онъ отъ нея только отчаянной смѣлостью, какимъ-то экстазомъ отваги, — а на пунктѣ, съ медвѣжьимъ крякхтѣніемъ забираясь на операціонный столъ, боязливо косится на ножи и ланцеты. . . . . .

Все — то же... Но во всей напряженности ухающихъ гдѣ-то за полторы-двѣ версты орудій, въ непрерывномъ движеніи разсыпавшихся вдоль шоссе сѣрыхъ фалангъ, позвякивающихъ сталкивающимися на ходу штыками, въ самомъ количествѣ неизвѣстно откуда повылѣзавшихъ обозовъ, безконечныхъ, заполнившихъ всѣ дороги, шоссе, проселки, въ ровномъ, рысистомъ махѣ артиллерійскихъ парковъ, заполняющихъ воздухъ желѣзнымъ грохотомъ, — во всемъ окружающемъ чувствуется ожиданіе чего-то.

Вотъ-вотъ, не сегодня-завтра, хрустнетъ и надломится что-то въ неожиданно засверкавшемъ подъ внезапнымъ солнцемъ воздухѣ, чуть слышно хрустнетъ, какъ сухая

вѣтка въ лѣсномъ мху подъ тяжелымъ сапогомъ, — и всѣмъ сразу станетъ понятно, что настало что-то новое, что прошлаго уже нѣтъ.

И это напряженное и ярко ощущаемое состояніе передъ какимъ-то переломомъ — было то новое и необычное, что̀ засталъ я здѣсь послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія.

III.

Я сдѣлалъ небольшую ошибку: выѣзжая изъ Варшавы, не заѣхалъ въ центральное управленіе той организаціи, на передовой пунктъ которой ѣхалъ для наведенія кое-какихъ справокъ.

Думалъ я заѣхать на другой пунктъ той же организаціи, но лукавый попуталъ меня: такая масса обозовъ скопилась въ этомъ брошенномъ жителями городкѣ, такое количество пунктовъ, чайныхъ отрядовъ и прочихъ учрежденій, связанныхъ съ хозяйственной стороной войны, набилось тутъ, что я испугался самымъ настоящимъ образомъ: для того, чтобы на автомобилѣ пробраться на пунктъ, надо миновать городскую площадь. А для того, чтобы миновать эту злосчастную площадь, надо ждать съ часъ по крайней мѣрѣ, пока обозы хоть немного раздвинутся, надо вставать въ автомобилѣ, вытянуться во весь ростъ и ругаться до хрипоты въ горлѣ, какъ обозный солдатъ. . . . . .

. . . . . .

Такъ я и проѣхалъ мимо, надѣясь поспѣть ко времени въ нужный мнѣ пунктъ.

Дорога послѣ стаявшаго снѣга стала еще хуже.

Въ какія ямы нырялъ автомобиль, какія канавы перепрыгивала никогда ничего подобнаго не ожидавшая въ своей жизни машина!

Когда приходилось обгонять обозъ или растянувшуюся версты на двѣ воинскую часть, автомобиль шелъ правыми колесами по шоссе, а лѣвыми утопалъ въ грязи мягкаго тракта, окаймляющаго шоссе съ обѣихъ сто-

ронъ сажени на полторы. Что это была за ѣзда! Человѣкъ болтается въ жестяной коробкѣ машины, какъ дробинка въ дѣтской погремушкѣ, и пятнадцать-двадцать верстъ такого путешествія производятъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какъ неистовая драка по крайней мѣрѣ съ шестеркой здоровыхъ матросовъ.

Но, какъ бы ни было, нужное разстояніе я прошелъ, и шоферъ, морщившійся, какъ отъ зубной боли, при каждомъ ухабѣ, въ который, кряхтя и поскрипывая, на манеръ деревянной телѣги, вваливался автомобиль, завернулъ въ полуразрушенныя ворота господскаго двора, гдѣ былъ расположенъ пунктъ.

Страшное запустѣніе встрѣтило насъ на этомъ дворѣ. Обычно онъ жилъ шумной суетливой жизнью, — по дорожкѣ, окружавшей традиціонный въ имѣніяхъ „кружокъ“ передъ домомъ, бѣгали солдаты и санитары, скрипѣли подводы, привезшія или увозившія раненыхъ, пыхтѣли одинъ, два, а иногда и три автомобиля, поддерживавшіе связь между пунктами, развозившіе уполномоченныхъ, перебрасывавшихъ ящики съ перевязочнымъ матеріаломъ, продуктами и проч. И всегда гдѣ-нибудь вдали — по дорогѣ изъ перевязочной въ помѣщеніе персонала — мелькала бѣлая косынка осторожно пробирающейся по грязи сестры.

Теперь ничего этого не было. Пустъ оказался просторный господскій домъ, цѣлый лабиринтъ странныхъ комнатъ, гдѣ старинная дѣдовская мебель перепуталась съ грубыми сломанными носилками. Въ гостиной, гдѣ обычно лежали вповалку на чистой, особо отобранной соломѣ легко раненые, ожидающіе эвакуаціи, и гдѣ въ воздухѣ висѣлъ синеватый дымокъ пахучей махорки, теперь валялась сбитая перемятая солома, неубранные бинты и т. д.

И по всему дому, по парку, по опустѣлымъ хозяйственнымъ постройкамъ, какъ послѣдняя осенняя муха, бродилъ старый господскій слуга съ старо-польскими

полусѣдыми усами, давно небритымъ подбородкомъ и такимъ типичнымъ морщинистымъ лицомъ, какъ будто онъ только что вылѣзъ изъ „Пана Тадеуша“ Мицкевича.

Пунктъ ушелъ. Онъ передвинулся дальше, по мѣрѣ того, какъ передвинулась линія непрестанныхъ упорныхъ боевъ. Прежде здѣсь всю ночь стекла дребезжали отъ орудійнаго гула, и стеклянные подвѣски на люстрѣ въ кабинетѣ владѣльца мелодично звенѣли отъ сотрясенія.

Я помню ночь, проведенную въ этомъ имѣніи, когда меньше, чѣмъ за двѣ версты отсюда, торопливой дробью трещали выстрѣлы винтовокъ, и на фонѣ ихъ, какъ бездушно прямая жестокая линія, выдѣлялся рокочущій пулеметъ. А потомъ въ той сторонѣ винтовки защелкали еще чаще, еще лихорадочнѣе, и вдругъ вспыхнулъ многоголосый страшный ревъ сотенъ грудей, и можно было отчетливо разобрать потрясающее нервы даже далекаго слушателя „ура“!

Теперь все молчало вокругъ, и только дальнимъ, перекатывающимся эхомъ доносилась орудійная пальба.

И это было новое, свидѣтельствующее о томъ, что вотъ-вотъ, не сегодня-завтра, что-то хрустнетъ и сломится — и наступитъ переломъ.

Я вышелъ изъ дома, обошелъ черный дворъ, гдѣ былъ питательный пунктъ, и гдѣ днемъ пыхтѣли, выбрасывая струи вкусно пахнущаго пара, походныя кухни, а по ночамъ горѣли зловѣщимъ, мотающимся подъ вѣтромъ пламенемъ керосиновые факелы на длинныхъ шестахъ, и вышелъ изъ имѣнія.

Шоферъ имѣлъ свои таинственныя дѣла въ этомъ дворѣ, едва ли не связанныя съ дочкой выскочившаго изъ „Пана Тадеуша“ обладателя старо-польскихъ усовъ, и мнѣ пришлось его порядочно подождать.

Два шоссе скрестились передъ самыми воротами имѣнія. И въ одномъ изъ угловъ, образуемомъ этимъ

крестомъ, черезъ шоссе, налѣво отъ воротъ, тѣсной толпой стали простые кресты. Были они подъ хмурымъ небомъ, у высокихъ столѣтнихъ деревьевъ, охраняющихъ шоссе съ обѣихъ сторонъ, какъ кучка ребятъ, внезапно остановившихся въ растерянномъ недоумѣніи.

Было ихъ не много: шестнадцать бѣлыхъ, свѣжихъ крестовъ, и нашли себѣ подъ ними вѣчное успокоеніе умершіе на пунктѣ отъ ранъ.

Я прошелъ на это новое, затерявшееся въ необозримыхъ, польскихъ поляхъ русское кладбище. И опять увидѣлъ новое, но уже имѣющее связь больше съ прошлымъ, чѣмъ съ будущимъ.

Всѣ кресты и холмики желтаго песку были украшены вѣнками. Были вѣнки изъ зеленаго, вѣчно яркаго плюща, они любовно охватили развернутыя въ стороны лопасти крестовъ; были вѣчно серьезные, траурные, печальные однимъ увядающимъ запахомъ своимъ еловые, и были длинныя плети изъ плюща, крестообразно обвившія самые холмики.

Я уже зналъ исторію этого убранства. Когда пришелъ канунъ торжественнаго и такого необычайнаго по обстановкѣ въ этомъ году праздника, сестры захотѣли чѣмъ-нибудь отмѣтить его въ длинной смѣнѣ дней, полныхъ труда. Пошли въ паркъ и нарѣзали вѣтокъ и плюща и сплели скромные вѣнки и положили ихъ на могилы.

И это былъ праздникъ заброшенныхъ властной рукой войны нѣсколькихъ дѣвушекъ, скромныхъ дѣвушекъ, которыхъ въ сутолокѣ напряженной жизни почти не отличаютъ одну отъ другой, молчаливыхъ дѣвушекъ, несущихъ своими тонкими дѣвичьими руками большую и свѣтлую тяжесть помощи страдающему, милыхъ дѣвушекъ, нашедшихъ такую трогательную и скромную форму ознаменованія грустнаго праздника.

Ихъ имена неизвѣстны, какъ неизвѣстны имена тѣхъ чью память почтили онѣ своимъ свѣтлымъ дѣвичьимъ, чувствомъ. Но, если тамъ, въ темной глубинѣ россій-

ской деревни, кланяется въ полъ передъ черными образами какая-нибудь скорбная мать и жена и шепчетъ сухими губами наивныя и простыя молитвы за ушедшихъ, раненыхъ и убіенныхъ на просторныхъ поляхъ невѣдомой ей Польши, и роняетъ горячую соленую бабью слезу за сына или мужа—пусть будетъ въ этой слезѣ и отблескъ сердечной благодарности за то, что сдѣлали близкому человѣку невѣдомыя скромныя дѣвушки!..

IV.

Положеніе германскихъ войскъ на этомъ фронтѣ, играющемъ главную роль въ данный моментъ кампаніи, рисуется слѣдующимъ образомъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ частностямъ этого положенія, сдѣлаемъ попытку бросить общій взглядъ съ высоты сегодняшняго дня, вѣнчающаго почти мѣсячное „наступленіе“ германской арміи. Я не описался, взявъ въ кавычки слово „наступленіе“, эти кавычки подсказаны самымъ ходомъ вещей.

Мѣсяцъ слишкомъ началось вторичное движеніе на Варшаву.

Мнѣ уже приходилось говорить о Варшавѣ и ея значеніи для нѣмцевъ; Варшава—этапъ, съ котораго можно начинать говорить о мирѣ. Варшава—слабая, но все же компенсація за парижскую неудачу; столица Царства Польскаго изъ ресторана, въ которомъ кайзеръ или его представитель хотѣлъ пообѣдать, превратилась въ конечную цѣль необдуманно-начатой войны.

Взятіе Варшавы—все, и для этого Гинденбургъ завалилъ нѣмецкими трупами польскую землю, для этого главный германскій штабъ сократилъ до минимума операціи на западномъ фронтѣ, для этого вся страна, какъ измученный гонщикъ-велосипедистъ передъ финишемъ, дѣлаетъ послѣдній бросокъ въ надеждѣ хоть на полколеса обойти противника.

Для этого непривычный, въ большинствѣ мастеровой

народъ, подвизающійся нынѣ въ качествѣ ландвера и ландштурма, мерзнетъ въ окопахъ, мѣситъ грязь, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, недѣлями сидитъ въ ледяной водѣ въ тѣхъ же окопахъ, и тысячами, десятками тысячъ выбываетъ изъ строя съ плевритами, пневмоніями, бронхитами и инфлуэнцами, переполняя прекрасно оборудованные для раненыхъ и совершенно неприспособленные для такихъ заболѣваній тыловые нѣмецкіе госпитали.

Сказанное не есть предположеніе, а установленный многочисленными показаніями плѣнныхъ фактъ. Въ то время, когда у насъ одна общественная организація, исполненная самымъ искреннимъ желаніемъ итти навстрѣчу всѣмъ нуждамъ арміи, послала по всему фронту своего уполномоченнаго — не встрѣчается ли надобности въ спеціальномъ госпиталѣ для простудныхъ больныхъ? — и этотъ уполномоченный, объѣхавъ все расположеніе, нашелъ два случая воспаленія легкихъ (одинъ, между прочимъ, у запаснаго, въ обычной жизни приказчика галантерейнаго магазина, стало-быть, человѣка „комнатнаго“), и пять или шесть случаевъ ревматизма *), и надобность въ госпиталѣ пала сама собой — въ это самое время у нѣмцевъ мы имѣемъ возможность наблюдать массовый уходъ изъ строя изъ-за простудныхъ, связанныхъ съ „открытымъ воздухомъ“, заболѣваній.

Армія таетъ. Таетъ трупами, ранеными, больными, и таетъ, какъ снѣжный комъ весною, — чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Мѣсяцъ съ лишнимъ эта армія, подкрѣпленная переброшенными съ французскаго фронта силами, освобо-

*) Маленькій курьезъ: въ одномъ передовомъ пунктѣ послѣ соотвѣтствующаго опроса выдвинулся прихрамывавшій на правую ногу солдатъ: „Что такое?“ — „Такъ что риматизъ, вашвысокородь!“ — „Что, въ окопѣ донимать сталъ?“ — „Никакъ нѣтъ, обозный — какъ меня лошадь копытомъ въ колѣно вдарила, такъ съ той поры и пошло!“ Своеобразный „риматизъ“!

жденными гарнизонами крѣпостей, мѣсяцъ съ лишнимъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, армія ведетъ наступленіе. И въ результатѣ — мѣсяцъ тому назадъ я отмѣчалъ линію расположенія германскихъ войскъ, и въ отчетѣ мелькали ставшія знакомымъ звукомъ слова: Болимовъ, Суха, Градовъ и проч., и проч.

Пытаясь дать такой же отчетъ теперь, я вынужденъ называть тѣ же кружочки, едва замѣтные на штабной трехверстѣ: Суха, Градовъ, Болимовъ...

Это, конечно, свидѣтельствуетъ о необычайномъ, безпримѣрномъ упорствѣ обѣихъ сторонъ. Но это же свидѣтельствуетъ и о полномъ крушеніи мечты германскаго штаба о Варшавѣ. А если мы припомнимъ приказъ по восточной арміи Вильгельма, торжественно напыщеннымъ слогомъ взывавшаго къ солдатамъ: „Солдаты, вы должны умереть, а взять Варшаву, иначе я вынужденъ буду заключить позорный для меня и Германіи миръ“... и т. д., и т. д. — если мы припомнимъ этотъ знаменитый приказъ, раздававшійся въ каждой дѣйствующей части, примѣрно въ періодъ ловичско-сохачевскихъ боевъ, — это побѣдоносное топтаніе на одномъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ уже характеръ особой, свойственной только войнѣ, пикантности. А пикантное положеніе, создаваемое такимъ страшнымъ дѣломъ, какъ война, всегда немного отзываетъ сладковатымъ приторнымъ запахомъ человѣческой крови.

Голый черепъ смерти подарилъ наступающую сторону шутливой улыбкой. И черныя впадины глазъ, пожелтѣвшіе въ тлѣніи зубы стали безмолвнымъ и жуткимъ призракомъ надъ арміей несчастной страны.

V.

Главныя дѣйствія за это время сосредоточились на линіи деревень: Суха, Боржимовъ, Могелы, Болимовъ. Все упорство теряющихъ подъ собой почву германскихъ войскъ сосредоточилось на этой линіи, и цѣною огром-

ныхъ потерь, неучитываемыхъ жертвъ иногда имъ удавалось достичь частичнаго успѣха. Но проходили сутки — опять наступала ночь, и штыковая атака русскихъ солдатъ снова отбрасывала ихъ, и, какъ старуха въ сказкѣ, снова сидѣли нежалѣвшія себя части передъ старымъ, разбитымъ корытомъ своихъ старыхъ позицій.

Съ Боржимовомъ, имѣньемъ изъ тѣхъ, что̀ въ военной средѣ именуются господскимъ дворомъ, это случалось нѣсколько разъ. Пунктъ важенъ былъ и для русскихъ и для нѣмцевъ. И послѣ кровопролитныхъ столкновеній, послѣ отчаянныхъ — я бы сказалъ — историческихъ атакъ „въ рукопашную“, фея войны положила конецъ тѣмъ, что распредѣлила силы по обѣ стороны господскаго двора: съ одной русскіе, съ другой — нѣмцы, а самый дворъ очутился въ смертоносномъ нейтралитетѣ, въ область котораго нельзя показать носу.

Здѣсь, около Боржимова, нѣмцы примѣнили стальные щиты — сапы, прикрывающіе роющихъ окопъ. Огромный бронированный щитъ выставляется надъ землею. За нимъ роютъ перпендикулярный расположенію вражескаго окопа окопъ, длиной сажени четыре-пять. Затѣмъ сапъ слегка отодвигается влѣво или вправо; это значитъ, что окопъ, приблизившій нѣмцевъ на четыре-пять саженей къ русскимъ, пошелъ въ стороны. Онъ расползается въ обѣ стороны до тѣхъ поръ, пока оказывается въ состояніи вмѣстить въ себѣ всю дѣйствующую въ этомъ пунктѣ часть. Такимъ пріемомъ нѣмцы сблизили окопы, насколько это было возможно. Въ результатѣ — достаточно поднять на штыкъ винтовки шапку или папаху надъ окопомъ, чтобы не больше какъ черезъ минуту она оказалась прострѣленной германскими пулями въ шестивосьми мѣстахъ.

Не менѣе упорные бои были и на линіи Г-въ—Л-въ—К—въ. Это, такъ сказать, вторая линія, выдерживавшая безумный напоръ приведенныхъ въ изступле-

ніе всѣми страшными условіями этой войны, тяжелой польской зимой, безрезультатностью попытокъ наступленія — нѣмецкихъ войскъ...

И одно это обстоятельство показываетъ, какимъ необычайнымъ, нечеловѣческимъ упорствомъ отличаются обѣ стороны. Для того, чтобы сломить его, остановить это отчаянное стремленіе хоть на полверсты, но впередъ, нужна вся сила, вся выносливость русскаго солдата, все безграничное его терпѣніе и чисто-философское равнодушіе къ собственнымъ, личнымъ интересамъ, къ страданію и смерти... Когда наталкиваюсь въ развертывающейся исторіи этой войны на подобные случаи, я чувствую полное безсиліе человѣческаго языка дать словами истинный обликъ этого удивительнаго, замѣтнаго только какъ трава—когда ея много—простого русскаго человѣка, орудующаго теперь противъ нѣмца съ винтовкой. И гдѣ-то, въ глухомъ и темномъ уголкѣ души, теплится радостная надежда: пройдетъ время, придетъ какой-то новый человѣкъ, отмѣченный лучомъ истиннаго таланта, и онъ найдетъ настоящія, великія и простыя слова, и онъ нарисуетъ намъ образъ величественный и прекрасный, и тогда всѣ мы, всѣ увидимъ и поймемъ, что таилось въ эти памятные дни подъ грубой солдатской шинелью, поймемъ, почувствуемъ и склонимся передъ могучей и благостной, всевыносящей и всепревозмогающей силой народной души!..

Выносить одну обстановку этихъ боевъ могутъ только исключительно сильные духомъ люди. Попробуйте вообразить вѣчный огонь, окружающій этихъ людей! Всю ночь грохочетъ артиллерія — мгновенныя бѣлыя зарницы зажигаютъ полнеба; всю ночь ломаной линіей сверкаютъ перебѣгающими огнями ружейныхъ выстрѣловъ подземныя норы окоповъ. И всю ночь взлетаютъ въ черное небо и вспыхиваютъ яркимъ голубовато-бѣлымъ огнемъ парашютныя свѣчи нѣмцевъ. Онѣ останавливаются въ зенитѣ и, слегка вздрагивая, какъ бы при-

сѣдая, медленно, странно-медленно, опускаются къ землѣ. И не успѣетъ одна опуститься, какъ на смѣну ей шуршащей ракетой возносятся двѣ, три, пять новыхъ. А свѣтъ ихъ такъ силенъ, что порою его не можетъ поглотить сильный прожекторъ.

Огненная смерть стоитъ кругомъ, смотритъ тысячью глазъ и жадно ищетъ жертвы. И простой человѣкъ въ сѣрой папахѣ и сѣрой шинели просто идетъ ей навстрѣчу.

Къ этому удивительному освѣщенію черныхъ ночей въ теченіе четырехъ сутокъ привступалъ огромнымъ, мечущимся подъ вѣтромъ, заревомъ пожаръ Сохачева. Особыя, зажигающія все, на что онѣ падаютъ, шрапнели зажгли этотъ маленькій, по существу никому ненужный городокъ.

Жители покинули Сохачевъ. Были такіе, которые бѣжали въ послѣднюю минуту, когда надъ подвалами, въ которыхъ они „отсиживались отъ нѣмца“, стали рушиться зданія. Не буду приводить эпизодовъ, полныхъ невыразимаго трагизма, происходившихъ при этомъ послѣднемъ исходѣ. Кровь и слезы, оросившія ихъ скорбной росою, — на совѣсти тѣхъ, кто началъ эту ужасную войну. Придетъ время—и длинный, охъ, какой длинный счетъ человѣческой крови и слезъ предъявится человѣку, занесшему надъ міромъ бронированный кулакъ.

Теперь я скажу только, что среди жителей, никогда не думавшихъ принимать активное участіе въ какой-либо войнѣ, есть убитые, есть раненые. Есть погибшіе въ огнѣ, есть потерявшіе своихъ дѣтей.

И есть случаи самоотверженнаго героизма, на который способна только мать. Такъ, жена мѣстнаго мирового судьи, твердо вѣрившая, что Сохачевъ нѣмецкимъ никогда не можетъ быть, и потому до послѣдней минуты остававшаяся въ городѣ, во время вспыхнувшаго пожара одна, безъ посторонней помощи, вытащила изъ горѣвшаго дома всѣхъ своихъ восьмерыхъ дѣтей. Она

спасла ихъ, — должно быть, теперь она счастлива однимъ этимъ спасеніемъ, но храни Богъ каждаго пережить то, что̀ пережила эта самоотверженная женщина...

Противъ Сохачева нѣмецкое расположеніе намѣчается такъ: Д—о, К., Р—въ. А въ Р., немного дальше отъ Бзуры, стоитъ тяжелая артиллерія и методически, обстоятельно громитъ бризантными снарядами жалкіе остатки города. Какъ нѣмцы пользуются артиллеріей, можно видѣть хотя бы изъ того, что возлѣ К—ва они примѣнили называемый техническимъ языкомъ ураганный огонь. Этотъ огонь безъ очередей батарей, безъ команды, когда прислуга бѣшено носится отъ зарядныхъ ящиковъ къ орудіямъ, и пушки торопливо, задыхаясь, безъ передышки, выхаркиваютъ количество снарядовъ, на которое онѣ только способны.

Въ теченіе дня, такимъ образомъ, было выпущено свыше трехъ тысячъ снарядовъ. Если день взять за десять часовъ (отъ разсвѣта до темноты), т.-е. шестьсотъ минутъ, выпущенныя за это время три тысячи снарядовъ дадутъ цифру въ пять выстрѣловъ въ минуту. Въ одну минуту пять снарядовъ,—это, дѣйствительно, ураганъ смерти.

Съ этимъ ураганнымъ обстрѣломъ связывается инцидентъ, долженствующій быть записаннымъ золотыми буквами въ исторіи русской женщины на этой войнѣ.

Когда огонь достигъ наивысшаго напряженія, когда кругомъ уже пылали зданія и персоналъ N-го передового отряда спѣшно сворачивалъ свое имущество, и въ заключеніе, совершенно справедливо не желая губить напрасно нужныя для иной великой цѣли жизни, вынужденъ былъ отсиживаться въ подвалѣ,—сестра Л. Л. М—а отказалась уйти со своего поста и подъ непрерывнымъ огнемъ, подъ грохотъ рвущихся снарядовъ, въ ежесекундной опасности быть разорванной на части однимъ изъ этихъ снарядовъ, продолжала свое святое дѣло милосердія: перевязала всѣхъ раненыхъ и эвакуировала ихъ.

VI.

Когда видишь воочію такіе случаи — заурядные, рядовые случаи, о которыхъ сами участницы говорятъ нехотя, какъ бы слегка конфузясь, все упорство защищенныхъ сапами армій, выбрасывающихъ бѣшеное количество снарядовъ, сжигающихъ города, придумывающихъ особыя шрапнели безъ дистанціоннаго винта, чтобы противникъ не могъ опредѣлить разстоянія по одному неразорвавшемуся случайно снаряду, — вся тяжелая, обрызганная кровью машина „наступленія“ возбуждаетъ улыбку грустнаго сожалѣнія.

Война — страшное дѣло, но она же — и искусство, вдохновеніе, порывъ. И рѣшать ее, какъ шахматную задачу, нельзя; нельзя уже потому, что здѣсь, вмѣсто деревянныхъ пѣшекъ, коней и туръ — живые люди, съ живыми, напряженными нервами, съ живымъ, ярко чувствующимъ сердцемъ. И одна какая-нибудь, невѣдомая до сей поры женщина, съ краснымъ крестомъ на груди, одной своей сердечной простотою сводитъ на-нѣтъ моральное вліяніе всей ураганной стрѣльбы.

... Было примѣнено все — отъ тысячъ человѣческихъ смертей до новаго плавящагося и зажигающаго все кругомъ препарата. Было проявлено много мужества, много отваги, много безудержной отчаянности. И все это привело къ тому же разбитому корыту прежнихъ позицій, съ которыхъ и началось движеніе бѣшеной волны.

И въ этомъ чувствуется близость большого, серьезнаго перелома.

Такъ часто бываетъ: выйдешь, положимъ, зимнимъ днемъ на дворъ — снѣгъ искрится подъ морознымъ солнцемъ, лиловыя тѣни лежатъ у ограды сада, и деревья за ней чутко вытянули свои голыя тонкія вѣтви и ждутъ чего-то... И голубое, блѣдное, зимнее небо ласково и нѣжно смотритъ на погребенную подъ пеленой

снѣга, землю, и морозъ пощипываетъ щеки—и все то же, что̀ вчера и третьяго-дня и недѣлю тому назадъ...

Но на сверкающей бѣлоснѣжными колеями дорогѣ оживленно и радостно щебечутъ и ссорятся веселые воробьи. Но съ крыши амбара раздумчиво, медленно падаетъ звонкая капля, и нѣжный звукъ долго стоитъ въ напряженномъ воздухѣ.

И чувствуется, что вотъ-вотъ, не сегодня-завтра хрустнетъ что-то и разобьется, какъ сорвавшаяся съ крыши сосулька, и свершится давно-ожидаемое чудо перелома. И будетъ уже не зима, а весна — прекрасная, радостная, свѣтлая, какъ само солнце.

Она уже идетъ гдѣ-то, она есть — гдѣ-то за тридевять земель уже сыплетъ цвѣтами, и вишневые сады стоятъ, обвѣянные нѣжнымъ облакомъ — и еще немного, чуть-чуть — день, два, — и осядетъ искрящійся снѣгъ, побѣгутъ буйные ручьи, и весело зашумятъ деревья въ саду подъ упругимъ, теплымъ, весеннимъ вѣтромъ...

1915. Январь.

ПОДЪ КРЕСТЪ.

I.

Я не помню сейчасъ цифръ, но самый фактъ врѣзался въ память своей величественной и вмѣстѣ таящей какую-то глубокую трагичность, красотой: когда разоренная, почти стертая съ лица земли Бельгія обратилась къ Франціи и Англіи съ просьбой о займѣ, кажется, двухъ или трехъ милліардовъ—обѣ страны тотчасъ же выдали ей пять или шесть съ такимъ, приблизительно, заявленіемъ:

— Не Бельгія должна считать себя въ долгу у ссудившихъ ее странъ, а обѣ эти страны считали, считаютъ и вѣчно будутъ считать себя въ неоплатномъ долгу у маленькой Бельгіи... То, что она сдѣлала своимъ противодѣйствіемъ, своей огромной жертвой, не можетъ оцѣниваться никакими милліардами. И долгъ всѣхъ странъ, объединенныхъ этой войною противъ Германіи, безконеченъ.

Двѣ страны пострадали отъ этой войны; двѣ страны оказались разоренными, смятыми, почти сметенными съ карты Европы. Въ свое время онѣ возстановятся, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—и возстановятся въ недалекомъ будущемъ, ибо въ великой исторической войнѣ мы стоимъ уже въ началѣ конца ея, но сейчасъ онѣ испепелены пожарами, разбиты чудовищными снарядами, онѣ ранены и истекаютъ кровью.

Раздѣленныя напрягающей послѣднія силы, злобной, стоящей на порогѣ отчаянія, враждебной страной, онѣ близки другъ другу тягостной судьбой своей.

Бельгія и Польша могутъ протянуть другъ другу израненныя руки. Ихъ безкорыстныя жертвы породнили ихъ. Онѣ—сестры.

Жизнь часто завидуетъ людямъ. Въ сложной концепціи своей она иногда пытается подражать человѣческому искусству и со всѣмъ богатствомъ имѣющагося у нея матеріала создаетъ картины, исполненныя величайшаго значенія и порою величайшей скорби. Какъ будто боясь быть непонятой въ своемъ неизмѣримо-широкомъ размахѣ, она выбираетъ отдѣльную человѣческую фигуру и, какъ вдохновенный скульпторъ изъ послушной глины, лѣпитъ изъ бытія этой одинокой фигуры символъ свершившагося. И съ изумленіемъ и чувствомъ жуткаго почтенія, какое всегда внушаетъ намъ чужое величественное страданіе, мы видимъ въ этомъ отдѣльномъ человѣческомъ существованіи всѣ элементы разрушительнаго творчества жизни, развернувшей на цѣлой странѣ всю силу своихъ художественныхъ возможностей.

Такимъ отдѣльнымъ человѣкомъ, служащимъ страннымъ символомъ судебъ своей страны, рисуется намъ бельгійскій король.

Потерявшій все, онъ твердо стоитъ подъ крушащими ударами судьбы, и плечи его не сгибаются подъ тяжестью ихъ.

Съ чувствомъ изумленнаго почтенія смотримъ мы на этого мало-извѣстнаго до сихъ поръ человѣка, вобравшаго въ свои краткіе человѣческіе дни все страданіе своей страны и личными жертвами объединившаго жертвы всего народа.

Недавно я имѣлъ случай видѣть человѣка, выбраннаго жестокою рукою жизни для того, чтобы на примѣрѣ единичнаго существованія показать воочію судьбу, постигшую его страну.

Когда я смотрѣлъ на спокойное, особенно безучастно спокойное, блѣдное лицо, на сѣдѣющіе виски черныхъ волосъ, когда ловилъ на себѣ таинственный взглядъ карихъ, глубоко запавшихъ въ орбиты глазъ, затаившихъ въ себѣ нѣчто, о чемъ мы, не пережившіе того, что̀ пережилъ онъ, не можемъ имѣть представленія, и слышалъ негромкій, слегка запинающійся голосъ,—мнѣ ярко, до боли, до страданія ярко представилась вся судьба разоренной войною Польши.

Въ постигшей этого человѣка участи отразилась участь его страны. Въ томъ, что̀ онъ пережилъ, глазъ невольно находитъ точное отраженіе пережитаго всей Польшей. Что̀ онъ сдѣлалъ, дѣлаетъ весь народъ, породнившійся кровью и дымомъ пожаровъ съ народомъ-сестры Бельгіи.

Этотъ человѣкъ — извѣстный польскій писатель Сигизмундъ Барткевичъ.

II.

Кажется, у каждаго человѣка въ извѣстномъ возрастѣ начинаютъ накопляться именуемыя „хламомъ“ вещи; этотъ „хламъ“ долгое время перевозится съ квартиры на квартиру, теряется, портится, ломается и приводитъ въ ужасъ своего владѣльца. Наконецъ послѣдній не выдерживаетъ, берется руками за голову и вопитъ источнымъ голосомъ, больше обращаясь къ самому себѣ, чѣмъ къ кому-либо:

— Нѣтъ, такъ нельзя! Всю жизнь собиралъ, хранилъ, берегъ, какъ зеницу ока, а *они*... Нѣтъ, невозможно, нужно заводить какую-нибудь свою хатенку!..

Они, это — ломовые извозчики, дворники, владѣльцы квартиръ, дачъ и прочій людъ, для которыхъ рѣдкостное собраніе гравюръ, книгъ или картинъ не имѣетъ никакой цѣнности и подлежитъ такой же ломкѣ и порчѣ, какъ всякія иныя вещи, которыя нужно сваливать и наваливать на дроги, таскать по лѣстницамъ и проч.

Съ этого момента мечта о собственной хатѣ, куда

можно было бы сносить любимый „хламъ“, овладѣваетъ человѣкомъ. Въ большинствѣ случаевъ эта мечта увѣнчивается успѣхомъ, и „хламъ“ находитъ свое вѣчное пристанище гдѣ-нибудь недалеко отъ города, въ уютномъ, выстроенномъ по своему вкусу домикѣ, около котораго появляется молодой, напоминающій голыми вѣточками дѣвочку въ коротенькомъ платьицѣ, садъ, усыпанный рѣчнымъ пескомъ дворъ, площадка для крокета или тенниса, если въ домѣ есть дѣти.

Начинается мирная, связанная съ какимъ-нибудь интеллигентнымъ трудомъ, жизнь — и течетъ она между гравюръ, старой, краснаго дерева мебели, шкаповъ съ любимыми книгами и потемнѣвшихъ картинъ широкой и вольной рѣкой, изрѣдка нарушаясь радостнымъ пріобрѣтеніемъ рѣдкостнаго изданія или удивительной по нѣжному сочетанію типовъ старинной англійской гравюры.

Такъ или приблизительно такъ жилъ въ своей „хатѣ“ недалеко отъ Варшавы польскій писатель С. Бартке-вичъ. Искусство—въ двухъ своихъ выявленіяхъ—живописи и литературѣ — наполняло спокойные деревенскіе дни. Отсюда выходили произведенія, которыми зачитывается польская публика, сюда свершали паломничество издатели, поднявшіе гонораръ писателя до неслыханной въ Польшѣ высоты.

Здѣсь мирно творилъ свое таинственное дѣло художникъ, отдыхая среди любимаго „хлама“ — книгъ, картинъ... И жизнь казалась ровной, прямой дорогой, незамѣтно день-за-день ведущей къ счастливой, завидной старости.

Но пришла война. Обычная, спокойная жизнь качнулась, дрогнула и поползла въ сторону, въ какую-то темную пропасть, гдѣ гремѣли орудія, трещали пулеметы, и въ красномъ дыму пожаровъ гибли насиженныя гнѣзда польскаго дворянства. Пришло страшное, полное всяческихъ неожиданностей время, когда, ложась спать,

человѣкъ не знаетъ, проспитъ ли онъ ночь подъ своей крышей.

Большинство бросило свои дома, стягиваясь къ центру—Варшавѣ.

Мысль очутиться во власти нѣмцевъ была сильнѣе горечи потери насиженнаго гнѣзда. Нѣкоторые все же оставались въ тайной надеждѣ, что всѣ разсказы о грубости и насиліяхъ нѣмцевъ суть преувеличенія, свойственныя такому жестокому и страшному дѣлу, какъ война. С. Барткевичъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Слишкомъ трудно было оставить сложенный чуть ли не собственными руками очагъ, выведенный по собственному плану садъ — все гнѣздо, любовно и внимательно свитое, явившееся результатомъ полной особеннаго, мучительнаго труда творчества, жизни.

— Позвольте, а „хламъ“? „Хламъ“, который собирался всею жизнью, всѣ эти шкапы съ книгами, страницы которыхъ хранятъ замѣтки былыхъ дней, разбуженное внезапно обобщеніе, мелькнувшую мысль, скользнувшую идею? Книги, въ которыхъ до сихъ поръ небрежно засунутая закладка отмѣчаетъ любимое мѣсто? А картины — передъ которыми въ неясномъ раздумьѣ стоялъ такъ часто писатель-художникъ, смутно ощущая въ собственной душѣ отзвукъ запечатлѣнной на холстѣ иного, быть-можетъ, давно угасшаго, творца?

Нѣтъ, бросить все это невозможно. Увезти тоже нельзя—для этого нѣтъ просто перевозочныхъ средствъ. И наконецъ увезти возможно было бы книги, картины, обстановку, но самый домъ—тоже своего рода „хламъ“, любимый, цѣнный по воплощенію давнишней мечты — домъ, выстроенный по собственнымъ чертежамъ и рисункамъ и украшенный на фронтонѣ скульптурой одного изъ выдающихся польскихъ ваятелей — пріятеля владѣльца?.. И домъ оставить нельзя.

Знаменитый польскій писатель обошелъ весь свой домъ, поласкалъ глазами скопленный многими годами

„хламъ“, и вынесъ приведшее въ ужасъ жену и тещу рѣшеніе: остаться и ждать событій.

Они не замедлили.

III.

Первыми показались разъѣзды. Они вели себя прилично, заходили только въ кухню попросить воды, спичекъ, и съ ними обошлось все благополучно. Потомъ пришли уже пѣхотныя части, уже съ офицерами, и стали рыть чуть ли не тутъ же въ саду окопы.

Стало понятнымь, что предполагается бой, и притомъ „хата“, наполненная „хламомъ“, между которымъ затерялись три человѣка—писатель, его жена и ея мать,—оказывается чуть не въ самомъ центрѣ его.

Писатель посмотрѣлъ на окопы въ собственномъ саду, пожалъ плечами и пошелъ въ домъ.

Въ домѣ уже были нѣмецкіе офицеры. Одинъ изъ нихъ стоялъ передъ прикрѣпленной къ стѣнѣ картой Польши. При входѣ хозяина онъ съ любезной улыбкой сталъ просить продать ему эту карту. Карта была подробная и понравилась ему. Писатель слегка нахмурилъ брови и отвѣтилъ, что продать онъ ничего не можетъ. Офицеръ усиленно просилъ, писатель стоялъ на своемъ. Тогда другой офицеръ, стоявшій въ другомъ углу комнаты, подошелъ къ нимъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Ему объяснили. Онъ усмѣхнулся, дернулъ плечомъ и бросилъ:

— О, это очень просто!

Затѣмъ снялъ карту со стѣны, сложилъ ее по сгибамъ и положилъ... себѣ въ карманъ. Потомъ повернулся и, звякая шпорами, пошелъ-было опять къ окну, но на дорогѣ пріостановился и черезъ плечо спросилъ хозяина:

— Кстати, кто вы такой? Вы хорошо говорите по-нѣмецки и между тѣмъ...

— Я—писатель. Работаю въ польской литературѣ.

— Польской литературѣ? Тс? А развѣ есть такая?!. — Офицеръ еще разъ дернулъ плечомъ и окончательно направился къ окну.

Окопы были готовы. Въ нихъ засѣли солдаты. Невдалекѣ расположилась артиллерія. Игра началась.

Эта игра продолжалась не особенно долго. Русская артиллерія быстро нащупала непріятеля, и шрапнели стали рваться въ саду. Пули щелкались въ стѣны писательской „хаты“, большіе снаряды рыли въ мягкой землѣ воронки и сбивали выращенныя путемъ неусыпнаго вниманія и труда деревья. Когда огонь сдѣлался особенно сильнымъ и стекла „хаты“ лопались и дребезжали отъ сотрясенія воздуха, писателю вмѣстѣ съ семьей пришлось переселиться въ погребъ.

Безразлично, сколько просидѣли тамъ несчастные, гонимые войною люди. Достаточно сказать, что это время навсегда запечатлѣлось въ ихъ памяти. Могутъ пройти годы, и можно будетъ возстановить разнесенную въ груду камней мечту половины жизни—„хату“; возможно будетъ и насадить новый садъ, разоренный окопами и снарядами — и, можетъ-быть, новыя деревья на окропленной кровью землѣ вырастутъ величественнѣе и прекраснѣе старыхъ. И „хламъ“,—любимый, годами собранный и въ нѣсколько часовъ уничтоженный „хламъ“,—возможно, сползется опять въ новые шкапы новой хаты, и дымка лѣтъ подернетъ минувшія событія, и станутъ они только этапомъ въ памяти людей, какъ столбъ на дорогѣ жизни, который помогаетъ въ опредѣленіяхъ времени. И уже какъ о давнемъ прошломъ станутъ говорить люди:

— Это было еще до войны, когда старый домъ былъ цѣлъ... А это послѣ войны уже строили новый домъ...

Все покроетъ собою легкій туманъ времени, и въ новомъ домѣ такъ же трудно будетъ вообразить старый, какъ здоровому человѣку возстановить ощущеніе бывшей давно физической боли.

Но это сидѣніе въ подвалѣ на мѣшкахъ съ картофелемъ, эти женскія мольбы о спасеніи и испуганные глаза, и цѣпляющіяся за рукава сюртука руки, и, главное, главное: этого чувства полной, абсолютной безпомощности, полнаго безсилія своего сдѣлать что-либо для близкаго человѣка, этого страшнаго, придавливающаго къ землѣ ощущенія, связаннаго съ грохотомъ рвущихся тутъ же за тонкой стѣною въ саду, снарядовъ,—этого забыть нельзя...

Кровоточащими страшными полосами исчертили эти ощущенія человѣческое сердце. Они положили печать особеннаго равнодушнаго спокойствія на подернутое желтизною лицо, они залегли глубокой тьмою въ карихъ глазахъ, такой глубокой, такой жуткой, что неловко заглядывать туда, какъ на дно полуразрушеннаго колодца, гдѣ таинственнымъ отблескомъ чернѣетъ странно-спокойная вода, скрывающая то, чего мы никогда не узнаемъ.

Все проходитъ въ нашей жизни. Прошло и это страшное время,—и подвалъ, и мѣшки съ картофелемъ, и мольбы женщинъ.

Линія расположенія нѣмецкихъ войскъ отодвинулась. Штабъ покинулъ писательскую „хату“, и ночью, подъ покровомъ мрака, какъ воръ, таясь и несмѣло зажигая робкій огонь, вошелъ владѣлецъ въ домъ свой.

Какое разрушеніе было кругомъ! Не нужное, не неизбѣжное, принесенное снарядами, а просто бездушное, легкомысленное,—слѣды пребыванія германскихъ офицеровъ. На него не хотѣлось смотрѣть, и писатель пытался не замѣчать его.

Шла ночь. И несла неожиданное. Въ ста или полутораста шагахъ у моста стояли нѣмецкіе пикеты. Въ полуверстѣ гремѣли орудія, освѣщая небо короткими, торопливыми зарницами. И, когда въ дверь стукнули,—можно было ожидать только нѣмцевъ,—напиться, за спичками.

Но пришли русскіе.

IV.

Пришло трое русскихъ солдатъ. Они запоздали и отстали отъ мѣнявшей расположеніе части, пустились догонять ее,—спутали направленіе, сбились и пришли просить ночлега. Имъ только обождать до утра, а утромъ они уйдутъ къ своимъ.

Писатель стоялъ передъ ними молча.

Милосердіе—вещь, обязательная для всѣхъ. Предполагается, что дать переночевать тремъ усталымъ, измученнымъ боемъ, заблудившимся солдатамъ даже не актъ милосердія. Отказать имъ въ ночлегѣ — величайшая жестокость, равняющаяся съ дикостью. Но позвольте напомнить одно обстоятельство.

Въ ста шагахъ стоятъ нѣмецкіе пикеты. Время отъ времени какой-нибудь изъ нѣмецкихъ солдатъ забѣгаетъ на кухню раскурить сигару, выпить стаканъ воды, просто погрѣться, посидѣть въ теплѣ. Законы войны — особые законы, неизвѣстные тѣмъ столичнымъ дамамъ, которыя въ порывѣ милосердія вяжутъ жилетъ бѣдному „солдатику“, или запаковываютъ тючокъ съ „подарками на позиціи“. Актъ милосердія сердобольной дамѣ ничего не стоитъ, кромѣ нѣкоторой денежной жертвы и личнаго труда въ теченіе двухъ-трехъ часовъ въ день.

Милосердіе, которое жизнь потребовала отъ польскаго писателя, могло обойтись очень дорого.

Желѣзная суровость войны, въ связи съ ожесточеніемъ нѣмцевъ на неудачную операцію, бездушнымъ языкомъ говорила: за пріютъ непріятельскихъ солдатъ, за невыдачу ихъ тотчасъ же имѣющимся тутъ же властямъ даннаго момента, виновный расплачивается жизнью.

Здѣсь, на озаряемыхъ пушечными выстрѣлами поляхъ войны, милосердіе требуетъ серьезной расплаты.

Писатель молчалъ, стоя въ передней со свѣчою въ рукѣ, а передъ нимъ топтались три сѣрыхъ, усталыхъ

фигуры съ тускло поблескивавшими штыками, примкнутыми къ винтовкамъ.

Вдругъ взглядъ писателя случайно упалъ на руку одного изъ солдатъ. Она была окровавлена и лишена четырехъ пальцевъ, и кровь медленными, тяжелыми каплями падала на полъ. Вмѣсто бинта рука была коекакъ завернута въ промокшую отъ крови грязную, очевидно, подобранную гдѣ-нибудь по дорогѣ, газету.

Писатель опустилъ глаза (онъ не могъ видѣть крови съ дѣтства) и тихо сказалъ:

— Войдите!..

Рискъ быть разстрѣляннымъ за пріютъ непріятельскихъ военныхъ висѣлъ надъ головой писателя. Каждую секунду нѣмецкій солдатъ могъ войти въ кухню и, увидѣвъ сѣрыя шинели русскихъ, поднять крикъ. Достаточно одного крика, чтобы расположенный у моста пикетъ услышалъ, тотчасъ же ворвался бы въ домъ, и Польша лишилась бы одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся представителей художественнаго слова. Безвременная смерть, какъ расплата за проявленное милосердіе, была неминуема.

Солдатъ накормили, напоили, женщины перевязали раненому руку.

Онѣ шептались между собой и наконецъ предложили писателю компромиссъ: спрятать солдатъ до утра въ подвалѣ. Правда, нужно итти черезъ дворъ, опасность есть, но все-таки...

Писатель молча выслушалъ ихъ, склонилъ по привычкѣ голову набокъ и отвѣтилъ:

— Что я дѣлаю—дѣлаю открыто. Если они сами не хотятъ прятаться, я не поведу ихъ никуда. Я сдѣлалъ то, что мнѣ показалось нужнымъ сдѣлать въ этотъ моментъ. Я не скрываю своихъ симпатій, и если это повлечетъ мою смерть—пусть будетъ.

Женщины умолкли и отошли. Писатель прошелъ въ кухню къ солдатамъ и объяснилъ имъ, что передъ

утромъ они должны уйти. Иначе они попадутъ въ плѣнъ, а онъ — подъ разстрѣлъ. Все это можетъ случиться и ночью, едва только появится любой потерявшій спичку и захотѣвшій покурить нѣмецкій солдатъ.

Это была особенная ночь. Надъ крышей писательской „хаты“ въ молчаливой борьбѣ стояли два начала—жизни и смерти. Достаточно было одного стука въ дверь, чтобъ смерть почувствовала себя побѣдительницей. И достаточно было стоявшимъ въ пикетѣ нѣмецкимъ солдатамъ задремать, или въ ожиданіи провѣрки офицера не рѣшиться уйти съ поста, чтобы жизнь торжествовала побѣду.

Странная ночь въ полуразоренномъ домѣ, гдѣ давняя мечта мирной, плодотворной жизни попрана и осквернена, и гдѣ въ тяжеломъ ночномъ мракѣ въ нѣмой борьбѣ столкнулись жизнь и смерть!..

Каждый шорохъ за окномъ, каждое движеніе возлѣ дома обостряли напряженность вниманія сидѣвшихъ во мракѣ людей. Милосердіе монету за монетой, часъ за часомъ отбирало свою плату..

Подъ утро раненый солдатъ обратился къ тещѣ писателя съ просьбой:

— Сверни-ка, барыня, послѣднюю цыгарку, выкурю да и пойдемъ... Свѣтать будетъ—еще къ нѣмцу въ лапы попадешь!..

И они ушли. Писатель ихъ довелъ до лѣса, въ которомъ они скрылись. Они пришли изъ мрака — и ушли въ него, и духъ смерти отошелъ отъ скромной „хаты“ писателя.

Потомъ, уже много времени спустя, ушли и нѣмцы. А еще черезъ нѣкоторое время ушелъ и писатель со своей семьей—туда, въ центръ, въ Варшаву...

Разоренный, испорченный, полуразрушенный домъ остался пустымъ.

На мѣстѣ уютнаго пріюта творческой мечты и радости вдохновенія осталось пустое неопрятное гнѣздо.

Писатель ушелъ, ничего не взявъ съ собой. Все уцѣлѣвшее случайно взять было нельзя, а выбирать...

Изъ человѣка, обезпеченнаго кровомъ, свойственной его труду обстановкой, онъ сталъ бездомнымъ, не имѣющимъ ничего.

Глядя въ послѣдній разъ на полуразрушенную крышу своей милой „хаты“, онъ могъ сказать:

— Птицы имѣютъ свои гнѣзда, и лисицы—норы; я не имѣю, гдѣ преклонить голову...

V.

Жизнь завидуетъ иногда сжатому, лишенному всего ненужнаго, собирающему смыслъ событія въ одинъ сверкающій фокусъ, искусству человѣка. Со всѣмъ богатствомъ имѣющагося въ ея распоряженіи матеріала она, вдругъ вдохновленная трагизмомъ разворачивающихся событій, схватываетъ бытіе одного человѣка и лѣпитъ, какъ безжалостный скульпторъ, изъ мелкихъ будничныхъ фактовъ, изъ великихъ, глубокихъ задуманій, изъ тайныхъ зововъ мечты величественный символъ. Въ жестокомъ вдохновеніи своемъ она крутитъ и ломаетъ отдѣльное человѣческое существованіе и, закончивъ свой трудъ, показываетъ намъ:

— Смотрите, вотъ вамъ символъ всего происходящаго здѣсь... Сжавъ все въ жизнь одного человѣка, я показываю вамъ, что̀ постигло его страну.

Вотъ у него былъ домъ и любимый трудъ, и дорогія сердцу книги, и радующія глазъ картины. Однимъ взмахомъ я уничтожила все это, вы видите? Онъ, чуждый солдатамъ, счелъ своимъ долгомъ пріютить ихъ; тогда я занесла надъ нимъ тяжкую руку смерти; вы видѣли, какъ поступилъ онъ? И, чуждый этой войнѣ, виновный только въ томъ, что домъ его стоялъ на кровавой дорогѣ ея, онъ принялъ всѣ страданія и принесъ всѣ жертвы, вы видите?..

Оглянитесь же на всю страну: вы видите разорен-

ныя села; видите обездоленныхъ людей, уходящихъ по дорогамъ съ жалкими узлами кое-какъ собраннаго скарба? Вы видите трепетное зарево пожаровъ, пожирающихъ города и деревни этой страны? И вы знаете, что подъ страхомъ неминуемой смерти бѣдные, разоренные, обнищавшіе люди этого края принимаютъ раненыхъ, утомленныхъ русскихъ солдатъ и дѣлятся съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба? Вы видите?!.

И, довольная произведеннымъ впечатлѣніемъ своего трагическаго творчества, она потупляетъ таинственные, неразгаданные никѣмъ живущимъ глаза свои и добавляетъ:

— И, можетъ-быть, не случайно я выбрала выразителемъ постигшаго страну, поставила трагическимъ символомъ ея пѣвца, слово котораго ловитъ польскій народъ; онъ отмѣченъ мною, какъ носитель божественнаго огня, и на его плечи я положила крестъ, который несетъ вся страна его...

1915 г.

ЧУЖАЯ БОЛЬ.

(РАНЕНЫЕ).

I.

Начиная это письмо, я испытываю нѣкоторое смущеніе. Вопросъ, о которомъ я хотѣлъ бы высказать нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ, такъ сказать, на мѣстѣ происшествія,—вопросъ сложный, большой и мучительный по заложенному въ основу его человѣческому страданію.

Охватить его въ одномъ, двухъ или трехъ письмахъ нѣтъ возможности. Онъ требуетъ исторіи, и пишущій эти строки долженъ отмѣтить, что шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы двумя близко-соприкасающимися съ даннымъ вопросомъ крупными организаціями. Послѣ войны мы будемъ имѣть возможность прослѣдить шагъ за шагомъ все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи. Сейчасъ, когда цѣпь событій развертывается все шире и больше, когда въ безчисленныхъ окопахъ сидятъ тысячи солдатъ, когда орудія не умолкая гремятъ,—мы можемъ только довольствоваться отдѣльными наблюденіями, бѣгло просматривать отдѣльныя, подчасъ вырванныя изъ середины, страницы великой книги.

Большое, сложное, трудное и благостное дѣло во всемъ его объемѣ для насъ пока недоступно. Мелкіе факты, отдѣльные случаи, имѣющіе отразить собою блескъ цѣлаго, быть-можетъ, дадутъ слабое представленіе о томъ, что дѣлается въ области этого вопроса вообще.

Глаза одного человѣка, его крошечный, микроскопическій въ суммѣ явленій опытъ, его возможности видѣть, слышать, наблюдать, просто единичныя силы его — слишкомъ малы, слишкомъ ничтожны передъ этимъ вопросомъ. Онъ встаетъ вездѣ, гдѣ ступила своей тяжелой стопой война. По мѣрѣ удаленія отъ боевой линіи, онъ ширится, развивается, захватываетъ собою большое количество людей, онъ растекается по огромной странѣ, и въ томъ отзвукѣ, который будитъ онъ въ городахъ и весяхъ этой страны — неучитываемое благо войны.

Лучшее, что̀ можетъ пробудиться въ человѣческомъ сердцѣ, встаетъ навстрѣчу вливающейся въ страну волнѣ, и въ этотъ острый, напряженный моментъ, когда на передовой линіи окоповъ умираютъ святые въ своей примиренной простотѣ люди, мы испытываемъ особую, святую радость милосердія и жертвы.

Этотъ вопросъ — о раненыхъ.

II.

Судьба столкнула меня съ организаціей, посвятившей этому вопросу и огромныя средства и еще бо̀льшую энергію. Въ той конечной цифрѣ, которую подпишетъ исторія подъ чертой, обозначающей конецъ войны, дѣло этой организаціи выразится, быть-можетъ, и не такимъ крупнымъ слагаемымъ. Сейчасъ, во всякомъ случаѣ, говорить объ этомъ нельзя, потому что дѣятельность только развертывается, маховое колесо только сейчасъ начинаетъ пріобрѣтать свой размахъ. Конечно, военно-санитарное вѣдомство, Красный Крестъ, располагающіе и бо̀льшими средствами и большей подготовкой, въ суммѣ дѣлаютъ неизмѣримо больше. Они готовы были къ дѣятельности задолго до войны; они были для этого созданы—и когда ударилъ часъ, они развернули всю свою мощь. Организація, съ которой столкнула меня счастливая судьба, взялась за дѣло раненыхъ, когда

орудія уже гремѣли и старинныя польскія усадьбы освѣщали заревомъ пожаровъ испуганное всемірной войной небо.

По старой связи со всѣмъ, такъ или иначе носящимъ отпечатокъ общественности и общественной самодѣятельности, я сдѣлалъ попытку присмотрѣться ближе къ дѣятельности организаціи. Она носитъ почтенное, знакомое Россіи по примѣрамъ прошлой войны, имя: Всероссійскій Земскій Союзъ.

Я оговорился ранѣе, что весь вопросъ о раненыхъ будетъ освѣщенъ только впослѣдствіи. Единичному наблюденію недоступны горизонты, охватываемые этимъ вопросомъ. Но въ малой каплѣ водъ играетъ и лучится то же самое солнце, отъ блеска котораго больно смотрѣть на море. Натолкнувшись въ своихъ скитаніяхъ по полямъ войны на дѣятельность Земскаго Союза, я увидѣлъ отраженіе великаго солнца всего народа въ непрерывной и самоотверженной работѣ общественной организаціи.

Я считаю своимъ долгомъ сказать, что все, подмѣченное мною здѣсь, на санитарно-питательномъ пунктѣ Земскаго Союза, относится ко всѣмъ пунктамъ, ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ принимаются раненые. Дѣло раненыхъ — дѣло значительной важности, и рука, прикасающаяся къ нему, становится мягче, сердце нѣжнѣе, слово ласковѣе. Чувство смутной виновности здороваго организма передъ больнымъ, чувство огромнаго сочувствія, желанія помочь, хоть чѣмъ-нибудь облегчить страданія — лучшія человѣческія чувства стираютъ разницу между пунктами, отрядами, госпиталями и проч.

Говоря о раненыхъ, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать въ связи съ дѣятельностью земства, я не впаду въ ошибку, утверждая, что такъ обстоитъ дѣло вездѣ, гдѣ появляется человѣкъ въ марлевомъ бинтѣ.

Такъ, или приблизительно такъ—въ сущности же это безразлично...

III.

Едва только темнота опустится съ низкаго зимняго неба и неровная линія горизонта исчезнетъ, въ первой линіи окоповъ начинается смутное движеніе. Ночь — время, когда изъ окопа можно болѣе или менѣе безопасно выползти наружу.

Днемъ шла перестрѣлка. Днемъ неумолчно ревутъ орудія, осыпая шрапнелью намѣченную линію окоповъ. Бываетъ случай,—ужасный случай!—когда шальной снарядъ ворвется въ окопъ и, сдавленный двумя стѣнами земли, рвется, какъ солдаты говорятъ, „вдоль по окопу", направо и налѣво. О томъ, что̀ оказывается послѣ этого, не будемъ говорить. Не время говорить объ этомъ теперь, придетъ часъ, взволнованное море войны войдетъ въ свои берега, и тогда скажемъ мы слово памяти погибшихъ, вспомнимъ ихъ безвременную смерть. Сейчасъ можно сказать только о томъ, что такія случайности безспорно рѣдки. На всемъ фронтѣ ихъ двѣ, три, никакъ не больше...

Днемъ раненые, прихвативъ зубами конецъ бинта индивидуальнаго пакета, кое-какъ обматываютъ пораженную руку или ногу, а сосѣди по окопу, товарищи, помогаютъ. Эта наивная, часто неумѣлая помощь сама по себѣ необычайно трогательна. Иногда въ окопѣ оказывается санитаръ, мужественно дѣлящій судьбу строевыхъ солдатъ и подвергающійся одинаковому съ ними риску. Онъ ползаетъ по узкому коридору окопа, перевязывая раненыхъ, присѣдаетъ отъ треска лопнувшаго невдали снаряда и подмигиваетъ перестрѣливающимся солдатамъ:

— Ладно, рвись сама по себѣ, мы свое дѣло дѣлаемъ!..

Я видѣлъ одного такого санитара на пунктѣ. Во время перевязки, которую накладывалъ онъ раненому, шрапнель осыпала окопъ и ранила его въ руку выше локтя. Ему пришлось дѣлать уже себѣ перевязку, и когда я

говорилъ съ нимъ ночью въ чайной земскаго пункта, онъ больше всего сокрушался, что полдня у него пропало даромъ.

— Хоть бы къ вечеру вдарила она меня,—жаловался онъ, покачивая ноющую руку:—а то сколь народу не перевязаннымъ осталось! Конечно, они и сами пробуютъ, ну, только что замотаетъ, замотаетъ, а чтобы по-настоящему повязку наложить,—этому онъ, конечно, не обученъ...

Онъ говорилъ о тѣхъ, что были ранены послѣ него, о неудачно наложенныхъ повязкахъ, о томъ, что онъ, если бы не эта шрапнель, могъ бы со всѣми управиться, всѣхъ перевязать, и совершенно не говорилъ о своей ранѣ, о томъ, что она болитъ нудной, тянущей болью. И эта черта мнѣ показалась особенно характерной, типичной для всѣхъ, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ ранеными.

Въ данномъ случаѣ я видѣлъ яркую иллюстрацію того, какъ чужая боль бываетъ больнѣе своей. И раньше, задолго раньше, во многихъ мѣстахъ мнѣ приходилось видѣть это... Мнѣ приходилось видѣть сестеръ, не спавшихъ по три ночи, двигавшихся, какъ призраки, съ остановившимися глазами и безсильно брошенными вдоль тѣла руками,—ровно до того момента, какъ въ перевязочной появлялись носилки.

Откуда брались у нихъ силы, изъ какого таинственнаго запаса черпалъ ихъ, казалось бы, слабый женскій организмъ, трудно сказать. Но едва появлялся раненый, усталость безсонницы спадала, какъ случайная одежда, и снова тонкая женская фигура склонялась къ окровавленному тѣлу, и голосъ звучалъ мягко и ласково, и привычные пальцы осторожно и увѣренно дѣлали свое трудное, отвѣтственное дѣло..

IV.

Чужая боль—больнѣе своей!

...Едва только наступитъ темнота—выползаютъ ра-

неные. Какъ они идутъ тѣ три-четыре версты, что̀ отдѣляютъ окопъ отъ пункта?

Нѣсколько разъ я выходилъ имъ навстрѣчу. Въ черной безпросвѣтной тьмѣ широкими зарницами вспыхиваютъ орудійные выстрѣлы. Перекатывающійся гулъ эха проносится по чернымъ полямъ, толкается въ стѣну лѣса и не успѣетъ замереть, какъ новая зарница—бѣлая, внезапная, мгновенная—шлетъ вдогонку новый ударъ.

На дорогѣ—грязь, мѣстами почти до колѣна, жидкая грязь плодородной земли, разъѣзженной безчисленными колесами и еще болѣе безчисленными сапогами. По этой грязи, да еще по глубокимъ канавамъ сбоку и можно безошибочно отличить въ темнотѣ дорогу. Кругомъ черно-мягкая, влажная тьма разлеглась на безграничномъ пространствѣ, и въ ней бредутъ одинокія фигуры раненыхъ. Идутъ молча, сжимая зубы отъ боли, опираясь на винтовку или локоть товарища, мѣсятъ не знающими устали ногами мягкую грязь поля и перекидываются только изрѣдка короткими, отрывистыми словами.

Стоя на краю дороги возлѣ старой, покрившейся ветлы, я слушаю хриплые, кажущіеся во мракѣ суровыми, голоса, и мнѣ кажется, что въ черномъ полѣ идутъ какіе-то усталые отъ боя богатыри, сумрачные и замкнутые, знающіе какую-то свою, богатырскую правду...

— ...и какъ это ее угадало?!—бубнитъ низкій, огрубѣвшій на холодѣ и дождяхъ голосъ.—Добро бы въ атакѣ, али, скажемъ, на перебѣжкѣ, ну, тутъ, двистви-тельно, ея царство, а то только въ сумку за хлѣбомъ полѣзъ—поѣсть, думаю, покуда что̀!—а она, какъ звякнетъ,—да аккуратъ въ это мѣсто... Охъ, поддержи-ка, Семенычъ, никакъ канава тутъ, алибо переберемся!..

— ...а да вѣдь какъ!—звенитъ теноромъ дальше богатырь помоложе.—Въ разъ, какъ лопнула—такъ насъ пятерыхъ и ротнаго тожъ... Я ему: вашевысокородь, дозвольте остаться, потому не гораздъ чтобы очень... А онъ: иди, послѣ, коли скажутъ, вернешься...

Идутъ раненые богатыри, помогая другъ другу, перелѣзаютъ глубокую канаву, звякаютъ сталкивающимися штыками винтовокъ. И мѣрно шагаютъ усталыми ногами по глубокой дорожной грязи.

V.

Разъ мнѣ случилось выйти изъ дома, гдѣ помѣщается персоналъ пункта, поздно вечеромъ. Перевязочная — вообще самый пунктъ — помѣщалась на другой улицѣ большого господскаго села. Тусклый фонарикъ, едва освѣщавшій флагъ съ краснымъ крестомъ надъ нимъ, слабо мерцалъ въ густомъ мракѣ.

Я уже подходилъ къ перевязочной, какъ въ концѣ улицы, гдѣ вразбродъ стояли пустые теперь дома управляющаго сахарнымъ заводомъ, администраціи имѣнія и проч., появилась длинная крестьянская телѣга, тарахтя колесами по грубой мостовой. Я пошелъ навстрѣчу и увидѣлъ нѣсколькихъ легко-раненыхъ, медленно и какъ будто задумчиво бредущихъ возлѣ нея.

— Стой, обожди!—проговорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ крестьянину-поляку, правившему лошадьми.— Дай ему передохнуть!

Изъ телѣги рѣдко и негромко раздавался короткій стонъ.

На слова сопровождавшаго раненаго оттуда послышался отвѣтъ. Голосъ былъ низкій, прерывающійся, очевидно, усиліями сдержать невольный стонъ, и отрывистый. Лежавшій тамъ раненый какъ будто не говорилъ, а выплевывалъ слова.

— Чего... стоять?.. Все одно!.. Какъ-нибудь... ужъ! Добираться-то... надо!.. Трогай... ужъ какъ-нибудь! Дотерпимъ...

Лошади тронулись медленно, еле-еле, телѣга загромыхала по ухабистой мостовой—и снова короткіе, подавленные стоны.

Я крикнулъ санитаровъ, когда телѣга остановилась около пункта,—и раненые, сгибаясь въ невысокихъ две-

ряхъ и стукаясь тяжелыми прикладами винтовокъ, стали входить. Изъ телѣги вылѣзъ сначала одинъ, съ бѣлой, свѣтящейся марлевыми бинтами кувалдой вмѣсто ноги, и, опираясь на винтовку, по-сорочьему запрыгалъ къ освѣщенной фонарикомъ двери.

— Погоди, санитаръ поможетъ, — попробовалъ-было остановить я его:—чего прыгаешь-то!..

— Тамъ тяжелый есть, я и такъ!—коротко отозвался онъ.—Ему надобнѣе...

Второй сползъ съ телѣги и, какъ-то весь перегнувшись набокъ, заковылялъ къ дверямъ.

— Его-то, его-то полегче, — озабоченно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то просто попросилъ онъ санитаровъ, возившихся надъ чѣмъ-то въ телѣгѣ, передъ тѣмъ какъ пуститься въ долгій и многотрудный путь длиною въ двѣ сажени—отъ телѣги до дверей пункта.

Санитары повозились, негромко переговариваясь надъ тѣмъ, что̀ лежало въ телѣгѣ, потомъ одинъ изъ нихъ крикнулъ:

— Носилки!..

И тотчасъ же тотъ же низкій, прерывающійся голосъ, что̀ просилъ раньше не останавливаться, запротестовалъ:

— Зачѣмъ носилки, почему такое носилки? — я самъ могу... Это тамъ—далеко, такъ я на подводѣ, а такъ я самъ могу!.. Только ты сойди, я тебя за шею — такъ, такъ, а ты подъ тую руку... Не, не, выше, тамъ у меня другая рана въ боку, штыкомъ-та...

Санитары пыхтѣли, раненый кряхтѣлъ, какъ будто поднималъ огромную тяжесть; наконецъ темная куча людей двинулась къ двери. Подошедшіе другіе раненые молча и какъ будто почтительно посторонились, пропуская впередъ тяжелаго.

Я думалъ, что возъ очистился. Но нѣтъ, оттуда самостоятельно, безъ чьей бы то ни было помощи ползла еще фигура. Зажавъ подъ мышкой ружье, она пыталась соскользнуть между задними колесами воза съ площадки

его дна, не касаясь руками за грядки. Послѣ двухъ-трехъ попытокъ ей это удалось, фигура крѣпко стала на ноги и, поправивъ локтемъ выѣзжавшую изъ подмышки винтовку, быстро и дѣловито покатилась къ дверямъ. И была странность въ ней отъ того, что оба рукава шинели отъ локтя были выставлены впередъ, а вмѣсто рукъ изъ этихъ рукавовъ торчали все тѣ же бѣлые, теперь окровавленные бинты индивидуальнаго пакета.

VI.

На пунктѣ принято правило: сначала перевязка, по очереди прибытія (тяжело раненые внѣ очереди), затѣмъ перевязанныхъ проводятъ въ столовую, гдѣ, по-русскому обыкновенію, — сначала горячій чай, притомъ въ безграничномъ количествѣ полуторастаканныхъ эмалированныхъ кружекъ, потомъ ужинъ — щи, супъ съ кускомъ мяса, носящимъ повсемѣстное на войнѣ названіе порціи.

Персоналъ изъ двухъ докторовъ, старшей сестры-фельдшерицы и шести младшихъ сестеръ работаетъ въ двухъ комнатахъ: большой—перевязочной, оборудованной, какъ операціонная, и малой, гдѣ дѣлаются перевязки легкихъ раненій. Рядомъ — комната, названная страннымъ словомъ: „дожидальня“, и въ ней на лавкахъ толпа сѣрыхъ шинелей; здѣсь подавленнымъ жужжаніемъ стоитъ негромкій гулъ голосовъ.

Въ то время, которое я описываю, шли непрерывныя атаки длиннаго, растянувшагося версты на полторы, села Г—а. Каждая ночь несла штыковой бой, иногда даже не одинъ, а днемъ артиллерія подготовляла ночную атаку. Въ ночь пунктъ пропускалъ полтораста-двѣсти раненыхъ, и каждую ночь длинный—въ десять, двѣнадцать подводъ—поѣздъ, сверкая пылающими факелами, отправлялся за пятнадцать верстъ на эвакуаціонный пунктъ, станцію желѣзной дороги.

И странная особенность бросилась мнѣ въ глаза въ ту ночь. Было много тяжело раненыхъ; штыковые бои выбрасываютъ большинство такихъ. Атака была часа четыре тому назадъ, и въ дожидальнѣ еще не улеглось волненіе, пережитое такъ недавно. Тамъ и здѣсь можно было встрѣтить лихорадочно-блестѣвшіе глаза, услышать обрывокъ возбужденной фразы, передающей перипетіи боя. Наложенныя кое-какъ повязки сочились красной кровью, и боль оборванныхъ, пересѣченныхъ нервовъ уже стала просыпаться. Тамъ и здѣсь можно было видѣть фигуру, методически качающуюся отъ этой боли впередъ и назадъ, и часто среди коричневыхъ, темныхъ отъ давней грязи лицъ можно было встрѣтить мучительно сдвинутыя брови и остро-блеснувшую бѣлую полоску сжатыхъ судорожно зубовъ.

Но когда дверь изъ перевязочной открывалась, пропуская двухъ-трехъ перевязанныхъ, и утомленное лицо сестры выглядывало оттуда, приглашая новыхъ, въ дожидальнѣ возникалъ своеобразный споръ, кому итти.

— Струганов, ползи, ты тяжелый,—бубнило нѣсколько голосовъ, обращаясь къ качающейся взадъ и впередъ, какъ странный маятникъ человѣческаго страданія, фигурѣ,—у тебя штыкомъ въ бокъ.

— Я обождать могу, пущай Заяцъ идетъ!—у него двѣ... Онъ самъ ходить не можетъ!..

— Зря говоришь, — могу!—защищался Заяцъ, тотъ самый, что при помощи двухъ санитаровъ выкарабкался изъ телѣги, отказавшись отъ носилокъ.—Я далеко не могу, а здѣсь могу... Пущай Сватиковъ идетъ.

И нужно было вмѣшательство сестры, опытнымъ глазомъ намѣтившей злополучнаго Зайца, какъ наиболѣе серьезнаго, чтобъ прекратить этотъ споръ.

VII.

Этотъ Заяцъ далъ намъ нѣсколько минутъ глубокаго переживанія. Онъ былъ раненъ въ руку отъ плеча до

кисти, такъ жестоко ударила его своей раскаленной плетью шрапнель, и, кромѣ того штыкомъ, широкимъ нѣмецкимъ штыкомъ въ животъ около (какъ самъ Заяцъ опредѣлилъ) „маклока“. Вся рубашка, штаны и даже сапоги были залиты кровью этой раны.

— Не Зайцевъ Никандра, а За-яцъ! — раздѣльно поправилъ онъ, сидя на табуретѣ, когда ему обрѣзали рукавъ шинели, мундира и рубахи, сестру, записывавшую раненыхъ въ книгу. — Такъ и изстари нашъ родъ зовется—не Зайцевы, а Зай-цы!..

Онъ оказался моимъ землякомъ, милый, безконечно терпѣливый, только судорожно морщившійся при изслѣдованіи раны руки, Заяцъ: Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда. Мы заговорили о знакомыхъ мѣстахъ, и Заяцъ, несмотря на боль, оживился. Нѣтъ ничего радостнѣе, какъ встрѣтить на войнѣ земляка, съ которымъ можно поговорить о родныхъ мѣстахъ! И не отъ этого ли трогательнымъ намекомъ на эту радость звучитъ обычное на войнѣ, въ чужомъ краю обращеніе къ солдату—„землячокъ“?..

Мы съ Зайцемъ уже углубились въ сравнительную оцѣнку „нашихъ мѣстъ“, какъ дверь изъ перевязочной-операціонной отворилась. Осторожно, какъ хрупкій сосудъ съ драгоцѣнной влагой, два санитара выводили оттуда раненаго офицера.

Я видѣлъ его раньше, подавленнаго не столько своей раной, сколько тѣмъ, что ему пришлось оставить свою часть, передавъ командованіе. И вообще на немъ лежала печать сорокасуточнаго сидѣнія въ окопахъ, прерываемаго только передвиженіями и ночными атаками. Не молодой уже, интеллигентный человѣкъ сорокъ сутокъ не раздѣвался; сорокъ сутокъ онъ спалъ не иначе, какъ подъ грохотъ орудій, прикрывшись сырой шинелью; обсуждая предвидящуюся ночью атаку, онъ, — безсознательно, незамѣтно даже для себя,—сердито проводилъ рукою по своей шеѣ и стряхивалъ на землю

миріады паразитовъ. Сорокъ сутокъ онъ жилъ призрачной, странной жизнью вѣчнаго напряженія, вѣчной тревоги, вѣчной отвѣтственности.

И когда утромъ онъ попалъ къ намъ на пунктъ, — его глаза глядѣли угрюмо и замкнуто, тѣнь чего-то страшно далекаго отъ всего происходящаго вокругъ лежала на лицѣ, и всѣмъ намъ казалось, что вотъ-вотъ онъ скажетъ:

— Стаканы съ чаемъ, тарелки, коробка печенья... Какъ вамъ не стыдно, господа?!

Но онъ почти все время молчалъ, сидѣлъ, опустивъ глаза и думая свое, тяжелое—и сестры почему-то въ его присутствіи начинали говорить шопотомъ, ходили на цыпочкахъ и испуганно оглядывались на него, когда случайно роняли ножъ или ложку ... странный, свѣтлый ореолъ пережитаго этимъ немолодымъ человѣкомъ страданья окружилъ его тонкимъ облакомъ...

Теперь, послѣ вторичной перевязки передъ отправленіемъ на эвакуаціонный пунктъ, онъ вошелъ, поддерживаемый санитарами, опустивъ глаза и ни на кого не глядя. И сразу стало тихо во всей первой перевязочной, какъ будто вошелъ символъ наполнившаго низкую комнату страданія.

Слабо, почти безвольно, переступая ногами, офицеръ сдѣлалъ два шага и поднялъ коричневыя вѣки. Прямо передъ нимъ былъ Заяцъ—издырявленный, мужественный Заяцъ, безъ стона сносившій мучительное изслѣдованіе тяжелой раны. Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ на друга, потомъ слабая тѣнь улыбки скользнула по лицу офицера, и онъ тихо сказалъ:

— Заяцъ! Живъ?

— Ваше высокородь... Николай Степанычъ... Господи! — могъ только выговорить Заяцъ и вдругъ, сильно двинувшись, отчего кровь изъ раны потекла сильнѣе, протянулъ къ офицеру руки. — Ваше высокородь, рота-то наша, рота... Господи! Довелось - таки повидаться еще,

ваше высокородь... Какъ тогда въ ночную шли, послѣ „урра!“—и вы пали... Господи!..

Должно-быть, эти два человѣка пережили вмѣстѣ нѣчто очень большое. Было ли это огромное возбужденіе, которое несетъ ночная атака беззавѣтно преданнымъ дѣлу людямъ, или страшная минута надвинувшейся вплотную смерти, или пьяный восторгъ побѣды,—но только вдругъ изъ глазъ терпѣливаго, сносящаго молча мученія Зайца потекли крупныя, свѣтлыя слезы. Лицо офицера дрогнуло, какой-то мускулъ нервно сжался на щекѣ, и глаза вдругъ стали необычайно свѣтлыми, лучезарными, струящимися, какъ звѣзды влажнымъ вечеромъ, отъ переполнившихъ ихъ слезъ.

— Эхъ, Заяцъ, Заяцъ!..—шопотомъ проговорилъ офицеръ, не находя голоса отъ нахлынувшихъ слезъ.—Эхъ, Заяцъ, Заяцъ!..

Такъ плакали два человѣка, пережившіе вмѣстѣ огромное и прекрасное, какъ жизнь и смерть человѣческія—и вышло такъ, что почему-то потянулся за платкомъ нахмурившійся докторъ, стали сморкаться сестры, и отвернулся къ стѣнѣ огромный солдатъ съ окровавленной кистью руки... И всѣ въ небольшой, наполненной человѣческимъ страданіемъ комнатѣ плакали отчего-то, глядя на двухъ встрѣтившихся людей,—плакали хорошо, радостно, теплыми, очищающими душу слезами, отъ которыхъ такъ больно и сладко дѣлается на сердцѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ пчелинымъ жужжаньемъ гудѣли голоса дожидающихся раненыхъ; пахучимъ махорнымъ дымкомъ тянуло изъ-подъ двери въ ту комнату.

На пунктѣ правило: сначала перевязка, потомъ чай и ужинъ.

VIII.

Послѣ перевязки, чаепитія и ужина раненые отправляются спать. Спятъ они до слѣдующаго утра, а иногда, въ зависимости отъ расположенія пункта, прибытія на

эвакуаціонный пунктъ санитарныхъ поѣздовъ и прочихъ обстоятельствъ, до ночи. За это время, сравнительно короткое, солдаты успѣваютъ до нѣкоторой степени отдохнуть и отойти отъ жгучихъ впечатлѣній недавно пережитаго.

Въ чайной пункта самые интересные разговоры. Тамъ, въ перевязочной, сжатые отъ боли зубы, иногда подавленный стонъ, тамъ раскачавшаяся волна страданій медленно и неохотно входитъ въ свои берега. Съ мучительнымъ, напряженнымъ лицомъ сестра отпутываетъ присохшія кровавыя повязки отъ раны, докторъ въ бѣломъ халатѣ поминутно моетъ руки, и какой-нибудь коренастый, заросшій волосами запасный, поддерживая одной рукой сползающіе штаны, торопливо крестится другой, передъ тѣмъ какъ лечь на операціонный столъ.

Большихъ операцій на пунктахъ не дѣлаютъ, или дѣлаютъ въ крайнемъ случаѣ, когда грозитъ осложненіе, надобно вычистить рану и проч. Но эти „маленькія“, „пустячныя“, „легкія“ мелочи, о которыхъ доктора говорятъ снисходительно-добродушно, на взглядъ посторонняго человѣка должны требовать величайшаго терпѣнія.

Я помню случай на пунктѣ въ Б—ахъ, куда притащился раненый шрапнелью солдатъ. Санитары помогли ему раздѣться, сняли рубаху, и подъ свѣтлыми лампами сверкнуло здоровое мужское тѣло безъ единой отмѣтины.

— Куда жъ ты раненъ?—вытирая руки, спросилъ докторъ.—Ты, братъ, какъ облупленное яичко...

Солдатъ вытянулъ голыя руки по швамъ и кивнулъ головой набокъ:

— Подмышку, вашбродь!!.

Когда подняли правую руку солдата и заглянули подмышку, увидѣли маленькую, кругленькую дырочку, въ которую не могъ бы пролѣзть обыкновенный волошскій орѣхъ. Рана была шрапнельная, рикошетная, т.-е. шрапнельная пулька ударилась сначала въ землю и потомъ ударила солдата въ бокъ. Получена она была въ то

время, когда ночной атакой брали деревню С. Раненый вмѣстѣ съ другими товарищами кинулся къ невысокому сравнительно забору и, ухватившись руками за верхъ его, дѣлалъ попытку перелѣзть. Рана по разряду считалась легкой.

— Больно?—спросилъ докторъ, изслѣдуя раненіе въ то время, когда сестра приготовляла бритву для удаленія волосъ, окружавшихъ рану.

— Нэ сильно больно... — пониженнымъ голосомъ, съ опредѣленнымъ малороссійскимъ акцентомъ отвѣтилъ солдатъ.

Держался онъ бодро, стоялъ на ногахъ крѣпко, но обстановка перевязочной, яркій свѣтъ послѣ трехверстнаго путешествія по грязнымъ полямъ въ полномъ мракѣ, блестящіе медицинскіе приборы, сверкающіе никелированными ручками, бѣлый операціонный столъ—вся обстановка произвела свое впечатлѣніе.

Чтобы преодолѣть его, нужно сдѣлать извѣстное усиліе, тронуть какой-то нервный рычагъ, можетъ-быть, сжать зубы и закрыть глаза. Я знавалъ въ своей жизни людей здоровыхъ, съ крѣпкими нервами, сильныхъ, не использованныхъ жизнью, такъ сказать, которыхъ приводилъ въ смятеніе одинъ видъ кресла дантиста.

IX.

Въ данномъ случаѣ дѣло было гораздо сложнѣе удаленія испортившагося зуба. Слѣдуетъ помнить, что на пункты приходятъ люди, пережившіе въ три-четыре мѣсяца столько, сколько не переживешь во всю жизнь. Попробуйте хоть на минуту, на секунду вообразить дни, полные бездѣятельнаго (это ужаснѣе всего—бездѣятельнаго) лежанія въ окопахъ, когда *онъ* гвоздитъ „чемоданами“, нащупывая этотъ самый окопъ. Попробуйте подумать о „вечернемъ туалетѣ“, какъ выразился одинъ знакомый мнѣ офицеръ, сидящихъ въ такомъ окопѣ, о приготовленіи къ ночной атакѣ или отраженію ея... Этотъ

осмотръ винтовки, хорошо ли подаетъ патроны?—какой-нибудь простой, бытовой вопросъ, въ родѣ:

— Демьяновъ, а Демьяновъ? Будто у тебя вазелинъ былъ, дай смазать, замокъ словно бы задерживаетъ... Сырость все проклятая!

Сырость, отъ которой появляются на стальномъ замкѣ винтовки ржавыя пятна, задерживающія свободный ходъ патрона. Простой вопросъ,—съ очень простой мотивировкой, но подумайте же одну минуту: вѣдь въ этой же самой сырости люди сидятъ недѣлями!..

А самая атака... Я встрѣчалъ солдатъ, пережившихъ пять-шесть ночныхъ атакъ. Нервное напряженіе при перебѣжкахъ, передъ тѣмъ, какъ ударить въ штыки, настолько велико, что мы, не военные, не пережившіе этого люди, не можемъ во всей полнотѣ вообразить его.

— Когда вдаришь на „ура", то ужъ кончено!.. Будто туманъ какой въ глазахъ,—темно, зги не видать, а ты видишь, и гдѣ онъ схоронился, и какъ тебѣ его ловчѣй звякнуть, а до тѣхъ поръ... Господи, послѣ глядишь—какихъ-нибудь десять-пятнадцать саженъ перебѣжка была, а вытянулась она на три версты, вотъ оно какъ жутко!.. И не вѣрь, и не слушай, кто скажетъ тебѣ, что не страшно!—покуда перебѣжку дѣлаешь, за кучкой, въ канавкѣ, за камушкомъ какимъ-нибудь припадаешь—отца-мать вспомнишь... А только остановиться нельзя—нѣтъ въ тебѣ силы остановиться, развѣ что прикажутъ—такъ опять же это дѣло начальства, а такъ претъ тебя впередъ, и кончено... А какъ завидѣлъ ихъ, шишки эти самыя на каскахъ, ну, тутъ ужъ пошло... Вступитъ туманъ въ глаза, и кончено,—гдѣ ты и что такое есть—память отшибло... Грѣха таить нечего—тоже звѣрѣешь тутъ маненько, можетъ, и зря котораго лупанешь штыкомъ, ай прикладомъ тамъ. Такъ вѣдь и то сказать—одна перебѣжка до чего тебя доведетъ!..

Словъ нѣтъ. Нервы нашего русскаго крестьянина, живущаго какой бы тамъ ни было экономически, но

физически здоровой жизнью,—нервы крѣпкіе. Не съ ними тягаться городскому, въ большинствѣ случаевъ, порядкомъ-таки изнѣженному цивилизованнымъ биргалемъ нѣмецкому солдату; но при всей крѣпости этихъ нервовъ живая смерть, съ которой сталкивается лицомъ къ лицу русскій солдатъ, не шутка.

X.

И вотъ такіе испытавшіе въ своей жизни огромнѣйшіе подъемы люди попадаютъ на пунктъ.

Раненый шрапнелью подмышку солдатъ предъ тѣмъ, какъ лечь на операціонный столъ, торопливо крестился и робко, просительно поглядывалъ на приготовившихся къ сложной перевязкѣ сестеръ. Но въ этомъ—и только въ этомъ — выразился весь нервный скачокъ, который онъ долженъ былъ сдѣлать передъ зловѣщимъ гипнозомъ пинцетовъ, кривыхъ ножей, странныхъ по формѣ ножницъ.

Глядя въ сторону и только напрягая круглый и плотный, какъ дерево, бицепсъ раненой руки такъ, что дюжій санитаръ ѣздилъ по полу въ своихъ огромныхъ сапогахъ, какъ по льду, онъ молча ждалъ, когда докторъ запихаетъ ему въ рану, во всякомъ случаѣ, не менѣе полутора аршина мятой стерилизованной марли.

Я не могъ смотрѣть—мои нервы посторонняго наблюдателя, никогда не испытавшаго того въ своей жизни на войнѣ, что̀ испыталъ онъ, отказывались принимать такое впечатлѣніе. А онъ лежалъ, покряхтывалъ, возилъ могучей рукой державшаго санитара и успокаивалъ доктора, обѣщавшаго „сейчасъ, сейчасъ кончить“:

— Не извольте безпокоиться, вашвысокородь!..

Когда повязка была наложена, солдатъ всталъ, и санитаръ принесъ ему чистое бѣлье, онъ вытеръ лобъ, обросѣвшій крупными, какъ горошины, каплями пота, высморкался при помощи пальцевъ и тотчасъ сконфуженно оглянулся и сказалъ:

— Якъ у баню сгонялъ... Тепло дуже стало!

А черезъ четверть часа, когда я зашелъ въ чайную, я увидѣлъ его уже за длиннымъ столомъ съ эмалированной кружкой въ рукахъ и огрызкомъ сахара за нижней губой, обстоятельно обсуждавшимъ боевой эпизодъ, въ которомъ онъ былъ раненъ:

— Колы бъ вонъ лѣвѣй ставочку подался, — гудѣлъ спокойный, какъ-то особенно пріятный баритонъ: — ну, тогда съ нимъ склеки было бъ... Потому ты, мабудь, самъ понимаешь — мы отсюда наступаемъ, развернулись подковой, ставочекъ въ обхватѣ... (коричневая ладонь ставитъ кружку на столъ и рубитъ деревянную доску стола, отмѣчая ставочки и подковы), его, братъ — страсть Господня, а онъ его и не почулъ... Мы перебѣжкой,—думаемъ: вотъ гдѣ жарня будетъ, а тамъ никѣмъ никого... Обѣгли — да ему во флагъ (флангъ) и пошла лупить наша...

XI.

За чаемъ самые оживленные разговоры; нервное напряженіе пережитаго, такъ же, какъ и только-что перенесенной перевязки, еще не улеглось и ищетъ выхода.

Другіе солдаты, санитары, случайно забредшій какой-нибудь кучеръ изъ санитарнаго обоза или полякъ-рабочій, оставшійся въ имѣніи, склонивъ головы набокъ, слушаютъ. Иногда поднимается обсужденіе — почему онъ, столь грамотный, можно сказать, нѣмецъ—и часто самъ свое упускаетъ. Бываетъ такъ—положитъ уйму народу, чтобъ добиться чего, а добьется и ничего не дѣлаетъ, пользы отъ этого себѣ не получаетъ...

Разговоры наивные, иногда смѣшные; но въ иное время, въ иной обстановкѣ, въ штабѣ одного изъ корпусовъ за обѣдомъ, сѣдой, опытный, дѣлающій вторую кампанію генералъ, пожимая золотыми погонами, говорилъ однажды:

— Удивительный врагъ! Храбрый, смѣлый,—къ нашей, русскаго солдата, чести надо это говорить, непрестанно всегда повторять,—хозяйственная подготовка великолѣпна, обдумано все до мельчайшихъ подробностей—и дуракъ!..— Генералъ поднялъ сѣдыя, клочковатыя брови, сдѣлалъ удивленное лицо, и это вышло при его обычной суровости такъ смѣшно, что мы не могли не разсмѣяться.— Ну да, дуракъ—чего вы смѣетесь, господа?.. Необычайная гибкость — нажмешь его здѣсь, онъ вылѣзетъ тамъ, и рядомъ съ этимъ полнѣйшее неумѣніе использовать положеніе!.. И какое! — доставшееся порой горами труповъ, цѣлыми дивизіями, спеціально пущенными на разстрѣлъ для того, чтобы добиться этого положенія... Вѣдь посмотрите, господа...

И съ датами, цифрами, названіями мѣстностей и прочимъ сложнымъ и необычайно умѣло обобщеннымъ матеріаломъ въ рукахъ, генералъ тутъ же, между тарелками и стаканами съ квасомъ, выяснилъ намъ удивительную картину, подтверждающую его слова.

Форма выраженія одной и той же идеи можетъ быть различна. Обстановка дѣйствія участниковъ представляетъ собою амплитуду колебаній отъ корпуснаго командира, сидящаго во время боя съ двумя телефонными трубками въ рукахъ и принимающаго десятки донесеній, до солдата, перехватившаго зубами ремень винтовки, чтобъ вскарабкаться, цѣпляясь руками, на заборъ. Но общее впечатлѣніе одно и то же, и не въ этой ли объединенности его полная и непоколебимая увѣренность въ томъ, что ничего *ему* не подѣлать.

XII.

Послѣ чаю—ужинъ. За горячими щами съ „порціей“ разговоры стихаютъ. Во-первыхъ, потому, что ужинъ— не баловство чаемъ, а серьезное дѣло, а во-вторыхъ, потому, что волненіе уже улеглось, и вѣки начинаютъ смыкаться.

Сонъ, божественный сонъ подъ теплымъ одѣяломъ, на подушкѣ, въ теплой комнатѣ и, раздѣвшись, въ чистомъ, только-что выданномъ сестрой бѣльѣ!.. Нѣтъ, истинное блаженство этого можетъ испытать только тотъ, кто прошелъ всю лѣстницу страданія, опасности, риска, самозабвенія, требуемыхъ войной.

Мнѣ однажды случилось видѣть этотъ блаженный, прекрасный, чудесный сонъ.

Я проѣхалъ верстъ сорокъ на автомобилѣ. Отвратительная, выбитая обозами и артиллеріей дорога измучила не меньше, чѣмъ недѣльная крупа, сыпавшаяся съ неба и хлеставшая лицо міріадами кнутовъ.

Мнѣ надо было заѣхать на пунктъ, и когда я вошелъ туда, я не могъ разстегнуть крючковъ полушубка, такъ замерзли руки...

Не раздѣваясь, только слегка обогрѣвшись, я зашелъ въ палаты. Онѣ раздѣлены широкой, распахнутой настежь дверью, и въ обѣихъ подъ потолкомъ горѣли фонарики, Богъ знаетъ какъ попавшіе сюда, изъ тѣхъ, что любятъ вѣшать въ своихъ комнатахъ провинціальныя дѣвицы.

Мягкій ровный свѣтъ обливалъ высокія комнаты. И на всемъ пространствѣ ихъ, оставляя небольшой проходъ, стояли носилки, служившія постелями. Ихъ было около двадцати въ первой комнатѣ и около сорока во второй. И на каждой изъ нихъ, закутавшись въ одѣяло, на спинѣ, на боку, иногда ничкомъ спали раненые.

Послѣ колючей, хлещущей лицо вьюги, послѣ угрюмой темноты пустыннаго шоссе, тряски автомобиля, темноты, холода—это была такая мирная, трогательная картина, что невольно хотѣлось улыбнуться передъ ней.

Отъ наивныхъ мѣщанскихъ фонариковъ, или оттого, что никто изъ спавшихъ даже не пошевелился при нашемъ входѣ, и мирный, здоровый сонъ стоялъ въ комнатахъ ровнымъ спокойнымъ дыханіемъ—но почему-то въ памяти вставала какая-то большая дѣтская, гдѣ, разметавшись въ сладкомъ снѣ, спятъ безъ сновъ и видѣній

наигравшіяся за день дѣти,—маленькіе, пышущіе жизнью и оживленіемъ люди, переживающіе свои маленькія волненія во много разъ острѣе и непосредственнѣе насъ.

Хотѣлось пройти неслышно между близко-составленными носилками, заглянуть въ темныя, порою забинтованныя лица, ласково прикоснуться къ спутаннымъ волосамъ и шепнуть имъ неслышно, совсѣмъ неслышно, чтобы не потревожить сонъ ихъ:

— Спите, родные, спите спокойно! Вы устали, вы много и долго работали страшную кровавую работу войны... Вы не жалѣли себя, вы проливали свою кровь, вы искупали ею великую идею, едва ли понятную во всей полнотѣ ея вамъ... Вы просто пошли, просто сдѣлали свое дѣло и теперь спите, какъ наигравшіяся за день дѣти...

Да, наигрались. А въ углу, на двухъ табуретахъ, темныя фигуры съ винтовками между колѣнъ при нашемъ появленіи поднялись и звякнули объ полъ прикладами.

— Это что?

— Конвой... Вѣдь тутъ же и нѣмцы. Вонъ они — въ этой палатѣ два офицера: одинъ—кавалеръ Желѣзнаго Креста, а тамъ—восемнадцать нижнихъ чиновъ... У насъ нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія, всѣ вмѣстѣ...

Нѣмцы спали такъ же, какъ русскіе. Они тоже устали, обезсилѣли отъ ранъ, потери крови, напряженія боя... Можетъ-быть, и даже навѣрное, больше, чѣмъ русскіе.

И всѣ спали вмѣстѣ въ этой огромной дѣтской, освѣщенной голубымъ фонарикомъ, когда на улицѣ неслась съ неба мерзлая бѣлая крупа, завывалъ вѣтеръ, и ночь распласталась на необозримомъ пространствѣ.

ЗЕМЦЫ И ВОЙНА.

I.

Уже давно хотѣлъ я дать посильный отчетъ объ одномъ явленіи, имѣющемъ огромное значеніе и неучитываемыя по результатамъ послѣдствія, и особенно ярко развернувшемся въ эту войну. Для меня лично представляется не совсѣмъ яснымъ, почему именно эта война вызвала къ жизни и дала возможность развернуться во всей широтѣ тому, о чемъ я говорю. То ли, что эту войну цѣликомъ отъ дворца до избы принялъ весь народъ, какъ скорбную, несущую много горя и бѣдъ, но настоятельную необходимость, или просто потому, что за эти десять лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ прошлой войны, русское общество много пережило, но только общественная помощь какъ пострадавшему отъ войны населенію, такъ и самой дѣйствующей арміи, въ видѣ заботы о больныхъ и раненыхъ воинахъ, въ эту кампанію приняла такія неожиданно-прекрасныя формы, пробудила такой отзвукъ по всей странѣ, что послѣ этого самые крайніе пессимисты могутъ смотрѣть на будущее спокойно: русская общественность, находившаяся нѣкоторое время въ состояніи, такъ сказать, анабіоза, не умерла, не заглохла, а, наоборотъ, расширилась и растеклась по лицу всей страны.

Отдѣльныя ячейки этой общественной эпидеміи, если позволено будетъ такъ выразиться, можно было наблюдать въ Рождественскіе дни. Волна подарковъ, съ которой

едва справлялись желѣзныя дороги, влилась въ армію властно и сильно, и видѣвшему этотъ наплывъ представлялся случай отмѣтить много любопытнаго.

Подарки текли отовсюду: не говоря уже о большихъ центрахъ, какъ Москва и Петроградъ, какіе-то совершенно неизвѣстные даже самому заматерѣвшему во дняхъ своихъ учителю географіи, не отмѣченные даже мушиной точкой на картѣ Государства Россійскаго грады и веси образовывали свои комитеты по сбору пожертвованій, соображали по письмамъ и газетамъ „самое необходимое“ и посылали свою лепту въ скромной надеждѣ хоть немного, хоть чѣмъ-нибудь облегчить или порадовать тяжелые дни русскаго солдата.

Война, желаніе принять въ ней участіе хоть крохами своихъ скудныхъ средствъ объединили самые разнородные элементы общества. И микробъ общественности, пользуясь благодарной почвой, созданной войною, сталъ расти и развиваться во славу стомилліонной страны.

Эти вагоны съ подарками — явленіе временное, можетъ-быть, въ значительной мѣрѣ случайное, но необычайно характерное. Оно служитъ большимъ показателемъ того, какъ одна общая идея можетъ пробудить къ общественному выступленію людей, во всю свою жизнь, быть-можетъ, никакимъ бокомъ къ общественности не прикасавшихся.

Это любопытно, но преходяще; подарки отосланы, розданы, кѣмъ слѣдуетъ получены — и комитетъ, возможно, распался до новаго взрыва сочувствія, жалости, участія.

Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія общественныя организаціи, ведущія планомѣрную, строго обдуманную, постоянную работу; нѣкоторыя изъ нихъ уже не первый разъ „на полѣ брани“, нѣкоторыя имѣютъ въ своемъ прошломъ иныя широкія общественныя выступленія, какъ, напримѣръ, въ борьбѣ съ недородами, стихійными бѣдствіями и проч.—и, располагая серьезными

средствами, оперируя въ значительной мѣрѣ уже съ извѣстнымъ по опытамъ прошлаго матеріаломъ, объединивъ собою цѣлый кругъ лицъ, работающихъ не за страхъ, а за совѣсть, только потому, что каждый изъ нихъ не могъ сидѣть въ своемъ насиженномъ углу въ такіе дни, не могъ заниматься прежнимъ знакомымъ и въ большинствѣ любимымъ дѣломъ, не могъ просто не быть здѣсь, не приложить свои руки къ огромному, неизмѣримо важному дѣлу; — имѣя въ своемъ распоряженіи такія данныя, эти организаціи въ текущей войнѣ играютъ большую и свѣтлую роль.

Какъ я уже разсказывалъ выше, судьба столкнула меня съ одной такой организаціей, столкнула случайно, благодаря старой дружбѣ съ однимъ изъ уполномоченныхъ ея и кое-какимъ инымъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ прошлыми годами моей жизни, и я могъ ближе присмотрѣться къ ея дѣятельности.

Эта организація—Всероссійскій Земскій Союзъ. Я уже упоминалъ о ней вскользь; но нужно говорить о ней подробнѣе.

II.

Есть одна черта въ русскомъ общественномъ человѣкѣ, свойственная, кажется, только ему одному: когда посторонній наблюдатель смотритъ на него, ему можетъ показаться, что этотъ человѣкъ занятъ самымъ простымъ, легкимъ и пріятнымъ дѣломъ.

Встрѣчаясь часто съ членомъ главнаго комитета Всероссійскаго Земскаго Союза В. В. Вырубовымъ, я всегда послѣ бесѣды съ нимъ уносилъ впечатлѣніе какой-то особой легкости, спорости, что ли, съ какой справляется этотъ человѣкъ со всей сложностью заботъ и дѣлъ, приступомъ идущихъ на него при первомъ его появленіи. Я зналъ, что на плечахъ у В. В. лежитъ огромная отвѣтственность, что у него нѣтъ минуты, которая принадлежала бы лично ему, зналъ, что двѣ трети своей

жизни на войнѣ онъ проводитъ въ дорогѣ, трясясь по невозможнымъ ухабамъ въ автомобилѣ, — и было нѣсколько случаевъ, когда на просьбу удѣлить часъ для дѣлового разговора, я получалъ приблизительно такой отвѣтъ:

— Знаете что! Вы поздно ложитесь, да? Ну, вотъ и отлично — если сегодня ночью, половина второго, я къ вамъ зайду, можно? Вотъ и поговоримъ, и никто намъ не помѣшаетъ...

И мы встрѣчались въ половинѣ второго ночи, бесѣдовали часъ, иногда два, а по выходѣ отъ меня В. В. спускался внизъ, въ вестибюль гостиницы, и говорилъ дежурному помощнику швейцара, вооруженному толстой конторской книжкой, въ которой исключительно записываются часы, когда надо утромъ будить обитателя того или иного номера.

— Телефоны у васъ начинаютъ дѣйствовать въ восемь часовъ, кажется, — говорилъ сонному portier'у В. В., — такъ вотъ, значитъ, и меня разбудить въ восемь...

А на слѣдующій день В. В. свѣжій, здоровый, какъ всегда добродушно-веселый, съ восьми часовъ уже принимаетъ телефоны, отвѣчаетъ на тысячи вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія, совѣтуетъ, направляетъ и наконецъ исчезаетъ до поздняго вечера, подхваченный водоворотомъ самыхъ разнообразныхъ и одинаково необходимо-нужныхъ дѣлъ.

Съ другимъ членомъ главнаго комитета, Н. Н. Ковалевскимъ, мнѣ привелось встрѣтиться въ Восточной Пруссіи.

Встрѣтились мы съ нимъ въ Граевѣ, куда я прибылъ на автомобилѣ, а Н. Н. на поѣздѣ изъ своей, какъ онъ называетъ, „штабъ-квартиры"—Бѣлостока. Въ вѣдѣніи этого матерого, искушеннаго многолѣтней борьбой съ дефектами русской народной жизни земца, работавшаго еще въ русско-японскую кампанію, находится эвакуація

раненыхъ. Союзъ имѣетъ около тридцати санитарныхъ поѣздовъ, не считая Кавказскаго фронта, и все это „министерство путей сообщенія“ лежитъ на отвѣтственности Н. Н. Ковалевскаго. Если принять во вниманіе растянутую на нѣсколько сотъ верстъ линію фронта, перегрузку путей поѣздами, постоянно поступающія партіи раненыхъ, необходимость привести все это въ равновѣсіе—станетъ понятно, почему Н. Н. Ковалевскій переносится на манеръ Летучаго Голландца изъ Варшавы въ Граево, на границѣ Пруссіи, оттуда въ Бѣлостокъ, „мимоходомъ“ въ Львовъ, потомъ опять въ Варшаву и такъ до безконечности.

Я не знаю навѣрное и не имѣю основанія не вѣрить опредѣленному заявленію самого Летучаго Голландца о „штабъ-квартирѣ“ въ Бѣлостокѣ, но порою, глядя на Н. Н., мнѣ думалось, что эта знаменитая „штабъ-квартира“—въ сущности только пріятная абстракція, далекая мечта, позволяющая человѣку, устраиваясь на ночлегъ на твердой вагонной скамейкѣ гдѣ-нибудь на запасномъ пути какого-нибудь Граева, утѣшать себя несбыточной надеждой:

„Ну теперь ужъ какъ-нибудь, всего одна, двѣ какихъ-нибудь ночи, вотъ пріѣду въ Бѣлостокъ, высплюсь какъ слѣдуетъ!..“

Въ этой бездомной, всегда напряженной, дѣловой до послѣдней секунды дня жизни Н. Н. Ковалевскій всегда сохраняетъ счастливую способность шутки, неизмѣнно бодрое настроеніе и веселый, невольно заражающій другихъ, смѣхъ.

И, согласно пословицѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“,—это отражается на всѣхъ сотрудникахъ.

III.

Я помню вечеръ въ Граевѣ, въ земскомъ поѣздѣ, непрерывно вывозящемъ раненыхъ отъ Гумбинена, Лыка до Граева, гдѣ они передавались въ госпиталь и оттуда уже разсортировывались по эвакуаціоннымъ поѣздамъ.

Этотъ поѣздъ, персоналъ котораго состоялъ изъ женщины-врача, уполномоченнаго, нѣсколькихъ сестеръ и санитаровъ, жилъ особой, призрачной жизнью, которую можетъ дать только война.

Когда я посѣтилъ его, персоналъ не спалъ уже двѣ ночи.

Въ то время въ Восточной Пруссіи шли довольно оживленные бои, и раненые непрерывной волной шли къ Лыку и Гумбинену. Измученные тряскими двуколками и фурами, они накоплялись на вокзалахъ и площадяхъ передъ ними длинными обозами. Поѣздъ перебрасывалъ ихъ въ Граево, въ госпиталь; сердитый полковникъ, обладавшій необычайно хриплымъ басомъ и полнымъ равнодушіемъ къ тому, что происходитъ передъ его глазами, принималъ ихъ, расписывался въ полученіи, — поѣздъ убирался, чистился и шелъ обратно, не оставаясь на 2—3 часа отдыха.

На третью ночь, когда мы встрѣтились въ немъ съ Н. Н. Ковалевскимъ, предполагалось, что притокъ раненыхъ прекратился, и поѣздъ можетъ простоять ночь спокойно. Санитары убрали вагоны отъ той особенной нечистоты—крови и грязи, которую неминуемо приноситъ съ собою просидѣвшій двѣ-три недѣли въ окопахъ раненый, отмыли кровавыя пятна, и по всему поѣзду прошло особенное настроеніе ожиданія близкаго и такого желаннаго отдыха.

Въ классномъ вагонѣ персонала на поставленныхъ въ узкомъ проходѣ между вагонными диванами табуретахъ шелъ ужинъ. И, несмотря на усталость, безсонницу, изнуряющую работу, веселая шутка будила живой, искренній смѣхъ. И когда ужинъ уже подходилъ къ концу, когда отдыхъ, столь давно жданный, былъ совсѣмъ близокъ, какой-то закопченый, выпачканный смазочнымъ масломъ и угольной пылью человѣкъ принесъ неопрятную бумажку служебной телеграммы, исписанную синими строчками копировальнаго карандаша.

Поѣздъ немедленно вызывался въ Гумбиненъ за новой партіей раненыхъ.

Мечта объ отдыхѣ отлетала на неопредѣленное время. Надо было тотчасъ же вставать, надѣвать кожаныя куртки, пристегивать къ пуговицамъ электрическіе фонарики, итти на холодъ промозглой зимней ночи... Потомъ трястись въ вагонѣ, наскоро передѣланномъ изъ товарнаго, потомъ принимать раненыхъ,—операція, берущая обыкновенно два-три часа,—поправлять сбившіяся перевязки, перевязывать снова, работать, не присѣвъ на минуту въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, везти назадъ, разгружать (опять два-три часа), сдавать раненыхъ полковнику, опять убирать и чистить вагоны...

Какихъ силъ требуетъ такая напряженная работа, показываетъ то, что санитары, молодые, здоровые парни, не выдерживаютъ и выбываютъ заболѣвшими и переутомленными. А персоналъ, съ женщиной-врачомъ Б-ой во главѣ, держится стойко.

И когда въ ту ночь мы съ Н. Н. Ковалевскимъ провожали не знающій отдыха поѣздъ, изъ раздвинутыхъ дверей перевязочнаго вагона намъ улыбалось молодое лицо женщины-врача—спокойное, веселое, и только по ушедшимъ глубоко глазамъ, по тѣнямъ подъ ними, можно было судить о всемъ утомленіи этого человѣка.

Спали мы съ Н. Н. ту ночь въ томъ же классномъ вагонѣ, гдѣ и ужинали. Ложась, долго говорили о войнѣ, о томъ незамѣтномъ и невидномъ, что̀ развертывается за тоненькой ниточкой окоповъ, въ которыхъ сидятъ стрѣляющіе солдаты. Когда говорятъ о войнѣ, то обычно говорятъ лишь объ атакахъ, побѣдахъ, ранахъ, смерти. Развертывая газету, каждый прежде всего ищетъ реляцій о результатахъ сраженій, и рѣдко кто задумается о томъ, чѣмъ и какъ двигается сложная, громоздкая и невообразимо-тяжелая машина войны!

Есть мнѣніе, что въ данной кампаніи побѣдителемъ останется тотъ, кто болѣе выносливъ, здоровъ, стоекъ.

Къ этому нужно прибавить еще одно: и у кого тамъ за тонкой лентой ружейнаго и орудійнаго огня, за стѣной сражающихся — больше людей, забывающихъ личные интересы во имя общаго дѣла, людей, готовыхъ итти навстрѣчу нуждамъ сражающихся, не только по мѣрѣ силъ своихъ, но и свыше ихъ, людей, движущая идея которыхъ—незамѣтное, невидное, никому, можетъ-быть, неизвѣстное, но великое дѣло.

...Мы уже потушили свѣчу, и мнѣ показалось, что мой компаньонъ по купэ засыпаетъ. Гдѣ-то на перепутавшихся сложной сѣтью путяхъ коротко и призывно посвистывалъ паровозъ, останавливался, и слышно было, какъ, сталкиваясь, лязгаютъ буферами вагоны, потомъ двигался опять, свистѣлъ, и снова слышался разнотонный, убѣгающій вдаль лязгъ буферовъ. Въ вагонѣ было холодно, темно, и дождь непрерывно стучалъ въ окно—и казалось, конца не будетъ этой ночи.

Вдругъ мой сосѣдъ вздохнулъ, позвенѣлъ пружинами дивана и кашлянулъ.

— Вы спите?—спросилъ онъ и когда убѣдился, что я не сплю, продолжалъ:—Какъ хотите, а женщина выноситъ сливѣе мужчины... Смотрите на эту Б—у! Вѣдь третья ночь въ непрерывной работѣ, вѣдь она сама присутствуетъ всегда при всякой нагрузкѣ и выгрузкѣ раненыхъ, хотя это, быть-можетъ, и не нужно... Санитары—мужчины не выносятъ, не знаемъ, что̀ дѣлать съ ними, негдѣ взять людей, а она веселая, улыбается, шутитъ...

Я подумалъ о томъ, что тонъ дѣлаетъ музыку, а тонъ даетъ капельмейстеръ, а капельмейстеръ сейчасъ лежитъ рядомъ со мной на вагонномъ диванѣ и говоритъ въ темноту эти слова. Но я ничего не сказалъ.

IV.

Чтобы составить приблизительное понятіе о дѣятельности Всероссійскаго Земскаго Союза, достаточно привести нѣсколько цифръ.

Внутри Россіи Союзъ развернулъ около 200.000 коекъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Основной складъ въ Москвѣ, обслуживающій нужды Союза, имѣетъ отдѣленія въ Варшавѣ и Брестѣ. Тыловой складъ предполагается основать въ Минскѣ, гдѣ идутъ заготовки необходимаго для арміи.

Складъ — это своеобразное царство; въ огромномъ желѣзнодорожномъ сараѣ сложены горами тысячи различныхъ тюковъ. Тутъ есть все, что̀ можетъ оказаться необходимымъ для арміи, начиная отъ перевязочныхъ средствъ, бѣлья, теплыхъ комплектовъ, кончая кипятильниками, кроватями для лазаретовъ и проч. Цѣлый день съ ранняго утра тутъ кипитъ жизнь, трещитъ телефонъ, снуютъ фигуры надсмотрщиковъ, рабочихъ, грузчиковъ. Цѣлый день идетъ нагрузка, отправка и въ то же время пріемка всего того, что̀ служитъ фундаментомъ войны.

Огромный поршень толкаетъ сюда данное цѣлой страной. И безчисленными ручейками растекается все это на подводахъ и автомобиляхъ туда, гдѣ по ночамъ сверкаютъ зарницы выстрѣловъ и къ перевязочнымъ пунктамъ ползутъ раненые. И—кто знаетъ? — можетъ-быть, самое главное,—питаніе всѣхъ отрядовъ, снабженіе необходимымъ всѣхъ пунктовъ,—самое существенное и сосредоточивается здѣсь, гдѣ въ крохотной, полутемной и такой холодной, что приходится сидѣть, не снимая пальто и шапки, въ отдѣленной некрашеной переборкой каморкѣ, мерзнетъ цѣлыми днями человѣкъ съ телефонной трубкой въ одной рукѣ и карандашомъ въ другой?..

Есть другіе,—передвижные склады. Такой имѣется въ Г., и отсюда расходились передъ Рождествомъ безчисленные подарки, жертвованные Союзу для арміи. О количествѣ этихъ подарковъ говорятъ двадцать товарныхъ вагоновъ, двинутыхъ сюда передъ праздникомъ. Въ этомъ транспортѣ имѣлось семьдесятъ тысячъ ком-

плектовъ бѣлья, не считая теплаго вязанаго, не считая съѣстныхъ припасовъ, сахару, чаю и проч.

Для того, чтобы обслужить, разобраться, двинуть, раздать все это,—нужно много народу. И, какъ всегда, въ нужную минуту приходятъ люди, не спятъ ночей, ѣдутъ, мерзнутъ въ товарныхъ вагонахъ, часами ждутъ на станціяхъ, и къ нужному времени оказывается сдѣланнымъ все, что нужно...

Микробъ общественности глубоко заложенъ въ душѣ человѣка. Въ моменты большого подъема, въ моменты остраго напряженія, онъ подымаетъ голову и двигаетъ человѣкомъ. Заматерѣвшій во дняхъ своихъ обыватель, уже давно залившій жиромъ безмятежнаго житія всякій отблескъ общественнаго инстинкта, глядя на безсоннаго, волнующагося, не могущаго успокоиться, обуреваемаго забравшимъ силу микробомъ, человѣка, качаетъ недоумѣнно головой:

— И изъ-за чего бьется, спросить? Хоть бы онъ пользу какую себѣ имѣлъ, а то вѣдь просто такъ въ лепешку бьется, прости, Господи, мои согрѣшенія... Ишь вѣдь старается, ишь покою себѣ не находитъ, ровно платятъ ему за это...

А онъ, — безчисленный, многоликій, неохотно называющій свое имя,—бросилъ на далекой родинѣ спокойное занятіе, оставилъ семью, которой иногда и письма-то написать некогда, спитъ по три часа въ ночь и непрестанно мотается подъ дождемъ и вѣтромъ польской зимы, старается и волнуется порой оттого, что у него только двѣ, а не четыре руки, и въ суткахъ только двадцать четыре, а не сорокъ восемь часовъ!

Размѣры моего письма не позволяютъ мнѣ остановиться болѣе подробно на этомъ незамѣтномъ, отдающемъ всю душу дѣлу, общественномъ работникѣ. Но я знаю, что русское общество, русская жизнь,—та будущая, новая жизнь, которая теперь требуетъ такихъ жертвъ,—не забудетъ его, какъ не забудетъ этой страшной, вызвавшей къ жизни такія силы, войны...

И сколько ихъ, такихъ дѣятелей, разбросано во всякихъ отрядахъ, пунктахъ, поѣздахъ земства!

Союзъ имѣетъ восемь перевязочно-питательныхъ отрядовъ. По поводу этихъ отрядовъ я долженъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе.

Многолѣтняя практика земства выработала извѣстные пріемы, результатъ которыхъ сказывается на работѣ особенной продуктивностью ея; одинъ изъ такихъ пріемовъ—привлеченіе къ совмѣстной дѣятельности мѣстныхъ силъ. Здѣсь на войнѣ земство пошло обычнымъ путемъ и включило въ себя отдѣленіе польскаго обывательскаго комитета — секцію санитарной помощи раненымъ воинамъ. На практикѣ это выразилось въ томъ, что въ шестомъ, наиболѣе знакомомъ мнѣ отрядѣ, весь медицинскій и административный персоналъ — доктора, сестры милосердія, завѣдующіе хозяйствомъ, включительно до санитаровъ — поляки. Страна, оказавшаяся между молотомъ и наковальней войны, чутко отозвалась на самую существенную нужду — помощь раненымъ и выслала своихъ представителей на общую работу.

И надо отдать должное этимъ людямъ: большаго вниманія къ нашимъ раненымъ, большей работоспособности—работоспособности, доходящей до полнаго презрѣнія самыхъ обычныхъ человѣческихъ потребностей, сна, пищи, хоть минимальнаго отдыха—я не встрѣчалъ нигдѣ.

N—іи отрядъ, по типу котораго оборудованы и другіе, имѣетъ три передовыхъ питательныхъ санитарныхъ пункта. Они обозначены литерами a, b, c; во всѣхъ трехъ мнѣ приходилось бывать, не рѣдко пользоваться радушнымъ гостепріимствомъ, и я могъ близко присмотрѣться къ внутренней жизни каждаго отряда.

И когда я сидѣлъ въ общей столовой за простымъ и скромнымъ обѣдомъ или чаемъ, когда общая бесѣда принимала оживленный характеръ, мнѣ невольно приходили въ голову великія слова великаго поэта:

...Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся!..

Въ краткомъ письмѣ не мѣсто говорить по существу о русско-польскихъ отношеніяхъ. Вопросъ большой, сложный, имѣющій огромное значеніе, и время для выясненія его, можетъ-быть, даже и не пришло. Въ значительной степени рѣшеніе его подсказала накатившаяся на Царство Польское волна войны, рѣшеніе благостное, прекрасное, то самое, о которомъ мечтали два великана поэзіи обоихъ народовъ. Благодаря войнѣ, польское общество впервые столкнулось съ представителями русской общественности, и совмѣстная работа, страстная, напряженная работа для общей цѣли сплотила ихъ въ одну семью. И думается, что и послѣ войны это единеніе не распадется. Мы стоимъ на порогѣ новой жизни, и хочется вѣрить, что эта жизнь будетъ лишена острой непримиримости, враждебности, взаимнаго и такого печальнаго непониманія. Сѣмена этого заложены теперь. Нѣтъ основаній думать, что они не взойдутъ пышной и обильной нивой.

V.

Касаясь на предыдущихъ страницахъ внутренней жизни санитарно-питательныхъ пунктовъ Россійскаго Земскаго Союза, я писалъ какъ разъ о шестомъ отрядѣ; онъ является наиболѣе типичнымъ, и по его образцу,— т.-е. съ такимъ количествомъ медицинскаго персонала, сестеръ, санитаровъ, администраціи, вѣдающей внутренній распорядокъ пункта, съ той же сферой дѣятельности и тѣмъ же необходимымъ оборудованіемъ — устроены и остальные отряды.

Такихъ отрядовъ у земства восемь, отдѣленіе N. отряда обслуживаетъ Граево, Лыкъ, Гумбиненъ; тотъ самый безостановочный поѣздъ, который привелъ насъ съ уполномоченнымъ главнаго комитета Земскаго Союза

Н. Н. Ковалевскимъ къ убѣжденію о преимущественной выносливости женщины.

Хозяйство каждаго отряда—большое и сложное хозяйство. N—ій отрядъ имѣетъ, напримѣръ, двадцать автомобилей, изъ которыхъ двѣнадцать исключительно служатъ для перевозки раненыхъ. Въ седьмомъ отрядѣ предполагалось число автомобилей довести до сорока. Кромѣ того, каждый пунктъ имѣетъ лошадей, повозки и массу вещей, связанныхъ съ потребностями самаго дѣла. Иногда пункту приходится внезапно сниматься съ насиженнаго мѣста и двигаться туда, гдѣ нужда въ помощи раненымъ ощущается острѣе. Иногда приходится попадать подъ обстрѣлъ, и почти всегда вести ночную жизнь. Современная война окоповъ не выпускаетъ днемъ раненыхъ. Они выползаютъ ночью, когда уже темно, и ночью начинается особенно усиленная дѣятельность пункта. А о количествѣ работы говорятъ случайныя, сорвавшіяся за стаканомъ чая въ общемъ разговорѣ, цифры; такъ, напр., на пунктѣ А, стоявшемъ въ имѣніи князя В. Б—ахъ, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ первой линіи окоповъ, за два дня—вѣрнѣе, за двѣ ночи—доктору пришлось сдѣлать свыше 500 перевязокъ... Пятьсотъ человѣкъ, выползшихъ и вынесенныхъ изъ окоповъ, были перевязаны, накормлены, напоены чаемъ, уложены спать, потомъ эвакуированы. Чтобы выполнить всю эту работу въ свое время, надо имѣть дѣйствующую, какъ хорошо налаженная машина, организацію; и это организація одного пункта. Такихъ пунктовъ въ отрядѣ три; отрядовъ—восемь. Простое умноженіе показываетъ сѣть, брошенную на передовую линію дерущихся войскъ общественной организаціей. Если къ этому прибавить сказанное выше о поѣздахъ, перебрасывающихъ раненыхъ во внутреннія губерніи Россіи, о 200.000 коекъ тамъ, о двухъ съ половиной тысячахъ коекъ въ Варшавѣ, оборудованныхъ вкупѣ съ польскимъ комитетомъ санитарной помощи, цѣль которыхъ дать пріютъ тѣмъ раненымъ, кто долженъ

переждать въ Варшавѣ момента эвакуаціи, коекъ, особенно проявившихъ себя въ разгарѣ лодзинскихъ боевъ,—читателю до нѣкоторой степени станетъ понятна роль русской общественности въ современной войнѣ.

Она ширится и растетъ. Привступаютъ новыя силы, и одинъ притокъ, постоянный, не останавливающійся ни на одинъ день притокъ пожертвованій Всероссійскому Земскому Союзу для нуждъ арміи, внятнымъ и властнымъ языкомъ говоритъ о распространяющемся микробѣ общественности.

О томъ, какъ относится Польша къ дѣятельности Союза, какъ-нибудь въ другой разъ. Это должно служить предметомъ особаго подробнаго письма. Въ данной замѣткѣ я пытался набросать приблизительный силуэтъ организаціи. Я многаго не сказалъ, ибо хотя бы перечислить все—можно только въ спеціальномъ трудѣ, поскольку мнѣ извѣстно, имѣющемъ появиться послѣ войны. Я не сказалъ о сотняхъ лошадей, закупленныхъ на средства Союза для разореннаго населенія Польши, о спеціально питательныхъ пунктахъ, о предполагающейся широкой работѣ для разореннаго населенія, работѣ, подготовка къ которой уже идетъ сейчасъ.

Въ краткомъ газетномъ письмѣ нельзя охватить огромное общественное явленіе. Его можно только отмѣтить и сдѣлать попытку очертить его общій обликъ, и можно еще отъ лицъ всѣхъ, кому дороги общественное начинаніе, общественная иниціатива, общественная самодѣятельность, выразить благодарность иниціаторамъ и работникамъ этого дѣла.

Земной поклонъ имъ.

СВѢТЛЫЯ ДУШИ.

I.

Старинный, простой и исполненной особой значительности архитектуры, костелъ виденъ издали. Онъ построенъ просто и крѣпко, какъ строили въ старину, и по всѣмъ этажамъ окруженъ пристройками-коридорами, придающими ему странный домовитый характеръ. И весь костелъ издали похожъ на большой жилой домъ, украшенный по концамъ крышами двухъ вышекъ. Въ одной, заплетенной десяткомъ тонкихъ, мало гармонирующихъ съ общимъ типомъ зданія, колоннъ,—колокольня, въ другой—допотопные, кузнечной работы, часы. Они громоздки, неуклюжи и тяжелы, и новыя времена не по нимъ: они привыкли отмѣчать неторопливые часы громоздкой, неуклюжей и тяжелой жизни среднихъ вѣковъ, жизни, когда крохотная горсточка привилегированнаго сословія могла называть свое бытіе жизнью, а все остальное только тянуло безнадежную смѣну подъяремныхъ дней.

И колокола въ другой башенкѣ какіе-то робкіе, чуть-чуть жалкіе, и кажется, что главный изъ нихъ,—старый, усталый колоколъ,—съ трещиной: когда онъ звонитъ, въ его порывистомъ, вздрагивающемъ звукѣ тонкой струйкой стонетъ жалоба.

На новыя времена, на странные дни, на непонятныхъ людей.

Костелъ старъ, похожъ на жилой домъ, и въ этомъ

есть свое очарованіе: чудится, что, когда воздвигали эти огромныя стѣны, путанную сѣть коридоровъ и переходовъ, безконечные подвалы и погреба подъ фундаментомъ, Богъ былъ ближе къ людямъ. Онъ жилъ съ ними заодно, простой и грубой жизнью, и близость Его чувствовалась всѣми. Съ Нимъ обращались запросто, и домъ Его служилъ пріютомъ въ тяжкую годину людямъ, которые располагались здѣсь со всей нечистотой человѣческаго жилья; приходили и располагались такъ же просто и съ чувствомъ собственнаго права на это, какъ пришли бы къ какому-нибудь старому патріарху рода—дѣду или прадѣду, милостиво и просто принявшему ихъ.

Тяжкая година опять постигла страну, когда небеса стали выше, служенія торжественнѣе, когда смута пошла между людьми, и исчезло чувство близости Бога; люди опять пришли въ домъ Его,—старый, окруженный дымкой сѣдыхъ преданій домъ, и такъ же благостно и милостиво, какъ патріархъ рода, не знающій даже именъ безчисленныхъ отпрысковъ своего поколѣнія, древній костелъ принялъ и укрылъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ и стоитъ, вспоминая древнія времена, когда угрюмый и нелюдимый кузнецъ, строитель безсмертныхъ часовъ, угрюмо прислушивался къ медленному перезвону своего творенія.

Это — костелъ братьевъ-реформатовъ, въ М—хъ, въ древнія, поросшія сѣдиной времена—религіозный центръ Л—каго княжества, теперь пунктъ соприкосновенія германской и русской армій.

II.

Эти пункты замѣчательны сами по себѣ. Фронтъ дѣйствующей арміи растянутъ на нѣсколько сотъ верстъ. На огромномъ разстояніи тянутся черточки окоповъ, наполненныхъ людьми, готовыми каждую минуту умереть. Не беря на себя какой-либо отвѣтственности за истинное положеніе вещей, я считаю долгомъ высказать

собственное мое впечатлѣніе отъ этой узенькой ленточки, озаряемой по ночамъ вспышками ружейныхъ выстрѣловъ.

Такъ много крови было пролито на этой линіи, такъ много героическаго, прекраснаго, возвышеннаго было влито въ защиту этой линіи, что отступленіе отъ нея сдѣлалось психологической невозможностью. Это чувствуется въ каждомъ солдатѣ; смерть здѣсь, въ одномъ изъ окоповъ, этомъ звенѣ растянувшейся на нѣсколько сотъ верстъ цѣпи—возможна; она ожидается спокойно, безъ волненія, какъ печальная необходимость. Но отступленіе хотя бы на вторую линію окоповъ — немыслимо. Оно немыслимо по психологіи солдата, потому, что такой героической, славной цѣной утвержденная линія не можетъ быть передвинута иначе какъ послѣ смерти отстаивавшихъ ее.

Я не беру на себя отвѣтственности за то, что такъ— и именно такъ—разсуждаетъ каждый солдатъ. Вѣрнѣе всего, онъ никакъ не разсуждаетъ, а просто всѣмъ своимъ солдатскимъ нутромъ ощущаетъ эту невозможность. Война внесла измѣненія въ человѣческую натуру. Отнявъ обычное, она придала ей новое, свое, порожденное ночными атаками, потерями товарищей, недѣльными сидѣніями подъ рвущимися надъ окопами шрапнелями, тысячами вещей, заполнившими пробѣлъ отошедшаго въ прошлое обычнаго.

И солдатъ, отстаивающій протянутую войной линію, чувствуетъ невозможность двинуться назадъ, какъ въ прежней жизни чувствовалъ невозможность продать старинный мѣдный крестъ, что отъ дѣдовъ и прадѣдовъ стоитъ между иконами въ переднемъ углу, какъ чувствовалъ невозможность разорвать связь съ землей, съ ея трудомъ, и ни съ того ни съ сего уйти въ городъ и поступить въ дворники.

Есть, конечно, бросающіе землю и уходящіе въ дворники, но каково ихъ число, по сравненію съ общей

крестьянской массой? Этотъ процентъ исчисляется единицами на тысячу.

И на этой линіи стоитъ старый, обросшій всяческими пристройками и коридорами костелъ.

Въ немъ сохраняется чудотворная икона Святого Семейства. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ настоящаго костела была когда-то бѣдная часовенка, въ которой на столбѣ помѣщалась икона. Чудеса исцѣленій слѣпыхъ, параличныхъ, лишенныхъ рѣчи прославили ее настолько, что мѣстный властитель отправился къ папѣ въ Римъ съ просьбой разрѣшить выстроить здѣсь костелъ.

Папа прислалъ нунція, произведшаго точное слѣдствіе, установившее наличность исцѣленій, и разрѣшеніе было дано. И до сихъ поръ въ алтарѣ костела стоитъ грубый деревянный столбъ, наполовину источенный прикосновеніями вѣрующихъ, на которомъ нѣкогда помѣщалась чудотворная икона.

Здѣсь же виситъ поясъ ловичскаго воеводы изумительно-тонкаго художественнаго шитья, золотомъ и серебромъ. Когда смотришь на такія вещи, — простыя, бытовыя вещи каждодневнаго обихода, — чувство невольной смутной грусти охватываетъ человѣка. Какія руки клали чуть-чуть потускнѣвшія нити, сплетая сложный оригинальный орнаментъ? Какія другія руки отстегивали его золотую пряжку въ разгаръ веселаго пира и стягивали его туже передъ княжеской забавой охоты и торопливо рвали тугія застежки на полѣ брани, когда владѣлецъ его, раненый какимъ-нибудь топоромъ или бердышемъ, истекалъ густой княжеской кровью? Вещи хранятъ вѣковые слѣды прикосновеній; онѣ какъ бы впитываютъ нѣчто изъ окружающаго, и умѣющій слышать можетъ подслушать ихъ смутный, невнятный шопотъ о дремучей были.

Самая икона закрыта. Иной, новаго письма образъ закрываетъ ее, и только движеніе ксендза, благоговѣйно шепчущаго слова молитвы, открываетъ, какъ дверцу,

эту новую икону, чтобы за нею открылась древняя святыня.

Она не избѣгла печальной участи безвѣрія нашего времени. Однажды она была похищена, и всѣ драгоцѣнности, свыше чѣмъ на полмилліона рублей, оказались сорванными. Самая икона нашлась и впослѣдствіи была коронована папой: красной, величественной сѣнью ее обнимаетъ царственная мантія, надъ которой—папская корона.

III.

Самое интересное—подземелья костела, его „пивница". погреба. Старый костелъ вѣренъ себѣ: какъ сотни лѣтъ назадъ укрывалъ онъ всѣхъ, надъ кѣмъ разражалась гроза войны, такъ и теперь, добродушно и благостно, какъ патріархъ безчисленнаго рода, пріютилъ онъ въ себѣ бѣженцевъ изъ занятыхъ нѣмцами областей.

Они живутъ въ темныхъ и таинственныхъ подземельяхъ стараго храма, живутъ безъ свѣта, странной, необычной жизнью и, главное, безъ надежды уйти отсюда. Всѣ они, главнымъ образомъ, бѣженцы изъподъ Ловича; лошадей частью реквизировали у нихъ нѣмцы, частью они сами продали, чтобы хоть чѣмъ-нибудь питаться.

У нихъ нѣтъ лошадей, нѣтъ повозокъ, и домъ ихъ—подземелье костела. Они заперты здѣсь, и, можетъ-быть, всѣ 180 человѣкъ постепенно начали бы умирать отъ истощенія, отъ недостатка питанія, если бы Всероссійскій Земскій Союзъ не двинулъ своихъ походныхъ кухонь и не кормилъ ихъ.

Они живутъ въ непосредственной близости съ мертвецами: рядомъ, за заложенной всякимъ домашнимъ скарбомъ, перинами, подушками и проч., аркой—древняя усыпальница.

Надо отдать справедливость древнему бальзамированію: истлѣло все: одежда, иногда доски внутренняго де-

ревяннаго гроба,—рѣдко гдѣ увидишь на рукѣ трупа остатки золотого шитья,—но самый трупъ лежитъ, какъ будто былъ положенъ сюда вчера. Сохранилась даже эластичность кожи, подающейся подъ надавливаніемъ, какъ резина, а они лежатъ здѣсь двѣ-три сотни лѣтъ.

Какой странный, сказочный видъ имѣютъ эти открытые гробы при мерцающемъ свѣтѣ свѣчи! Сухія, обтянутыя лица хранятъ печать строгой и важной думы. Сохранившіеся мускулы, неразрушенныя кости придаютъ странную живость этимъ двухсотлѣтнимъ покойникамъ.

Нѣкоторые лежатъ по двое въ одномъ гробу, и мелькающія тѣни и пятна скуднаго свѣта кладутъ тѣнь странной усмѣшки на лица ихъ. Какъ будто только сейчасъ, для назойливаго посѣщенія глупыхъ живыхъ людей, умолкли они, прекративъ таинственную и глубокую бесѣду о томъ, чего не можетъ понять живущій.

Давно истлѣла ветхая одежда братьевъ-реформатовъ, желтыя неподвижныя ноги освободились отъ грубыхъ сандалій, и только толстая веревка съ многочисленными узлами попрежнему обвиваетъ бедра.

Странное замершее въ вѣчной темнотѣ и вѣчной неизмѣнности царство смерти... Особенно странно отъ того, что сама смерть тутъ же, надъ этимъ кладбищемъ, шагаетъ широкими шагами войны и смѣется своимъ темнымъ смѣхомъ и бросаетъ свои сѣмена щедрой рукою.

Странный покой гробового безмолвія, когда кругомъ по всей странѣ ревутъ стальныя жерла пушекъ, и дикимъ воемъ завываютъ шрапнели... И это не фигуральное выраженіе, это—фактъ.

Отъ М. до Г. приблизительно шесть верстъ. Въ Г. уже нѣмцы. Наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, смущаемые далеко виднымъ зданіемъ стариннаго костела, они двинули бронированный автомобиль, вооруженный дальнобойной скорострѣльной пушкой, къ М. И сорокъ минутъ клали снарядъ за снарядомъ по костелу и перевязочно-питательному пункту Всероссійскаго Земскаго Союза.

Пунктъ С. N-го отряда земства пережилъ жуткія минуты. Единственно, что̀ можно было сдѣлать—это моментально свернуться и уйти, о чемъ и сдѣлалъ распоряженіе уполномоченный М. Н. Б—нинъ. Но въ это время стали появляться раненые, и персоналъ отряда тутъ же, подъ огнемъ, приступилъ къ своимъ прямымъ обязанностямъ—перевязкѣ.

Снаряды рвались въ двадцати пяти шагахъ отъ занятыхъ пунктомъ избъ. Помощникъ уполномоченнаго, студентъ московскаго Коммерческаго Института З. Б. В—ъ, оказался серьезно контуженнымъ разорвавшимся возлѣ него снарядомъ. Тутъ же, передъ самымъ пунктомъ, упалъ убитый наповалъ крестьянинъ. Его судьба заслуживаетъ вниманія. Война опять—это съ ней иногда бываетъ—рѣшила сыграть съ этимъ несчастнымъ крестьяниномъ-ксенжакомъ одну изъ своихъ шутокъ. Шутка войны всегда подчеркнута яркой человѣческой кровью, и почти всегда изъ-за нея скалится въ дикой улыбкѣ лишенный покрововъ черепъ смерти.

Этотъ крестьянинъ бѣжалъ отъ войны изъ-подъ Ловича. Забравъ самый необходимый скарбъ и всю семью въ телѣгу, на одной лошади онъ побрелъ отъ страшной линіи войны, бросивъ хозяйство, бросивъ домъ, спасая жизнь семьи и свою. Смерть дала ему уйти до М., гдѣ разорвавшійся среди улицы снарядъ поставилъ точку неоконченной фразѣ.

Результаты этого набѣга на Краснокрестную организацію были такіе: двадцать одинъ человѣкъ убитъ—изъ крестьянъ и проходившихъ солдатъ; одиннадцать ранено. Убиты также четыре лошади.

Есть вещи, о которыхъ говорить надо какими-то особыми, пламенными и вмѣстѣ интимными словами. Можетъ-быть, они, выявляя истинную сущность человѣческой души, своимъ прекраснымъ значеніемъ оправдываютъ жестокое дѣло войны. Когда слышишь о такихъ фактахъ, хочется жить и вѣрить въ жизнь, и вѣрить въ прекрасную душу человѣка.

Въ то время, какъ вдали грохотали выстрѣлы привезеннаго на автомобилѣ орудія, и снаряды крошили человѣческія жизни, и смерть витала надъ крохотнымъ, затерявшимся на картѣ селомъ, три сестры подъ наблюденіемъ женщины-врача В. П—ой, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, подъ огнемъ, дѣлали сложную и трудную перевязку тяжело раненаго.

У солдата осколками снаряда перебило обѣ руки и ногу; надо было положить такъ называемыя неподвижныя повязки, заключить ногу и руки въ лубки—дѣло, требующее спокойствія, полнаго хладнокровія и времени.

Когда остальныя сестры и санитары хлопотали съ укладкой вещей, когда кучера спѣшно запрягали лошадей, чтобы эвакуировать пунктъ, женщина-врачъ и три сестры накладывали марлю, обмывали раны, дѣлали перевязки.

Обстрѣлъ продолжался сорокъ минутъ. Сложная перевязка при всей спѣшности работы потребовала двадцать.

Двадцать минутъ отвѣтственной, требующей напряженнаго вниманія, соблюденія тысячи условій асептики, серьезной работы въ то время, когда кругомъ рвутся снаряды и костлявый палецъ смерти отмѣчаетъ свои жертвы.

Когда узнаешь объ этомъ,—вѣра въ человѣка крѣпнетъ.

НЕЗАМѢТНЫЕ ПОМОЩНИКИ.

I.

Эта война имѣетъ одну особенность: она затягиваетъ собою людей, не имѣвшихъ до нея ничего общаго съ военнымъ міромъ.

Выявляя иногда изъ-подъ всѣхъ сложныхъ и сумбурныхъ напластованій жизни истинную сущность человѣка, иногда поражающую своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, она порою двигаетъ людей на поступки, одно предположеніе о которыхъ полгода тому назадъ заставило бы совершившаго ихъ разсмѣяться.

Война затягиваетъ настолько, что вся страна чувствуетъ себя непосредственной участницей ея, и каждый день поѣзда перебрасываютъ все новыя и новыя толпы людей, ѣдущихъ съ желаніемъ такъ или иначе приложить свои руки къ большому общему дѣлу. И чѣмъ ближе линія подлинной настоящей войны, тѣмъ непосредственнѣе человѣкъ чувствуетъ какую-то неясную, но очень опредѣленно ощущаемую, обязанность свою подставить свое плечо подъ колесо огромной машины войны, помочь своимъ усиліемъ двинуть ее впередъ, ближе къ напряженно ожидаемой всѣми цѣли.

Мнѣ уже приходилось нѣсколько разъ говорить о томъ, какъ работаютъ передовые отряды. Съ явной опасностью для собственной жизни, не щадя силъ, не обращая вниманія на время, надѣясь на крѣпость своего организма, люди работаютъ по восемнадцати часовъ въ

сутки, не спятъ по три ночи, лѣзутъ подъ убійственный обстрѣлъ для того, чтобы выхватить раненыхъ и переправить ихъ на пунктъ, гдѣ имъ можно сдѣлать перевязку.

Шесть мѣсяцевъ войны уже насчитываютъ не малое количество жертвъ, положившихъ свою жизнь за святое дѣло помощи раненому. Мы знаемъ о сестрахъ, убитыхъ при исполненіи своихъ обязанностей, знаемъ о санитарахъ, искалѣченныхъ во время уборки раненыхъ, и мы не знаемъ, не слышимъ, — потому что это мелочи, пустяки, о которыхъ здѣсь, гдѣ кругомъ льется столько крови, и нѣтъ часа, чтобы не слышно было смертоноснаго грохота, некогда, не стоитъ объ этомъ говорить, — мы не слышимъ о томъ, сколько молодыхъ силъ подорвали себя бѣшенымъ переутомленіемъ, недоѣданіемъ и проч.

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что всѣ эти чрезмѣрныя жертвы, быть-можетъ, и совсѣмъ не нужны. Разъ есть много желающихъ работать—нужно только правильно распредѣлить эту работу, и не будетъ переутомленій и проч. Кто знаетъ? Можетъ-быть, этого легко избѣжать; можетъ-быть, въ сухо дѣловомъ смыслѣ это и не нужно.

Но это нужно, безконечно нужно потому, что каждый такой случай говоритъ объ огромномъ желаніи помочь по мѣрѣ силъ двигать колесницу войны; это необходимо нужно тѣмъ, что, узнавая о каждомъ такомъ фактѣ, мы всѣ, принявшіе на свои плечи милліонную часть тяжести этой войны, видимъ, что она идетъ побѣдоносно, что при наличности этихъ фактовъ война не можетъ не быть успѣшной, ибо непосредственно-орудующаго съ винтовкой человѣка мы уже знаемъ и въ немъ никогда не сомнѣвались.

Настоящій моментъ войны сводится по существу только и почти исключительно къ тому, чтобы этому самому человѣку съ винтовкой, который опредѣленно рѣшилъ „помирать, такъ помирать, а назадъ ходу

нѣтъ" — этому человѣку помочь дѣлать его дѣло наиболѣе свободно, удобно, хорошо.

Всѣ эти пункты, отряды, госпитали, лазареты, чайныя и проч., и проч. — одухотворены только одной цѣлью, одной идеей, двигающей тысячами работающихъ во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ людей: какъ-нибудь, по мѣрѣ своихъ силъ и знанія, помочь и облегчить ему, „который съ винтовкой", дѣлать нужное для всѣхъ.

Отступая назадъ отъ раіона боевъ и перебирая въ памяти сотни лицъ и тысячи фактовъ, человѣкъ получаетъ странное и утѣшительное впечатлѣніе.

Зрительно, въ сжатомъ видѣ, въ обнаженной до карикатурности формѣ, это можно было бы изобразить такъ: человѣкъ съ винтовкой, серьезный, обстоятельный, отрѣшенный отъ всего, что̀ не война, не бой, не окопъ, не атака, карабкается на высокую, страшно трудную гору, на вершинѣ которой — побѣда. Сотни людей разныхъ пунктовъ, организацій и проч. не спятъ ночей, работаютъ до переутомленія, пытаясь подставить карабкающемуся человѣку хоть какую-нибудь опору подъ ногу, чтобы хоть на моментъ ему можно было отдохнуть, перевести духъ.

Самоотверженность въ этомъ отношеніи достигаетъ забвенія собственной жизни. Мы знаемъ случаи, когда люди, не державшіе никогда въ рукахъ никакого оружія и вооруженные только повязкой Краснаго Креста на лѣвомъ рукавѣ, оказывались ранеными; знаемъ случаи, когда они умирали незамѣтной, тихой, невидной смертью на своемъ славномъ посту.

II.

Не такъ давно помощникъ уполномоченнаго N-го земскаго перевязочно-санитарнаго пункта, студентъ московскаго Коммерческаго Института З. Б. В—ъ, оказался одной изъ жертвъ своего долга.

Онъ отправился съ санитарами за ранеными въ знаменитое своимъ колоссальнымъ обстрѣломъ село К.; и, когда раненые были взяты, нѣмецкій снарядъ упалъ возлѣ студента, свалилъ его съ ногъ и разорвался съ страшнымъ грохотомъ. Случайно, чудомъ, студентъ оказался не раненымъ, а только контуженнымъ. Но это „только“ иногда хуже раны; контузія порою влечетъ за собою инвалидность на всю жизнь.

Къ контузіи у насъ, въ большой публикѣ, установилось какое-то не серьезное отношеніе. При извѣстіи о контузіи люди пожимаютъ плечами и, махая рукой, небрежно бросаютъ:

— Ахъ, контузія, это — пустяки!.

Декорація войны — той войны, которой никогда и нигдѣ нѣтъ, но которая упорно рисуется далекимъ отъ истинныхъ событій людямъ — требуетъ крови, раны, забинтованной головы, или хотя бы руки на перевязи. А тутъ никакой раны, никакой крови, а очень часто этакій во всю половину головы, возбуждающій въ обычной жизни юмористичечкое отношеніе, какой-нибудь синякъ... Странно, почти смѣшно, но, повторяю, это — иногда хуже открытой раны. Происходитъ страшное сотрясеніе всего организма. Очень часты внутреннія кровоизліянія, и, что̀ страшнѣе всего, — въ мозгу. Они невелики, частичны, но они влекутъ за собой мѣстные и общіе параличи, потерю памяти, разстройство мозговой дѣятельности и проч.

Я знаю случай (увы! — очень близкій!), когда легко, очень легко контуженный человѣкъ, помимо того, что мучился ужасающей рвотой цѣлыя сутки послѣ контузіи, двѣ слишкомъ недѣли мучился по вечерамъ головной болью, отъ которой хотѣлось застрѣлиться, температурѣлъ, трясся въ лихорадкѣ, тратилъ необъятное количество энергіи на то, чтобы продолжать дѣло, съ которымъ въ обычное время справлялся свободно и легко... Двѣ слишкомъ недѣли происходило разсасываніе резуль-

татовъ потрясенія организма, вызваннаго прямо-таки дѣтской по легкости контузіей.

Студентъ, помощникъ уполномоченнаго, былъ поднятъ безъ сознанія. Сутки онъ пролежалъ на пунктѣ, а затѣмъ, по настоянію докторовъ, его пришлось эвакуировать въ городъ для болѣе или менѣе продолжительнаго лѣченія и главнымъ образомъ — отдыха.

Человѣкъ, никогда вѣроятно не представлявшій себѣ, какъ вдавливается въ магазинъ винтовки обойма съ патронами, выбылъ изъ строя по спеціально военнымъ, такъ сказать, причинамъ. И это потому, что главной нитью жизни этого человѣка во время войны было исключительно одно: какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь помочь тому человѣку, что засыпаемый снарядами, сидитъ въ окопахъ, ходитъ въ ночныя атаки, — карабкается на высокую гору войны,—падаетъ, простѣленный шрапнельной, или пулеметной, или ружейной пулей...

III.

Кругозоръ одного человѣка невеликъ; онъ ограниченъ пространствомъ и временемъ, и попадающее въ него случайно. Но такъ велика событіями такого рода эта война, что даже самыя случайности пріобрѣтаютъ какую-то типическую закономѣрность, подчеркивающую общую идею. А идею эту, выраженную прекраснымъ крестьянскимъ языкомъ, подмѣтилъ, при аналогичныхъ условіяхъ, еще Толстой, когда писалъ эпопею прообраза этой кампаніи — „Войну и миръ“. Ополченецъ на Бородинскомъ полѣ передъ сраженіемъ говорилъ напряженно ловящему штрихи войны Пьеру:

— Всѣмъ міромъ навалиться хотятъ!..

Это „всѣмъ міромъ“ мы наблюдаемъ въ эту войну въ совершенно особенныхъ формахъ. Я лично, со своимъ крохотнымъ кругозоромъ отдѣльнаго человѣка, видѣлъ въ этой области вещи почти курьезныя. Я знаю, напримѣръ, молодого графа, представителя одной изъ старин-

нѣйшихъ фамилій, наслѣдника состояній, одинъ годовой доходъ которыхъ могъ бы окупить бюджетъ двухъ-трехъ нѣмецкихъ княжествъ, воспитывавшагося въ Оксфордскомъ университетѣ, работающаго теперь въ общественной организаціи надъ важнымъ и необходимо-нужнымъ, но самымъ неинтереснымъ, скучнымъ дѣломъ. Молодой графъ, имѣвшій сношенія съ кучерами только постольку, поскольку ему надо было сказать адресъ, куда кучеръ долженъ былъ его доставить,— принялъ во время войны въ свое вѣдѣніе всѣ перевозочныя конныя средства организаціи, цѣлыми днями разъѣзжаетъ по пунктамъ, покупаетъ лошадей, торгуется съ кучерами, воюетъ изъ-за грязныхъ крестьянскихъ повозокъ и проч.

Дѣло необходимое, дѣло, отъ котораго зависитъ прежде всего помощь раненымъ, которыхъ перевозятъ на этихъ самыхъ повозкахъ и лошадяхъ, но, вѣроятно, представитель имени, упоминаемаго исторіей въ каждомъ столѣтіи, въ связи съ событіями, мѣнявшими карту Европы,— человѣкъ, при встрѣчѣ съ которымъ въ вестибюлѣ фешенебельнаго отеля Варшавы высокія особы считаютъ долгомъ вѣжливости обмѣняться любезными фразами,— могъ бы найти болѣе блестящее поле дѣятельности. Но въ данный моментъ нужно было именно поставить „лошадино-кучерское“ дѣло,—и графъ надѣлъ огромные сапоги, сталъ мотаться изо дня въ день по ужасающимъ дорогамъ, спать, не раздѣваясь, на какихъ-нибудь носилкахъ для раненыхъ, и проч.

Знаю я и другой случай. На одномъ изъ пунктовъ я нѣсколько разъ встрѣчалъ молодого, веселаго человѣка, чрезвычайно любезнаго и корректнаго, завѣдывавшаго хозяйственной частью пункта. Дѣло это самое скучное, самое непріятное и хлопотное, какое только можетъ быть на войнѣ. Въ арміи, въ госпиталяхъ, для него назначается человѣкъ, извѣстный подъ титуломъ „смотрителя“ — полуинтеллигентный, изъ выслужившихся воен-

ныхъ писарей, бойкій, себѣ на умѣ, не говоря „о чемъ другомъ прочемъ“, типъ почему-то въ массовомъ выявленіи своемъ весьма и весьма не симпатичный.

Молодого человѣка на пунктѣ я видѣлъ то съ какими-то вѣдомостями, въ которыхъ онъ выводилъ цѣлыя колонны цифръ, то на дворѣ возлѣ походной кухни, гдѣ поваръ разрубалъ тушу мяса на порціи, то верхомъ съ двумя санитарами, отправляющимся куда-то „добывать пропитаніе“, какъ, посмѣиваясь, говорилъ онъ при такой встрѣчѣ. Когда мнѣ случилось ночевать на пунктѣ, рано утромъ, когда все кругомъ спало, я имѣлъ случай наблюдать, какъ этотъ молодой человѣкъ садился на своемъ разложенномъ на полу тощемъ тюфякѣ, набитомъ соломой, и, кряхтя и почесывая затылокъ, соображалъ все тѣ же хозяйственныя дѣла.

На войнѣ часто такъ бываетъ; знакомъ съ человѣкомъ долгое время, знаешь его въ лицо, при встрѣчахъ радуешься, какъ близкому другу, и при чьемъ-нибудь постороннемъ вопросѣ о фамиліи — только пожимаешь плечами:

— А Богъ его знаетъ, какъ его фамилія! Знаю человѣка давно, знаю, кто онъ и что онъ, а фамиліи какъ-то не удосужилось узнать...

Такъ у меня вышло и съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Слыхалъ я, какъ поляки-санитары, поваръ, кучера обращались къ нему со словами: „пане ксенже“, но какъ-то мелькало это мимо слуха, не обращая на себя вниманія.

И какъ-то разъ вечеромъ, когда мы всѣ — человѣкъ пять — ложились спать, зашелъ разговоръ о старинныхъ фамиліяхъ этого края. Графъ, вѣдующій въ организаціи „кучерскимъ вопросомъ“, сталъ припоминать уцѣлѣвшія древнія фамиліи, не порвавшія связи съ краемъ. Молодой человѣкъ, уже лежавшій подъ своимъ полушубкомъ, докуривая папиросу, вставилъ:

— Графъ забылъ нашу фамилію!

— Нѣтъ, я помню,—возразилъ графъ:—но только вы вѣдь главнымъ образомъ на Волыни...

Уже почти засыпая, я спросилъ, нѣсколько потерявъ нить разговора:

— Какая фамилія?

— Наша, — отвѣтилъ молодой человѣкъ: — князей... И тутъ онъ назвалъ двойную стариннѣйшую фамилію, имѣвшую своихъ представителей на виднѣйшихъ государственныхъ постахъ, выдвинувшую послѣ насильственной смерти одного изъ государственныхъ дѣятелей на постъ министра одного изъ носителей этой фамиліи, восходящую прямой линіей до Рюрика, и самымъ звукомъ своей первой части опредѣленно указывающую на родоначальника, отмѣченнаго исторіей въ туманы временъ за Андреемъ Боголюбскимъ, Владиміромъ Красное Солнышко и т. д.

Я могъ бы перечислять эти случаи до безконечности, только подтверждая сказанное выше по поводу фразы толстовскаго ополченца „навалиться всѣмъ міромъ“. Но не только въ области мирной, такъ сказать, работы встрѣчаются такія подтвержденія. Помогать своимъ плечомъ движенію всей колесницы, класть на это время трудъ, знаніе, иногда здоровье—порою жизнь *), это теперь чувствуется какъ необходимость, долгъ—и простой разговоръ о томъ, что могло бы быть,—и не такъ давно, всего десять лѣтъ тому назадъ, было иначе,—теперь возбудилъ бы только недоумѣніе.

Если обстоятельства складываются такимъ образомъ, что нужно взять въ свое вѣдѣніе „лошадиный вопросъ“,—какіе могутъ быть разговоры? Значитъ, это нужно дѣлать, отбросивъ въ сторону всякія соображенія о привычномъ комфортѣ, образѣ жизни и проч.

---

*) Какъ это недавно случилось съ работавшимъ въ Красномъ Крестѣ, только-что награжденнымъ Георгіевскимъ крестомъ юношей графомъ Андреемъ Толстымъ.

Нужно завѣдывать хозяйствомъ? Прекрасно, вотъ моя голова, руки, если онѣ могутъ послужить съ пользой этому маленькому, незамѣтному дѣлу—отлично, и говорить не о чемъ.

Нужно подъ огнемъ, среди рвущихся снарядовъ подобрать раненыхъ? Великолѣпно, вѣдь это же входитъ въ мои непосредственныя обязанности, т.-е. подборка раненыхъ, а что̀ касается контузіи и проч., это уже вопросъ „потусторонній“.

Такъ чувствуется всѣми слитность общаго дѣйствія, толкающаго машину войны, что иногда люди выполняютъ весьма опасныя задачи, совершенно не входящія въ кругъ ихъ обязанностей, но отъ выполненія которыхъ можетъ зависѣть исходъ общаго дѣла.

IV.

Ночью на санитарно-питательный пунктъ Земскаго Союза явился раненый солдатъ. Раненіе было серьезное, солдату сдѣлали перевязку, стали поить чаемъ. За чаемъ солдатъ разсказалъ обстоятельства, при которыхъ онъ былъ раненъ.

Онъ былъ посланъ съ копіей телеграммы Верховнаго Главнокомандующаго отъ штаба дивизіи къ полковому командиру въ окопы. Когда онъ былъ на полдорогѣ, усиленно обстрѣливаемой нѣмцами, солдатъ получилъ сначала одну пулю—продолжалъ итти, потомъ вторую—упалъ. Потомъ кое-какъ дотащился до пункта.

—И вотъ вѣдь какая бумажка незадачливая!—качалъ головой солдатъ.—Третьяго человѣка посылаютъ съ ней—все не дойти ей куда нужно: перваго сразу убили, какъ только на эту самую дорогу вышелъ; второго ранили—еле успѣлъ передать раненому солдату, что̀ ползъ навстрѣчу, чтобъ назадъ снесъ и вѣсть далъ,—передалъ и померъ. Меня послали,—опять оказія: разъ вдарило—иду, думаю, авось доставлю, нѣтъ-таки второй разъ объ это мѣсто какъ звякнетъ!.. Такая незадачливая бумажка!..

Уполномоченный — М. Н. Б-нъ и помощникъ — графъ В. М.-П. взяли переданную бумажку и заглянули въ нее. Незадачливая бумажка оказалась важности чрезвычайной, и притомъ важности срочной.

Ѣхать назадъ въ штабъ, отдать бумажку, чтобъ ее опять вручили солдату, и тотъ пѣшкомъ пошелъ къ мѣсту назначенія бумажки — времени потеряется безконечное количество. Поговорили — и рѣшили, что вѣдь важно „бумажку“ доставить ко времени, а отсюда до окоповъ раза въ три ближе, чѣмъ отъ штаба.

Уполномоченный посмотрѣлъ на молодого графа и сказалъ:

— Ну, кто? Вы или я? Кому-нибудь надо, сами видите...

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ, — вступился графъ: — я скоро...

Графъ выѣхалъ верхомъ. Онъ зналъ приблизительное расположеніе окоповъ, но точная дорога не была извѣстна. Къ тому же ночь, темнота такая, что ушей лошади съ сѣдла не видно.

— Валяйте прямо на выстрѣлы, вѣрно тамъ N-скій полкъ!—посовѣтовалъ уполномоченный.—Ошибка только одна можетъ быть, — къ нѣмцамъ попадете вмѣсто нашихъ!—пошутилъ онъ на прощанье.

Графъ шевельнулъ поводьями,—и лошадь зашлепала по грязи.

Версты полторы онъ проѣхалъ дорогой, потомъ свернулъ—„на выстрѣлы“. И сразу же съ тонкимъ и жалобнымъ пѣньемъ стали пролетать пули. Въ ту ночь была одна изъ тѣхъ перестрѣлокъ, которыя поднимаютъ нѣмцы съ исключительной цѣлью не давать спать нашимъ. Наши отвѣчаютъ, — перестрѣлка иногда разгорается, иногда стихаетъ, но никогда не прерывается совершенно.

Страшный этотъ звукъ пролетающей гдѣ-то тутъ же пули. Въ темнотѣ, когда нервы напрягаются больше,

ухо ловитъ этотъ поющій, тонкій звукъ особенно чутко. Похожъ онъ на гудѣніе проносящагося шмеля, или, еще точнѣе, на громкое пѣніе стремительно несущейся въ золотомъ лѣтнемъ воздухѣ молодой пчелиной матки, когда она отроилась отъ родного улья, и за ней смутнымъ облачкомъ сверкаетъ въ воздухѣ весь молодой рой... Довольная, счастливая, еще полная только-что пережитаго восторга любви, она несется, какъ золотая пуля, и наполняетъ воздухъ звенящей пѣснью своего стремительнаго полета.

Чѣмъ дальше ѣхалъ графъ, тѣмъ больше неслось ему навстрѣчу этихъ поющихъ смертную пѣснь пчелъ. Онѣ падали гдѣ-то тутъ же, около, или уносились въ темноту ночи, и раза два пронеслись такъ близко, надъ самымъ ухомъ, что лошадь фыркнула и остановилась.

Извѣстно старое солдатское слово: „Та, которую слышишь — не страшна, эта — мимо; которая въ тебя — не услышишь!“ Графъ толкнулъ каблукомъ лошадь и поѣхалъ дальше.

Кругомъ тьма, никого нѣтъ—только вспышки орудійныхъ выстрѣловъ на горизонтѣ и непрерывная ружейная трескотня гдѣ-то впереди. Шутка уполномоченнаго, говорившаго объ единственной ошибкѣ—попасть вмѣсто русскихъ окоповъ въ нѣмецкіе—здѣсь, въ полномъ мракѣ, уже не казалась такой забавной.

„А чортъ его знаетъ, можетъ, и дѣйствительно къ нѣмцамъ попадешь?! Расположеніе окоповъ вѣдь неизвѣстно...“

Три черныхъ фигуры выросли подъ самой мордой лошади.

— О, чтобъ тебя, чуть подъ коня не попалъ!—вскрикнулъ кто-то внизу, шлепая въ сторонѣ по грязи. — Кто ѣдетъ?

— Гдѣ полковой командиръ N-скаго полка?

— Не знаемъ, мы другой части... Надо-быть, тамъ впереди!..

Фигуры мелькнули и тотчасъ же потонули въ темнотѣ. Графъ поѣхалъ дальше. Пули уже непрерывно пѣли кругомъ, какъ будто весь пчелиный рой окружилъ затерянаго въ ночи человѣка на лошади и пѣлъ вокругъ, суетливо танцуя въ воздухѣ. Графъ поднялъ лошадь на рысь и поѣхалъ прямо на выстрѣлы. Онъ проѣхалъ съ полчаса, какъ солдатскій окрикъ остановилъ его:

— Куда, прямо на окопъ съ конемъ, кто ѣдетъ?

— Гдѣ N-скій полкъ? Мнѣ командира полка нужно... Срочное дѣло!

— N-скій полкъ вправо... Мы къ нему примыкаемъ,— сильно вправо, такъ вдоль окоповъ и ѣзжай, тамъ спросишь!..

Графъ повернулъ направо и поѣхалъ вдоль линіи окоповъ. Это была вторая линія, гдѣ стояли резервы. Порой откуда-то изъ-подъ земли слышался смутный говоръ, иногда вспыхивала спичка, и уголекъ папироски загорался краснымъ глазкомъ,—тоже глубоко въ землѣ. Какъ въ дѣтской сказкѣ, страшные подземные гномы вылѣзли въ эту черную ночь поближе къ поверхности и ведутъ свои таинственные разговоры, и бродятъ съ крошечными красными фонариками, не рѣшаясь вылѣзти совсѣмъ наружу.

На полпути лошадь вдругъ шарахнулась въ сторону, дико захрапѣла и посѣла на заднія ноги. Графъ послалъ ее разъ, потомъ другой, но она попрежнему храпѣла, и это мѣсто пришлось взять далекимъ объѣздомъ.

Богъ его знаетъ, что тамъ было... Возможно — трупъ свѣжій, еще пахнущій кровью,—запахъ, приводящій животныхъ въ ужасъ,—недавно вынесенный изъ окопа.

— Гдѣ полковой командиръ N-скаго полка?

Хриплый, безсонный и простуженный голосъ отозвался изъ-подъ земли:

— Издѣся... Въ землянкѣ онъ тутъ!

— Ты кто,—денщикъ, вѣстовой?

— Такъ точно!

— Ну, вылѣзай, подержи пока лошадь.

Нѣсколько секундъ было молчаніе. Графъ, сильно наклоняясь съ сѣдла, присмотрѣлся и разобралъ тоненькую полоску свѣта отъ завѣшенной рогожей двери.

— Ну, что же ты, заснулъ?—окликнулъ онъ вѣстового.—Подержи, говорю, лошадь...

Нѣсколько смущенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно резонный голосъ подалъ подземный отвѣтъ:

— Такъ что вылѣзти никакъ невозможно, ваше высокородіе,—безпримѣнно убьетъ, ишь, такъ и ширяютъ пули...

— Ну, тогда подержи хоть поводъ!

Графъ спрыгнулъ съ сѣдла и протянулъ въ окопъ конецъ повода. Корявая загрубѣвшая рука приняла его.

Пачкаясь въ грязи и едва не придавивъ собою какую-то черную фигуру, метнувшуюся въ сторону, звякнувъ винтовкой, графъ слѣзъ въ окопъ и прошелъ къ землянкѣ. За завѣшенной рогожей дверью, возлѣ изображавшей столъ доски, на которой горѣла оплывшая свѣча, сидѣлъ немолодой съ серьезнымъ и усталымъ лицомъ человѣкъ. Графъ объяснилъ ему причину своего пріѣзда и передалъ злополучную бумажку. Полковой командиръ молча посмотрѣлъ на него, и легкая улыбка прошла по его лицу.

— Ну, что жъ—ничего?—спросилъ онъ.

— Пока ничего... Не знаю, какъ на обратномъ пути будетъ...—слегка пожимая плечами, улыбнулся графъ.

— Такъ. Ну, во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ... Большое спасибо, это очень важно, что вы привезли. Спасибо!—еще разъ повторилъ полковникъ, крѣпко пожимая руку неожиданнаго гонца.—Храни васъ Богъ...

Онъ помолчалъ еще секунду, не выпуская руки графа и глядя на него свѣтлыми утомленными глазами, и опять чуть-чуть улыбнулся:

— Вы не удивляйтесь: мы всѣ здѣсь вѣрующими стали... Кто прежде никогда и лба не крестилъ—всѣ мо-

литвы припомнилъ. Ну, еще разъ спасибо вамъ—и за то, что это привезли, и за раненыхъ нашихъ. Я слышалъ!

Онъ опять крѣпко пожалъ руку,—и графъ вышелъ.

Опять черный неподвижный мракъ, вязкая пашня подъ копытами лошади и назойливое нудное пѣніе невидимыхъ пчелъ...

Судьба хранила молодого графа. Онъ вернулся цѣлымъ и невредимымъ, пройдя дорогу, на которой легли три человѣка, два убитыми и одинъ съ двумя ранами. И когда шелъ этой дорогой, вѣроятно, меньше всего думалъ о геройствѣ, о красотѣ, о необычайности своего поступка. Двѣ мысли шли шагъ за шагомъ за нимъ на этомъ опасномъ пути: о томъ, что „незадачливую бумажку“ надо во что бы то ни стало доставить по назначенію, и о томъ, что гдѣ-то тутъ, въ сплошномъ черномъ мракѣ, неслышно бѣжитъ рядомъ, выжидая минуту, чтобы ударить, смерть. Его, молодого человѣка, посвятившаго свою жизнь совсѣмъ иному,—смерть.

Но это уже дѣло второстепенное.

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

I.

Восточная Пруссія далась русскому солдату не легко. Если на войнѣ каждая пядь пройденной земли полита кровью, то въ Восточной Пруссіи эта кровь лилась широкой и страшной рѣкой. Упорство врага,—упорство, побѣда надъ которымъ вѣнчаетъ неувядаемой славой русское войско,—поставило вопросъ о занятіи Восточной Пруссіи едва ли не на почву личнаго дѣла каждаго участвовавшаго въ этомъ кровавомъ шествіи.

Когда проѣзжаешь этими полуразрушенными и совсѣмъ разрушенными деревнями, когда смотришь на ломаныя линіи окоповъ, свивающихся въ какой-то путанный для посторонняго наблюдателя клубокъ, то глубокихъ, въ ростъ человѣка, канавъ, то едва выцарапанныхъ короткой лопаткой гнѣздъ, гдѣ едва можно человѣку приникнуть скорчившись, — чувствуешь, что здѣсь разыгрывалась величайшая трагедія.

Война—общее и темное понятіе для большинства сѣрыхъ участниковъ ея, выражающееся гораздо болѣе въ утомительныхъ переходахъ, сидѣньи по недѣлямъ въ окопахъ, гдѣ набирается вода по колѣно, во всей будничной обстановкѣ наступающей части — война время отъ времени собираетъ всѣ свои лучи въ одинъ фо-

кусъ, и человѣкъ участвуетъ въ высшемъ проявленіи войны—въ бою.

Онъ знаетъ, что это—бой, и что сегодня, быть-можетъ, онъ умретъ, или будетъ искалѣченъ; также знаетъ онъ, что надо взять ту или иную деревню, или лѣсокъ, или лощинку и просто, безъ личной трагедіи, спокойно, какъ на всякое дѣло, идетъ брать, окапывается, стрѣляетъ, перебѣгаетъ, пригнувшись, на новую дистанцію и опять, поцарапавъ землю, залегаетъ въ ямку и стрѣляетъ. И вдругъ вся масса этихъ людей вскакиваетъ, хватаетъ винтовку наперевѣсъ и съ ревомъ, крикомъ, уже почти ничего не помня, ничего не соображая, зная только одно, что остановиться нельзя, ибо это—смерть вѣрнѣе, чѣмъ на бѣгу впередъ, туда, откуда свинцовымъ дождемъ падаютъ пули,—бѣжитъ „въ штыки...“

Но общее дѣло войны—завоеванія или отраженія, ея значеніе, смыслъ, необходимость — не будитъ въ большинствѣ случаевъ личнаго чувства. Это личное, м о е чувство распыляется въ будничныхъ мелочахъ повседневной, даже боевой, жизни; конечно, я знаю, что война важна и необходима, поэтому я дѣлаю переходы въ пятьдесятъ верстъ, не сплю по три ночи, умираю въ окопѣ отъ какой-нибудь шрапнели, лежу до ночи, истекая кровью, раненымъ, пока вмѣстѣ съ темнотой явится возможность санитарамъ подобрать меня. Это я знаю,—но знаю тѣмъ далекимъ, разсудочнымъ соображеніемъ, которое подчасъ гаснетъ и замираетъ передъ непосредственно для меня важной мыслью о томъ, что у второго взвода окопы пошире и съ навѣсомъ, надо и намъ такіе обладить, — и теплѣе, и удобнѣе; потомъ мнѣ очень важно — дастъ сегодня нѣмецъ подвезти кухнямъ горячую пищу, или опять ошалѣетъ и, какъ въ прошлую ночь, начнетъ катить по отдѣльнымъ людямъ десятками снарядовъ... Также важно мнѣ знать,—оставятъ ли нашу роту, батальонъ или полкъ въ этомъ именно окопѣ сидѣть дольше, или переведутъ

куда-нибудь еще, и придется бросить обжитое за 2—3 дня „уютное“ мѣсто, къ которому успѣлъ какъ будто даже и привыкнуть... И много еще — десятки и сотни вопросовъ являются для меня существенно важными, — о томъ, что вчера взводный говорилъ, будто завтра выдадутъ прямо въ окопы теплое бѣлье, что сегодня опять ночью, можетъ, подъѣдетъ дивизіонный, посмотритъ, какъ и что у насъ здѣсь, — храбрый до отчаянности генералъ, съ которымъ на этой почвѣ у адъютантовъ и чиновъ штаба выходятъ чисто-семейныя сцены... Интересно мнѣ, отсиживаясь въ окопѣ, думать о томъ, что, вотъ какъ хорошо, что самъ генералъ навѣдывается и разспрашиваетъ меня, простого рядового, что я ѣлъ сегодня и не ознобился ли; и про убитаго намедни изъ третьяго взвода Остапенку подумать любопытно, какъ ему пуля аккуратъ въ замокъ ружья вдарила, замокъ сорвала да рикошетомъ въ глазъ — и навылетъ. И готовъ Остапенко, а съ самой Тулы вмѣстѣ шли... И о домѣ далекомъ потосковать любопытно мнѣ — чуть-чуть попечалиться тонкой печалью, негромкой струйкой звенящей въ душѣ, какъ ручеекъ въ широкихъ поляхъ возлѣ родной деревни...

Но война, битва, результаты войны, — это все отвлеченно и далеко отъ настоящей минуты, и некогда мнѣ за сегодняшнимъ днемъ и сегодняшней мыслью думать объ этомъ.

Объ этомъ думаютъ, это знаютъ тѣ, что посылаютъ меня сидѣть здѣсь, или прикажутъ перейти туда, оставить насиженное мѣсто, или взять вонъ ту мельницу, которая такъ подозрительно машетъ крыльями въ то время, когда кругомъ идетъ перестрѣлка... Мое дѣло итти, брать, стрѣлять, ударить въ штыки.

Умирать еще — тоже мое дѣло, и когда я шелъ изъ своей деревни на призывной пунктъ — поглядывалъ на родныя полоски съ чувствомъ человѣка, который никогда ихъ больше не увидитъ.

II.

Такъ, или приблизительно такъ разсуждаетъ, чувствуетъ массовый солдатъ на войнѣ. Война стала для него обыденнымъ, будничнымъ дѣломъ. За четыре мѣсяца выработался новый, неизвѣстный до сихъ поръ типъ человѣка-воина, оторваннаго отъ какого бы то ни было бытія внѣ войны. Типъ крѣпкій, суровый, можетъ-быть, нѣсколько закаленный, чѣмъ-то отдаленно напоминающій типъ римскаго легіонера, у котораго ничего не оставалось позади, а впереди была только война, побѣда или смерть. Славянская натура смягчила его, — отринула театральную эффектность, придала больше интимности, намѣтила двумя-тремя штрихами исконное добродушіе, не лишенное юмора даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ,—но сущность типа, его непоколебимость, выносливость, полное равнодушіе къ смерти оставила неприкосновенной. И характерной чертой этого типа является какое-то домашнее отношеніе къ войнѣ, къ той, учитываемой только въ суммѣ безконечнаго числа слагаемыхъ, роли, что̀ играетъ онъ на войнѣ. Лицомъ къ лицу съ вопросомъ всей войны онъ не хочетъ становиться. Это — дѣло отвлеченное, большое, а онъ человѣкъ маленькій, и знаетъ онъ свое маленькое дѣло. Это такъ, или приблизительно такъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

И совсѣмъ не такъ въ Восточной Пруссіи.

Едва только побываешь въ Граевѣ, маленькомъ пограничномъ мѣстечкѣ, съ котораго началось наше вторженіе въ Пруссію, какъ убѣждаешься, что это дѣйствительно не такъ.

Граевскій вокзалъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ вокзаловъ, на первый взглядъ кажется обычнымъ, переполненнымъ солдатами вокзаломъ. Но желѣзный навѣсъ надъ перрономъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробитъ небольшими круглыми дырками. А на стѣнахъ штука-

турка обнажила красные кирпичи, такими же правильными, круглыми ранами, и эти раны, разной величины и силы, обрызгали стѣны. Это—слѣды шрапнели. Они имѣются на всѣхъ четырехъ стѣнахъ,—вокзалъ обстрѣливался со всѣхъ сторонъ. А противъ вокзала, на углу небольшой березовой рощицы, такой хмурой, такой сиротливой въ мягкомъ сумракѣ туманнаго дня, съ безсильно повисшими голыми вѣтвями и черной, мертвой листвой у корней,—на самомъ углу, на „вольготномъ, ясномъ мѣстѣ"—могилы. Четыре креста, кое-какъ связанныхъ изъ заборныхъ планокъ желѣзнодорожнаго сада толстой проволокой оборваннаго тутъ же телеграфа, и, отступя немного,—еще четыре. Три стоятъ прямо въ этой второй четверкѣ, а одинъ наклонился, и перекладина его покосилась,—и стоитъ онъ, какъ бы задумавшись, и смотритъ въ темную, уже осѣдающую землю...

Восемь безвѣстныхъ душъ отлетѣли здѣсь. Восемь безвѣстныхъ тѣлъ успокоились на углу сиротливой березовой рощицы. Тщетно разспрашивать, кто, какой части, когда похороненъ здѣсь? Волна сѣрыхъ шинелей накатилась, оставила восемь крестовъ и укатилась дальше, и пришли новыя волны, не знающія,—и тѣ ушли, и въ постоянной смѣнѣ потонули имена павшихъ. Никто не знаетъ, кто нашелъ свой пріютъ за полотномъ желѣзной дороги у березовой рощи на границѣ нѣмецкой земли. И никто никогда не узнаетъ, а наскоро связанные кресты покосятся, потомъ качнутся, потомъ наклонятся задумчиво—и упадутъ, и долго будутъ лежать черные и забытые, пока не исчезнутъ, какъ все исчезаетъ. И только вѣтеръ будетъ гулять надъ сравнявшимися могилами и жалобной пѣсней разсказывать качающимся березамъ о томъ, что здѣсь нѣкогда бывшее землей ушло въ землю.

Здѣсь, въ Граевѣ, не такъ давно шли серьезные бои. За мѣстечкомъ, раскинувшимся подслѣповатыми, кривыми домишками, обступившими пустынную и грязную

площадь съ разбитымъ фонаремъ посрединѣ, по обѣ стороны шоссе убѣгаютъ вдаль глубокими морщинами окопы. Чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ больше, и на небольшой горкѣ, уже у самой границы, въ сосновомъ перелѣскѣ путанной линіей перевились они, сближаясь и разбѣгаясь, исчерчивая песчаную землю странными письменами.

Окопы — стало привычнымъ, обиходнымъ словомъ войны. Оно мелькаетъ въ газетахъ, повторяется въ разговорахъ, перекидывается изъ устъ въ уста знакомымъ, не возбуждающимъ даже любопытства, терминомъ. Но только побывавшему въ нихъ—не въ старыхъ, брошенныхъ, пустынныхъ окопахъ прежнихъ боевъ, а наполненныхъ скорчившимися людьми, живущими здѣсь, въ этихъ звѣриныхъ норахъ, недѣлями, перемѣняющими здѣсь бѣлье, раздѣвающимися для того, чтобы хоть чуть-чуть освободиться отъ паразитовъ, и (прошу помнить!) постоянно стрѣляющими, получающими раны и умирающими — только видѣвшему все это воочію станетъ понятнымъ это короткое странное слово—окопы.

Я провелъ только одну ночь въ окопахъ — одну, а ихъ безсмѣнно проводятъ десятками! — я, не старый, крѣпкій физически, со здоровыми нервами человѣкъ, знавшій навѣрное, что, что̀ бы ни случилось, завтра я выйду изъ этой узкой длинной ямы, завтра я выйду, чтобы никогда больше не вернуться. И все-таки этой ночи я никогда не забуду!.. А такими окопами въ Восточной Пруссіи исчерчена вся земля. Кажется порою, глядя на эти кривыя, ломающіяся канавы, что темный духъ войны хмельнымъ, разгульнымъ пахаремъ вышелъ на эти поля и повелъ дикія борозды кровавой пашни, смѣясь надъ человѣческой жизнью.

Мы знаемъ уже изъ высокаго источника освѣдомленія, что мы дважды отступали изъ Восточной Пруссіи. Въ первый разъ насъ постигло несчастье—и всѣ мы помнимъ серьезныя, прочувствованныя слова телеграммы объ

этомъ Верховнаго Главнокомандующаго. Теперь Восточная Пруссія занята нами.

Здѣсь на пути шествія нашихъ войскъ, я впервые увидѣлъ, что для нашего солдата — псковскаго, пензенскаго, орловскаго или какого-либо иного мужика,—война, идея войны, наступленіе и отстаиваніе занятой части можетъ быть личнымъ своимъ дѣломъ.

III.

На границѣ русской и германской земель есть мѣстечко Проскинъ. Не знаю, должно-быть, въ мирное время это было благоустроенное мѣстечко, удобное, спокойное, — результатъ по-нѣмецки-обдуманнаго комфорта обыденной жизни. Протягивающіеся черезъ улицу на столбахъ электрическіе провода съ разбитой, криво висящей лампой, окруженные проволочной сѣткой палисадники, стѣны каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшія вывѣски,—все говоритъ объ этомъ.

Должно-быть, здѣсь текла мирная, патріархальная, нѣмецкая жизнь, старый Gross-vater выползалъ въ халатѣ и колпакѣ въ палисадникъ и за трубкой крѣпкаго кнастера посиживалъ въ мягкомъ креслѣ, любуясь чинной суетой нѣмецкой благоустроенной улицы. Бѣгали здѣсь подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ крѣпкощекія, хорошо упитанныя дѣти, а Frau выглядывала изъ кухоннаго окна и кивала таинственно головой, готовя неожиданный сюрпризъ въ видѣ какого-нибудь шмакъ-кухена къ обѣду... Папаша, правда, дѣлилъ свое время между двумя мирными занятіями: съ одной стороны наблюдалъ за полевымъ хозяйствомъ, а съ другой —взбирался съ работникомъ, какимъ-нибудь Фрицемъ, на чердакъ и подъ наблюденіемъ этого самаго Фрица для чего-то продѣлывалъ широкое венеціанское окно въ стѣнѣ, обращенной къ Россіи, заливалъ полъ цементомъ и совѣтовался о возвышеніи, въ видѣ широкой ступеньки передъ самымъ окномъ... А когда заставалъ слу-

чайно забравшихся на гладкую, такую хорошую площадку дѣтей и, несмотря на всѣ завѣренія, что тутъ такъ хорошо играть, выпроваживалъ ихъ внизъ,—кивалъ утвердительно головой и, попыхивая дешевой сигарой, соглашался:

— О да, да, когда придетъ время, — мы поиграемъ... О, мы очень хорошо поиграемъ! Нашъ кайзеръ...—онъ вынималъ сигару и склонялъ голову, оставаясь нѣсколько секундъ въ почтительномъ молчаніи, — нашъ кайзеръ знаетъ, что̀ дѣлаетъ...

Да, онъ зналъ. Онъ зналъ настолько, что теперь отъ Проскина, отъ его палисадниковъ, двухъэтажныхъ домовъ, оборудованныхъ по послѣднему слову военной техники пулеметныхъ площадокъ на чердакахъ — остались однѣ черныя, закопченыя стѣны, лишенныя крышъ, потолковъ, обугленныя страшныя стѣны, къ которымъ прикоснулась размахнувшаяся огненная рука войны.

Занимая Восточную Пруссію, русскія войска прошли Проскинъ такъ, какъ проходятъ любой изъ русскихъ городовъ, возвращаясь съ маневровъ.

Достовѣрно извѣстно, что за все взятое всѣ, начиная отъ начальниковъ частей и кончая послѣднимъ обознымъ солдатомъ, расплачивались полноцѣнной монетой.

Изъ разспросовъ участвовавшихъ въ этомъ наступленіи частей мнѣ лично удалось установить, что попавшіе сюда къ ночи офицеры постѣснялись безпокоить „мирныхъ“ жителей и ночевали въ сараяхъ, не желая производить безпорядка въ комнатахъ, гдѣ были женщины и дѣти.

Также извѣстно, что этапный комендантъ, на обязанности котораго лежало довольствіе и размѣщеніе на ночь проходящихъ войскъ, за личное одолженіе просилъ не пользоваться правомъ захвата и, пожимая плечами, какъ бы оправдываясь, убѣждалъ офицеровъ:

— Понимаете, у нихъ дѣти, сестры, все такое... Конечно, война, я понимаю, а все-таки по-человѣчеству...

Они, дураки, думаютъ, что пришла чуть не татарская орда, понимаете, боятся, такъ, понимаете, такое дѣло...

И офицеры махали руками, подтягивали свои части и завѣряли стоящаго за достоинство русскаго воинства коменданта:

— Помилуйте, пожалуйста, не все ли равно въ концѣ концовъ? Одна какая-нибудь ночь — вѣдь война же, въ самомъ дѣлѣ, не на перинахъ же валяться... Эй, Сидоренко, приготовь мнѣ тутъ въ сарайчикѣ какъ-нибудь—вѣдь одна ночь всего...

А на слѣдующую ночь, въ какомъ-нибудь другомъ мѣстечкѣ, повторялась та же исторія.

Такъ шла армія восточныхъ варваровъ, эта некультурная, дикая орда, среди которой,—какъ это извѣстно съ дѣтства каждому Фрицу,—есть племена, питающіяся сырымъ мясомъ, а при случаѣ не прочь полакомиться и человѣчинкой, носящія общее названіе: „Die Kosaken-Soldaten...“

Волна дикихъ варваровъ прокатилась, и мирная жизнь мѣстечка продолжалась попрежнему; такъ же выползалъ въ палисадникъ гроссъ-фатеръ, такъ же играли дѣти, и муттеръ готовила новый кулинарный сюрпризъ, и только трудолюбивый отецъ насупливалъ минутами брови и, глядя острыми зеленоватыми глазками въ ничего не выражающіе, задернутые внутренней пленкой глаза таинственнаго Фрица, гораздо лучше умѣющаго обращаться съ готовальней, угломѣрами и цементными площадками на чердакахъ, чѣмъ съ жатвенной машиной и молотилкой, спрашиваетъ настойчиво:

— Но вѣдь мы будемъ еще играть?

— О, да, непремѣнно... Они пойдутъ назадъ, — тогда мы поиграемъ!—успокаивалъ Фрицъ.

И когда русскія войска отступали, — игра началась. Въ тылъ отступающимъ, подавленнымъ этимъ отступленіемъ, частямъ изъ венеціанскихъ оконъ чердачныхъ площадокъ затрещали пулеметы. Опытный Фрицъ, сжавъ

зубы, съ злорадной улыбкой на кривившихся губахъ, дѣлалъ игру. И не ожидавшіе предательства солдаты падали шеренгами, усѣивая своими трупами патріархальную улицу нѣмецкаго мѣстечка.

Такъ провожала „культурная“, высоко стоящая на лѣстницѣ цивилизаціи, Германія отступающія войска.

Отступленіе кончилось. Жители покинули край всѣ до одного. Части, участвовавшія въ немъ, разсосались по необъятнымъ русскимъ арміямъ. Иныя, новыя дружины влились въ Восточную Пруссію, но память о предательствѣ, о зломъ дѣлѣ, не умерла. Точной, какъ не можетъ быть точнымъ никакой безпроволочный телеграфъ—ибо телеграфистъ, отправляющій и принимающій телеграмму, не заинтересованъ въ ней своей жизнью—точной молвой вѣсть о постигшемъ передалась новымъ частямъ, вступившимъ въ Пруссію. И ураганомъ возмездія за предательство, за тысячи смертей братьевъ безвѣстныхъ прошла волна новаго наступленія...

. . . . . .

. . . . . .

Страшна рука мстящаго за брата своего!..

IV.

Самое прочное въ человѣческомъ жильѣ—это печь. Когда селеніе громятъ орудія, когда снаряды зажигаютъ дома и отъ нихъ остаются курящіяся синимъ дымкомъ черныя головешки на грудахъ битаго кирпича и штукатурки, печь, этотъ символъ тепла и уюта мирной жизни, переходящій изъ дремучаго прошлаго очагъ, спаивающій собою ячейку человѣческаго улья, стоитъ непоколебимо и послѣднимъ отдаетъ позицію грядущему разрушенію. И часто на мѣстѣ, сравненномъ съ землею, тамъ, гдѣ прежде сверкалъ веселыми стеклами порядокъ домовъ, безмолвнымъ памятникомъ прежняго уюта стоитъ одинокая печь. Она лишилась трубы, ненужный мусоръ засыпалъ ее внутри, кругомъ пустыня или хуже пустыни,

а она хранитъ еще слѣды былыхъ временъ, и глупая мелочь, въ родѣ уцѣлѣвшей банки для кофе въ углубленіи надъ жерломъ, бьетъ въ глаза своей ненужностью...

. . . . . .

Прекрасное, идеальное по своей крѣпости шоссе, которое не могла разбить даже артиллерія, выбивающая кованными колесами ямы въ полъ-аршина глубиною, огибаетъ эти пепелища, вьется красивой, густо обсаженной аллеей столѣтнихъ деревьевъ по взгоркамъ, заворачиваетъ у прудовъ, перекидывается арками каменныхъ мостовъ черезъ рѣчки.

И часто въ глубокихъ канавахъ, бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, попадаются одиночныя неглубокія ямки съ невысокимъ валикомъ вырытой земли на обращенной въ поле узкой сторонѣ. Опять то же страшное, политое человѣческой кровью слово—окопы. Здѣсь они мѣстами принимаютъ необычайный характеръ. Я видѣлъ деревню, полуразрушенную, разнесенную артиллерійскимъ огнемъ, въ которой дома раздѣлялись порядочными фруктовыми садами. И въ этихъ садахъ, между кривыми вѣтвями старыхъ яблонь, окопы сходятся на двадцать-тридцать шаговъ. Какъ это могло случиться? Долгими опросами, осмотромъ мѣстности, попытками вообразить происшедшее во всей его полнотѣ, я хотѣлъ узнать это: какъ могли люди окапываться въ двадцати пяти шагахъ другъ отъ друга. Несомнѣнно, они заливали другъ друга свинцовымъ дождемъ; несомнѣнно, каждый окопъ давался десятками жертвъ. Или, какъ мыши, осторожно, выползая на животѣ изъ-за угла разрушеннаго дома, люди подбирались ближе и, боясь звякнуть объ камень короткой шанцевой лопатой, царапали себѣ ямки и залегали въ нихъ, чтобы подготовить почву губительнымъ огнемъ, броситься въ штыки и выбить противника изъ такихъ же мышиныхъ ямокъ?..

Есть окопы—вотъ такіе, въ серединѣ деревни, гдѣ напряженность боя достигала высшей точки; при взглядѣ

на нихъ чудится, что духъ войны, поднявшійся огромнымъ призракомъ надъ половиной земного шара, вдругъ опьянѣлъ отъ смерти, крови, мелькающаго огня выстрѣловъ и красныхъ клубовъ дыма пожаровъ, и пьяный, озорной, сталъ кружиться на одномъ мѣстѣ, оставляя торопливые и путанные слѣды окоповъ... Окопались другъ передъ другомъ; били долго и упорно, щелкая затворами винтовокъ, потомъ переползли вбокъ, во флангъ непріятельскому окопу, и опять окопались и стали бить. А тѣ тоже переползли, оставляя горы труповъ—и опять выровняли фронтъ новыми окопами. И опять люди ползутъ, царапаютъ землю лопатами, и опять бьютъ съ фланга — самый страшный для засѣвшихъ въ окопѣ огонь... И такъ, свершая полный кругъ, ползаютъ забывшіе даже о собственной жизни люди по яблоновому саду, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ отошедшій отъ серьезной работы гроссъ-фатеръ въ колпакѣ и съ фарфоровой трубкой въ бритыхъ губахъ, бродилъ съ лейкой, поливая пестрыя куртины цвѣтовъ.

Теперь здѣсь тихо—и въ томъ же саду, подъ тѣми же деревьями, высится обширный холмъ, и на немъ струганный бѣлый крестъ, съ торопливой надписью химическимъ карандашомъ:

„Здѣсь погребено тридцать шесть нижнихъ чиновъ и два офицера N—скаго пѣхотнаго полка. До скорой встрѣчи, товарищи!..“

Упорство, съ которымъ отстаивали прусскіе солдаты каждую пядь земли въ такихъ садахъ, должно быть записано золотыми буквами въ исторіи русскаго войска. Какая нечеловѣческая сила, какая необъятная выносливость, полная отрѣшенность отъ жизни, забвеніе своего личнаго „я“—сломили это упорство!!! Не нужно бояться правды, не нужно закрывать глаза на то, что̀ было здѣсь; это недостойно по отношенію къ тѣмъ, кто нашелъ здѣсь славный вѣнецъ славнымъ днямъ своимъ; здѣсь пало много—и съ благоговѣніемъ и сладкимъ,

больнымъ восторгомъ сердечнымъ, склоняемъ мы голову передъ могилой павшихъ, и надъ всѣми днями нашей жизни будетъ стоять прекраснымъ, свѣтлымъ видѣніемъ память о нихъ.

Пусть будетъ легка имъ политая святой кровью земля; пусть радостные сны посѣтятъ ихъ въ иной, нездѣшней жизни; пусть найдетъ ихъ мятежный духъ, выдержавшій послѣдній искусъ жертвы собою, успокоеніе въ заложенномъ ими фундаментѣ побѣды; и пусть близкіе, оплакивающіе безвременную и славную смерть, найдутъ отблескъ утѣшенія въ свято исполненномъ долгѣ и общемъ, всей страны, преклоненіи передъ ними, ушедшими...

И свѣтлой, прекрасной памяти ихъ посвящаются эти слабыя слова слабаго человѣческаго языка... Они пали — но память о нихъ жива и будетъ жить вѣчно.

Шоссе выбѣгаетъ изъ сосноваго перелѣска, заворачиваетъ на плотину, обсаженную старыми вѣтвистыми деревьями, и огибаетъ берегъ озера. Свинцовыя осеннія волны качаютъ прибрежный камышъ и звонко щелкаются въ борта забытаго чернаго челна. Небо густосинее, какое бываетъ въ это время передъ обильнымъ снѣгомъ, и вода отъ него кажется плотной, тяжелой и холодной. Но гдѣ-то сзади, за спиной, тучи разорвались, и неожиданное, блѣдное солнце ударило жидкимъ золотомъ по землѣ, и страннымъ видѣніемъ сталъ въ его лучахъ просторный городъ на томъ берегу озера.

Берегъ довольно высокій; по нему лѣпятся, цѣпляясь другъ за друга, разноцвѣтные домики, но всѣ они въ блѣдномъ зимнемъ солнцѣ кажутся подернутыми голубоватой дымкой, и только одно высокое зданіе, похожее на обрѣзанную четырехгранную башню, вѣнчающее весь городъ, свѣтится блѣдно-красной стѣной. Отъ этого, такъ же, какъ отъ голубоватой дымки, неуловимо сливающейся съ нѣжнымъ золотомъ солнца, весь городъ кажется нарисованнымъ акварелью въ легкихъ, прозрачныхъ тонахъ.

Среди мокрой тяжелой земли, тщетно ожидающей снѣга, надъ свинцовой, густой водой, изрѣзанной холодными волнами, онъ кажется внезапно возникшимъ призракомъ, миражемъ, вызваннымъ мечтой нѣжнаго, грустнаго художника.

Онъ красивъ, но обыченъ. Обычныя зданія обычнаго города. Далекое разстояніе скрываетъ недостатки стеколъ въ окнахъ, мѣстныя разрушенія, постигшія отдѣланные дома. Но нѣчто страшное, неуловимое лежитъ необычайной тѣнью на немъ, и нѣкоторое время глазъ тщетно пытается уловить, въ чемъ эта необычайность.

И наконецъ внезапная догадка освѣщаетъ новымъ, особеннымъ свѣтомъ акварельный призракъ красиваго города:

Онъ пустъ. Странность именно въ томъ, что глазъ напрасно ищетъ муравьиной суеты, человѣческой жизни. Пустынна набережная передъ озеромъ, безлюдны каменныя лѣсенки, пересѣкающія ее, пустынны широкіе балконы домовъ, и — чувствуется далекимъ отраженіемъ недоумѣннаго чувства — пусты, безлюдны и брошены возвышающіеся другъ надъ другомъ дома.

Опустѣвшій городъ подымаетъ свои стѣны надъ пустыми улицами. Широкія окна льютъ нежданное солнце въ пустыя комнаты. Раскрытыя, мѣстами сорванныя съ петель двери напрасно ждутъ хозяевъ. И два бѣлыхъ ялика, привязанныхъ у набережной, безнадежно качаются на пустынныхъ волнахъ сиротливой четой бѣлыхъ птицъ.

ЛЫКЪ и МАРКГРАБОВО.

I.

Широкія, прекрасно вымощенныя улицы. Уклонами бѣгущіе тротуары. Шлифованныя стекла парадныхъ дверей и огромныя витрины магазиновъ. Узорчатые, нависающіе балконы съ пучками высохшихъ и побитыхъ морозомъ цвѣтовъ въ ящикахъ на рѣшеткахъ. Многолѣтней обдуманностью обставленныя квартиры съ тысячью мелочей семейнаго обихода. Красивые старые скверы съ извилистыми вымощенными дорожками и скамейками по краямъ ихъ, и ни одного человѣка въ частномъ платьѣ.

Вездѣ, на улицахъ, въ скверахъ, въ домахъ—сѣрыя солдатскія шинели, засохшіе въ многодневной грязи сапоги, коричневыя, не видавшія Богъ знаетъ съ какихъ поръ мыла, лица.

Это—завоеванный городъ, брошенный населеніемъ, не ожидавшимъ его взятія. Обманутые своими властями,—въ свою очередь обманутыми командирами войскъ, до послѣдней минуты дававшими ложныя свѣдѣнія о наступленіи русскихъ,—жители очистили городъ въ какихъ-нибудь полтора часа. Они вскочили изъ-за столовъ,—было время обѣда,—оставивъ на нихъ суповыя чашки, и, захвативъ только самое цѣнное, бѣжали. Весь наличный составъ вагоновъ перебросилъ ихъ въ новое мѣсто, а въ это время на границѣ города, уже въ предмѣстьѣ, возлѣ турбиннаго завода и склада лѣсныхъ матеріаловъ,

шелъ послѣдній бой. Онъ продолжался полтора часа—и русскіе солдаты вошли въ городъ.

Это—пустой, замершій городъ; онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на пришлыхъ людей, сѣрыми массами влившихся въ него и начавшихъ новую, странную, призрачную жизнь войны.

Это—Лыкъ.

Изрѣдка попадается навстрѣчу полковой священникъ,—широкобородый батюшка, съ любопытствомъ оглядывающій чужеземный городъ; двѣ-три сестры милосердія въ кожаныхъ курткахъ и высокихъ мужскихъ сапогахъ спѣшно идутъ къ пункту, надъ дверью котораго развѣвается флагъ съ краснымъ крестомъ. И безконечное количество обозовъ, грохочущихъ по тесанымъ камнямъ мостовой тяжелыми колесами. Обозный солдатъ—человѣкъ иной планеты. Сѣрая мерлушковая папаха у него заворочена „ушами“ внизъ и отъ этого похожа на высокую башкирскую шапку, въ какихъ обыкновенно художники, иллюстрирующіе учебники исторіи, рисуютъ татаръ при нашествіи на Русь. Лицо обознаго солдата обвѣтрено и красно, руки потеряли способность держать что-либо болѣе нѣжное, чѣмъ ремни поводьевъ и вожжей, веревки, опутывающія фуру, ключъ для отвертки гаекъ на колесахъ и прочій обозный обиходъ. Обозный солдатъ равнодушенъ ко всему, кромѣ собственнаго обоза, какъ магометанинъ, и искривленный кинжалъ, болтающійся у него на поясѣ, придаетъ ему еще больше сходства съ давними пришельцами земли Русской, воздвигнувшими надъ нею иго. Ко всему прочему—у обознаго солдата за пазухой имѣется значительный запасъ хлѣба, и когда дышловой возится съ отстегнувшейся постромкой, а старшій въ обозѣ танцуетъ прямо на тротуарѣ на мохнатой бойкой сибирской лошаденкѣ, наполняя воздухъ спеціально обозной бранью,—ѣздовой передней пары, запряженной шестерикомъ—цугомъ—фуры, неизмѣнно лѣзетъ за пазуху и

Городъ Лыкъ. Площадь, кирка.

съ тѣмъ же равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, не только-что къ новому нѣмецкому городу, начинаетъ методически жевать.

Чопорные нѣмецкіе дома строго выравненныхъ улицъ съ изумленіемъ, граничащимъ съ испугомъ, смотрятъ на разсѣвшагося въ сѣдлѣ, какъ у себя дома, жующаго человѣка съ другой планеты.

II.

Въ Лыкѣ мало разрушеній. Если не считать вокзала желѣзной дороги, собора и еще нѣсколькихъ зданій,—городъ цѣлъ. Конечно, когда проходитъ толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, — при чемъ толпа, несущая на своихъ плечахъ всю тяготу войны,— не можетъ не быть разбитыхъ стеколъ въ окнахъ, сорванныхъ съ петель дверей, кое-гдѣ выброшенной мебели. Въ домахъ слѣды прохода арміи замѣтнѣе. Но по поводу этого нужно сказать слѣдующее.

Попробуйте вообразить психологію солдата на войнѣ.

Станція города Лыкъ при вторичномъ вступленіи русскихъ войскъ. Главное зданіе вокзала.

Тотъ путь, который отъ Граева я сдѣлалъ на автомобилѣ по чудесному шоссе въ сорокъ минутъ, подвергая себя единственной опасности налетѣть на испугавшуюся, кинувшуюся въ сторону обозную лошадь,—воинская часть шла нѣсколько дней. Каждый шагъ доставался боемъ, и смерть смотрѣла изъ-за каждаго угла. И вотъ человѣкъ, прожившій съ начала войны въ новой, отрѣшенной отъ всего міра, обстановкѣ, каждый день по нѣскольку разъ рисковавшій жизнью, смотрѣвшій на себя, какъ на человѣка не живущаго, а доживающаго до извѣстнаго срока, когда его непремѣнно должны убить,—вдругъ этотъ человѣкъ попадаетъ въ городъ, брошенный жителями. Никого нѣтъ. И разомъ рождается мысль:

„Ага, попрятались, чтобы потомъ въ спину, какъ въ Проскинѣ!“...

Человѣкъ врывается въ домъ—и видитъ на столѣ

суповую миску, разставленные съ нѣмецкой аккуратностью приборы, книги въ аккуратныхъ переплетахъ въ шкапикахъ со стеклами, подушки съ кружевными накидками, бантики, вышивочки—весь ассортиментъ сентиментальнаго нѣмецкаго бытія, считающаго долгомъ въ „гебуртстагъ“ поднести какую-нибудь вышитую „собственноручно“ ненужность, которая потомъ вѣшается на стѣну въ назиданіе потомству.

Ворвавшійся человѣкъ останавливается въ растерянномъ изумленіи и, сжимая винтовку въ рукѣ, оглядываетъ незнакомую обстановку. И темный глухой протестъ разгорается въ его душѣ.

„А-а-а-а! Суповая чашка? Это въ то самое время, когда я трое сутокъ не видѣлъ ничего, кромѣ сухаря, потому что кухни не поспѣвали за бѣшенымъ натискомъ воюющихъ частей? Книжки въ аккуратныхъ переплетахъ, кружевныя накидки, когда я ночью царапалъ землю въ двадцати шагахъ отъ непріятеля подъ непрерывнымъ огнемъ?.. „Vergiss mein nicht“, поднесенное въ день торжественно-напыщеннаго гебуртстага, когда нашъ взводный, дважды раненый, выхватилъ шашку и повелъ „въ штыки“ и сложилъ на третьей пулѣ свою отважную голову?!! И все это полтора часа тому назадъ, когда ударъ за ударомъ бралъ штыкъ новую позицію?!! Такъ вотъ же тебѣ гебуртстагъ, вотъ тебѣ суповая чашка!..“

И тяжелый прикладъ солдатской винтовки опрокидываетъ приготовленную къ обѣду суповую вазу.

Это не извиненіе. Извинять здѣсь нечего. Нужно удивляться тому, что люди нашли въ себѣ сдерживающее начало и не подвергли взятый городъ настоящему разгрому. Это объясненіе опрокинутыхъ книжныхъ шкаповъ, усыпавшихъ полы печатными страницами. Объясненіе побитой мѣстами посуды, сдвинутыхъ вещей, сорванныхъ фотографій. Такое объясненіе приходитъ само собой, подсказываемое жизнью.

III.

На Bank-Strasse я зашелъ въ раскрытую дверь квартиры монументщика. Первая комната была сплошь заставлена мраморными крестами и надгробными плитами, дальше шли уже жилыя комнаты. Должно-быть, монументщикъ былъ немного и художникомъ, потому что за кабинетомъ съ поваленной и сдвинутой съ мѣстъ мебелью и усыпаннымъ книгами поломъ, была маленькая свѣтлая комнатка, приспособленная для мастерской. Высокій четырехногій табуретъ возвышался посерединѣ и на немъ неоконченная мраморная группа: амуръ, величиною съ трехлѣтняго ребенка, прислонившись къ намѣченному только въ массѣ камня кресту, держалъ въ рукѣ опущенную внизъ пальмовую вѣтвь.

Въ этой комнатѣ по стѣнамъ тянулись полки. Бѣлыми силуэтами подымались на нихъ бюсты, всѣ совершенно цѣлые, не сдвинутые даже съ мѣста. И только одинъ, сброшенный негодующей рукою, валялся на полу, отбитый отъ постамента и изуродованный: великолѣпные усы исчезли, замѣнившись неровнымъ сколкомъ отбитаго камня. Пострадалъ немного и носъ,—а на груди, въ промежуткѣ между орденами и лентами, быстрый почеркъ намѣтилъ карандашомъ:

„Да здравствуетъ Россія!!!“.

Это былъ бюстъ Вильгельма II-го.

Я прошелъ обратно въ кабинетъ и остановился въ задумчивости. Въ разбитое окно врывался вѣтеръ и сухо шелестѣлъ страницами разбросанныхъ на полу книгъ. Было что-то старческое, изжитое въ этомъ шелестѣ—и смутная жалоба чудилась въ немъ и горечь упрека за то, что человѣкъ, изображеніе котораго съ обломанными усами валяется въ сосѣдней комнатѣ, довелъ свою страну до того, что̀ постигло этотъ старый, красивый городъ. Очень печально стоять въ безпорядочной хо-

лодной комнатѣ, когда вѣтеръ залетаетъ въ разбитое стекло и качаетъ забытыя занавѣски...

Къ вечеру мнѣ надо было поспѣть въ Маркграбово. До вечера оставалось не такъ ужъ много времени, и надо было торопиться. Шоферъ озябъ, дожидаясь меня, и раза два какъ бы нечаянно тронулъ гудокъ сирены. Я вышелъ въ палисадникъ съ голыми, поломанными кое-гдѣ кустами сирени, и пошелъ къ машинѣ.

Два солдата изъ санитаровъ, закинувшись назадъ, тащили передъ грудью груды тарелокъ.

— Куда же такъ, земляки?

— Въ поѣздъ, ваше высокородь, раненымъ все въ латочкахъ подаемъ, пущай хуть теперь съ нѣмецкихъ тарелокъ поѣдятъ!—весело объяснилъ одинъ изъ нихъ, пріостанавливаясь на минуту.—Этого добра здѣсь гора, что̀ же зря пропадаетъ?!.

Въѣзжая въ городъ, я видѣлъ нѣсколько солдатъ, возившихся съ электрическими проводами. Тутъ же стоялъ автомобиль, въ сложенномъ тентѣ котораго аккуратно спрятаны были уцѣлѣвшіе лампіоны. Высокій молодой полковникъ распоряжался тутъ же и, любезно отвѣтивъ на мой вопросъ о мѣстонахожденіи нужнаго мнѣ учрежденія, добавилъ, слегка посмѣиваясь:

— Вотъ электричество провожу, станція уже работаетъ, вечеромъ освѣщу станцію и кое-гдѣ улицы...

Теперь, выѣзжая, я видѣлъ тѣхъ же солдатъ, только копавшихся на столбахъ съ проводами, а полковникъ, за цѣлый день, очевидно, не присѣвшій ни разу, стоялъ на углу и кричалъ кому-то, махая рукой:

— Ну, пусти, пусти... Такъ, теперь по нижнему пусти... Ага, такъ!..

И на столбѣ, гдѣ возилась черная фигура солдата, прямыми бѣлыми лучами мигала вспыхивавшая лампа, и похоже было, что большая бѣлая птица трепещетъ сверкающими крыльями, усаживаясь на столбъ.

IV.

Опять разрушенныя во время сопротивленія отступающаго непріятеля деревни, безконечная аллея, шоссе и еще болѣе безконечные обозы на немъ. За какимъ-то селеніемъ большой двухъэтажный домъ, сплошь изрытый шрапнелью, съ провалившейся крышей и высаженными начисто окнами. Большая черная дыра зіяетъ между двумя окнами, и черезъ нее видна развѣшанная на противоположной стѣнѣ карта двухъ полушарій. А на дворѣ, возлѣ крыльца, валяются поломанныя ученическія парты. Несомнѣнно, школа, и несомнѣнно—отсюда былъ обычный для высокихъ зданій обстрѣлъ, за который домъ поплатился отвѣтнымъ обстрѣломъ снарядами. А невдалекѣ отъ школы, въ глубокой съ крутыми краями канавѣ, лежитъ, приподнявъ слегка голову, старая гнѣдая лошадь. Должно-быть, пристала въ обозѣ, отслуживъ свое, и теперь отдыхаетъ возлѣ дороги, покорно глядя большими грустными глазами на мелькающую мимо жизнь. Сердобольная солдатская рука бросила у морды вязанку сѣна и поставила лейку съ водой, укрѣпивъ ее камнями. Своеобразная мягкость въ суровой смѣнѣ жестокихъ дней...

Опять окопы, опять путанная цѣпь ихъ въ селеніяхъ, слѣды взрывовъ въ домахъ и покосившіеся кресты по краямъ шоссе. Одинъ попался повыше, поаккуратнѣе сдѣланный: холмикъ обложенъ дерномъ, а по угламъ его, какъ на стражѣ, поставлены четыре бѣлыхъ, далеко видныхъ камня, выкрашенныхъ известкой. Должно-быть, тутъ же съ шоссе подобрали украсить родную могилку какого-нибудь фельдфебеля или унтеръ-офицера внимательные солдаты.

Уже темнѣетъ. Темныя тучи нависаютъ ниже, и строгой тѣнью встаетъ въ нешироко аллеѣ шоссе ночь. Она протягиваетъ свое покрывало по полямъ, кутаетъ перелѣски, закрываетъ канавы со сваленными въ нихъ

лошадиными трупами, поломанными колесами и разбитыми вѣялками — всѣмъ сложнымъ мусоромъ, сопровождающимъ человѣческую жизнь. И прячетъ слѣды войны—окопы, ревниво кутаетъ ихъ своей смутной пеленой и шепчетъ беззвучно.

Машина гудитъ ровнымъ напряженнымъ темпомъ, бѣлыя пятна фонарей бѣгутъ впереди длинными, яркими лучами, и, выхваченныя изъ мрака, непрерывно отступаютъ назадъ голыя, освѣщенныя деревья.

Отъ Лыка до Маркграбова верстъ пятьдесятъ, и ночью все время кажется, что ѣдешь въ дремучемъ лѣсу, изъ котораго фонари выхватываютъ только ближнія деревья. Упругій ледяной вѣтеръ начинаетъ давать себя знать, и хочется скорѣе въ теплую комнату, къ стакану горячаго чая.

А по сторонамъ неотступно бѣгутъ развалины деревень, и рѣдко гдѣ мелькнетъ красный огонекъ: это обозъ заночевалъ въ пути, и солдаты грѣются возлѣ костра, задумчиво глядя на веселый перебѣгающій огонь. О чемъ они думаютъ, эти черныя, склонившіяся фигуры? Какіе сны посѣщаютъ ихъ, когда, привалившись, заснутъ они тутъ же у костра?..

Безконечно длинный обозъ вытянулся по краю шоссе. Распряженныя лошади испуганно фыркаютъ на мчащееся мимо чудовище съ двумя нестерпимо яркими бѣлыми глазами, и закутанные до глазъ дневальные, съ обнаженными кривыми кинжалами въ сложенныхъ рукахъ, провожаютъ прищуренными глазами рѣжущій свѣтъ фонарей. Двѣ-три секунды — и снова кругомъ пустынно, безлюдно, мертво...

V.

Крошечной красной точкой вспыхнулъ далекій огонекъ. Потомъ другой, третій, потомъ еще. Чуть оборачиваясь, шоферъ кричитъ что-то, но за свистомъ вѣтра трудно разобрать что̀.

— А-а-а-а-а-ва!.. — доносится глухой, оборванный голосъ, и только по догадкѣ я думаю, что это показалось Маркграбово.

И здѣсь то же, что̀ въ Лыкѣ. Тѣ же витрины магазиновъ, гдѣ на тонкой палкѣ, скосившись на сторону, виситъ забытая дамская шляпа. Тѣ же мѣстами выбитыя стекла, распахнутыя двери. Только здѣсь оживленнѣе, благодаря близости штаба, и чаще ночную тишину прорѣзываютъ сирены автомобилей, ползающихъ по темнымъ улицамъ странными живыми жуками.

Мнѣ надо было найти госпиталь.

Долго путались мы съ шоферомъ, разспрашивая встрѣчныхъ солдатъ, долго кружились по площади въ серединѣ города безъ всякаго толку, пока какая-то добрая душа, завернутая поверхъ полушубка въ солдатскую шинель, сжалилась надъ нами, куда-то побѣжала, гдѣ-то навела справку и, наконецъ, вскочивъ на подножку автомобиля, доставила насъ куда слѣдуетъ.

Еще подъѣзжая, услышалъ я тягучій звукъ фисгармоніи и то нарастающее, то потухающее церковное пѣніе. Оказалось,—госпитальная молодежь, санитары, молодой врачъ и сестры сорганизовали хоръ и готовились спѣвкой къ завтрашней обѣднѣ. День былъ предпраздничный, больныхъ или раненыхъ въ лазаретъ пока не поступало, и молодежь старательно спѣвалась для завтрашняго дня.

Пока одинъ изъ санитаровъ, молодой человѣкъ съ университетскимъ ромбикомъ на кожаной курткѣ, слегка подражая заправскому офиціанту, подавалъ намъ съ докторомъ чай въ эмалированныхъ госпитальныхъ кружкахъ, а присѣвшая къ намъ молоденькая сестра разсказывала о своихъ впечатлѣніяхъ отъ Восточной Пруссіи—на небольшомъ возвышеніи въ концѣ зала слышалось пѣніе

— Послушайте, Никитичъ, вы опять врете,—недовольно бубнилъ густой басъ: — будьте же внимательнѣе, вѣдь такъ нельзя...

— Ну, давайте сначала—Господи помилуй троекратное, ну, начинайте!

И стройной, нарастающей волной торжественный мотивъ заполнялъ воздухъ, а только-что бубнившій недовольно басъ рокоталъ низкой прекрасной октавой, осторожно поддерживая замиравшую мелодію.

— Господи поми-лу-у-й!.. — вздыхали женскіе голоса сестеръ, а басъ и тенора неуловимо присоединялись и, затихая, отвѣчали:

— Господи по-ми-лу-й!..

Потомъ опять новый, женскій уже голосъ, обвинялъ злосчастнаго Никитича въ томъ, что онъ сбиваетъ всѣхъ.

Въ большія, до самаго потолка, окна смотрѣла черная ночь. Она лежала надъ брошеннымъ городомъ, надъ узкой лентой шоссе, окаймленной столѣтними деревьями, надъ развалинами недавно еще теплыхъ очаговъ, надъ путанной сѣтью окоповъ... И той же черной глухой пеленою опустилась она на тѣхъ, что̀ сидятъ въ нихъ и здѣсь недалеко, и тамъ—подъ Летценомъ, гдѣ мерцаютъ огненными стрѣлами лучи прожекторовъ, и гдѣ я долженъ былъ быть на слѣдующій день, и въ далекой отсюда Польшѣ, гдѣ идутъ непрестанные бои, и шрапнель рвется голубыми огоньками, и тяжко, отрывисто, коротко ухаютъ безсонныя пушки...

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ.

(статья вторая).

I.

На войнѣ приходится видѣть много величественнаго и прекраснаго. Одно непрестанное присутствіе смерти, раскинувшейся надъ десятками тысячъ людей, придаетъ событіямъ величавое значеніе и глубокую внутреннюю красоту.

Кромѣ того, изъ всѣхъ повседневныхъ случаевъ, изъ обыденныхъ фактовъ, просто изъ цѣпи сплетающихся между собой дней, исполненныхъ страданія и подвига, съ каждымъ часомъ все выше встаетъ гигантскій образъ стомилліоннаго народа, такой лучезарной красоты духовной, пронизанный такимъ внутреннимъ свѣтомъ, что самое прекрасное зрѣлище должно померкнуть передъ нимъ.

И все же бываютъ минуты, когда декоративный эффектъ постановки заставляетъ забыть сладостную арію пѣвца.

Такимъ эффектомъ поражаетъ осада Л.

Днемъ все, какъ вездѣ, гдѣ сталкиваются двѣ стихіи, мечущія огонь и смерть. Грохочутъ пушки, рвутся снаряды, порой оживленно трещитъ ружейная перестрѣлка, и вдругъ сухо и дѣловито вспыхнетъ пулеметъ. Окопы сошлись близко—ближе нельзя, и широкое проволочное загражденіе раздѣляетъ ихъ. Вылазки съ одной стороны и атаки съ другой встрѣчаются въ сѣти колючихъ, наносящихъ ужасающія рваныя раны, проволокъ.

Германская проволока особенная; перерѣзанная, она взвивается живой спиралью и охватываетъ, сшибая съ ногъ, человѣка ранящими кольцами. И тщетно будетъ биться въ этой спирали человѣкъ, пытаясь разорвать витую проволоку; съ каждымъ его усиліемъ кольца мѣняютъ положеніе, охватываютъ плотнѣе, двигаются и рвутъ тѣло своими острыми зубцами.

Днемъ люди сидятъ въ окопахъ, стрѣляютъ, переползаютъ земляными норами съ мѣста на мѣсто, когда противникъ очень ужъ точно пристрѣляется и начинаетъ засыпать шрапнелью. Раненые перевязываютъ „домашними средствами“ свои раны индивидуальнымъ бинтомъ и ждутъ ночи. Ибо вылѣзти изъ окоповъ днемъ—это вѣрная смерть. Днемъ нѣтъ возможности подвезти провіанта, передать патроны, переслать приказаніе или донесеніе. Отчаянные смѣльчаки, тѣ самые, что̀ промѣряли своими сапогами всю Восточную Пруссію и теперь уже считаютъ дѣло войны не отвлеченнымъ, кѣмъ-то и зачѣмъ-то вызваннымъ, а своимъ личнымъ, непосредственно касающимся ихъ самихъ,—эти смѣльчаки по двое—по трое дѣлали попытки пробраться ползкомъ до своихъ. И результатъ былъ всегда плачевный. Нѣмцы буквально засыпали снарядами открытое пространство, тратя на отдѣльныя, приникшія къ землѣ, двѣ-три фигурки безконечное количество ихъ.

II.

Солдаты—и не только солдаты, но и офицеры не разъ выражали изумленіе этой безумной тратѣ снарядовъ. Это происходитъ не только здѣсь, въ Восточной Пруссіи, съ ея прекрасно оборудованными путями, доставляющими припасы, но и въ глубинѣ Польши, гдѣ-нибудь подъ Сохачевомъ или Ловичемъ. Трудно повѣрить, чтобы по непролазнымъ польскимъ дорогамъ теперь, мокрой, дождливой зимою, когда на сорокасильномъ „Бенцѣ“ идешь пятнадцать верстъ въ часъ съ ежеминутнымъ

рискомъ сломать машину и засѣсть окончательно и безповоротно Богъ знаетъ на сколько часовъ,—трудно повѣрить, чтобы при такихъ условіяхъ организація подвоза выполняла бы такъ блестяще свою задачу. И еще труднѣе повѣрить тому, чтобы германская армія возила за собой такіе колоссальные обозы. Уже послѣ поѣздки въ Восточную Пруссію я вернулся на двое сутокъ въ раіонъ, образуемый треугольникомъ Сохачевъ — Скерневицы — Ловичъ посмотрѣть, что̀ дѣлается здѣсь. Маленькій глупый случай опять подтвердилъ высказываемое уже неоднократно мнѣніе о томъ, что нѣмцы совершенно не считаютъ снарядовъ. Шоферъ ошибся дорогой—и вмѣсто шоссе на Тересинъ, печальной памяти Тересинъ, гдѣ въ паркѣ былъ убитъ владѣлецъ имѣнія князь Друцкій-Любецкій, попалъ на шоссе къ Сохачеву, однимъ концомъ упирающееся въ раіонъ обстрѣла нѣмецкой артиллеріи. Слѣва все время мерцали зарницы нашихъ батарей, и гулъ орудій перекатывался подъ чернымъ небомъ изъ края въ край. Мы поняли ошибку только тогда, когда выстрѣлы нашихъ орудій стали ужъ очень слышны, и промежутки между вспышкой, мелькающей на черномъ горизонтѣ, и трескомъ выстрѣла сократились до одной секунды. Въ какой-то брошенной, погруженной въ тьму, деревнѣ остановились и стали поворачиваться на неширокомъ шоссе обратно. На бѣду—а, можетъ-быть, на счастье?—фонари вдругъ погасли. Кое-какъ вывернулись, попробовали зажечь фонари, но воды не было—пошли назадъ въ полной тьмѣ. И не успѣли пройти пятнадцати минутъ, какъ въ ту самую безлюдную деревушку ударилъ первый снарядъ — шрапнель, потомъ второй—„чемоданъ“, потомъ нѣмцы стали бить регулярно и обстоятельно, пока жалкая деревушка о трехъ дворахъ не загорѣлась... Выпустили они не меньше сотни снарядовъ по призрачно-мелькнувшей цѣли—двумъ ацетиленовымъ фонарямъ, осторожно пробиравшимся по невозможно грязной и невозможно

разбитой дорогѣ. Уже мы были въ Гузовѣ, верстъ за восемь отъ злополучной деревушки, уже успѣли напиться чаю на санитарномъ пунктѣ Всероссійскаго Земскаго Союза, а на горизонтѣ все еще дрожало молочно-розовое зарево пожара, и снаряды продолжали крошить ни въ чемъ неповинныя избы.

То же самое происходитъ подъ Л. Едва только успѣетъ какая-нибудь отчаянная солдатская голова отползти десять-двадцать сажень отъ окопа, какъ представленіе начинается. Отчаянная голова лежитъ, прижавшись вплотную къ землѣ, а кругомъ съ визгомъ рвется шрапнель, роютъ ямы бризантные „чемоданы“, земля столбомъ летитъ вверхъ.

Отчаянная голова ракомъ, ногами впередъ, уползаетъ обратно въ уютную канаву окопа и рапортуетъ ближайшему начальству:

— Такъ что, вашбродь, никакъ невозможно! Я что? Я, можно сказать, совсѣмъ одинъ головой, никѣмъ никого со мной, а онъ „чемоданами“... Развѣ въ емъ умъ есть? Просто даже безъ понятія совсѣмъ—жаритъ, ровно сѣмечки лущитъ! Я покуда къ землѣ притулившись лежалъ,—пятьдесятъ три разрыва насчиталъ, послѣ какъ назадъ подался—бросилъ, все одно не счесть всѣхъ!..

Товарищи по взводу посмѣиваются, шутятъ надъ отчаянной головой.

— Ты-ы, отчаянный! Побывалъ въ банѣ, пару тебѣ дали хорошаго? Будешь теперь его вспоминать? Давно вѣника не пробовалъ, такъ хошь такъ попарился...

— Пару,—ворчитъ вернувшійся:—я, знамо дѣло, отчаянный! У насъ на селѣ—коли драка, либо что еще такое—я въ первую голову: что такое, зачѣмъ, почему?! И какъ есть въ самую свалку башкой, потому я сердце отчаянное имѣю, и мнѣ все одно!..

— Вотъ-вотъ, попробуй-ка еще разъ туда вонъ головой... Еще попотѣй, авось хошь маненько угомонится...

Неудачникъ со злостью хватаетъ винтовку и, чуть вы-

совываясь изъ-за валика окопа, выжидаетъ. Едва только покажется изъ окопа напротивъ закрытая защитнымъ чехольчикомъ остроконечная шишка каски, какъ сухой короткій выстрѣлъ щелкаетъ въ воздухѣ, и каска, описавъ въ воздухѣ дугу, летитъ куда-то внизъ для того, чтобы больше никогда уже не быть надѣтой...

— Ага, попался, который кусался?!—торжествуетъ отчаянный.—То-то братъ, это тебѣ не „чемоданы“... Высунься-ка еще, попробуй!.. То-есть я не я буду, ежели его здѣсь не расколотимъ!..

III.

Ночью картина совершенно мѣняется.

Стрѣляютъ только тяжелыя крѣпостныя орудія. Имъ отвѣчаютъ осадныя, и ревъ стальныхъ чудовищъ сотрясаетъ воздухъ на десятки верстъ. По этому короткому, основательному уханью, когда нѣтъ ружейной перестрѣлки, чувствуется, что дневныя игрушки отошли. На арену выступили серьезные дѣятели, — и для нихъ небо вдругъ вспыхиваетъ сказочнымъ фейерверкомъ.

Нѣтъ ничего по внѣшнему эффекту поразительнѣе такой ночи. Глубокая черная тьма, озаряемая только зарницами выстрѣловъ, стоитъ надъ землею. Въ ней чувствуется угрюмость войны, смутный шелестъ уползающихъ къ своимъ раненыхъ, молчаливая, величественная скорбь усталой за день смерти. И ночь печально кроетъ изрытую снарядами землю и чутко стоитъ подъ низкимъ небомъ. И вдругъ огромный сверкающій лучъ, какъ сказочный мечъ, разсѣкаетъ влажную, бархатистую тьму, рѣжетъ небо, и медленно, словно раздумывая, опускается на землю. И неторопливо, внимательно, странный отъ своего молчаливаго движенія, скользитъ по землѣ ярко-голубой мечъ, словно кованый изъ стараго серебра геніальнымъ ювелиромъ, отчеканившимъ каждый камешекъ, каждую вѣточку приникшаго въ этомъ потокѣ свѣта кустика...

Длинный, чудесный, какъ въ сказкѣ, мечъ прожектора нѣкоторое время щупаетъ землю. Со стороны расположенія русскихъ войскъ вспыхиваетъ другой мечъ, сверкающей дугой очерчиваетъ небо, на которомъ на секунду выступаютъ угрюмыя, кажущіяся совсѣмъ синими облака, — и медленно, увѣренно идетъ навстрѣчу первому. Нѣкоторое время два свѣтоносныхъ меча быстро, неуловимо вьются другъ около друга, потомъ внезапно сталкиваются, и оба дрожатъ въ огромномъ напряженіи этой сказочной борьбы... И эти скрещенные, столкнувшіеся мечи, движимые одной цѣлью, извѣстной на техническомъ языкѣ подъ терминомъ „поглотить свѣтъ противника“, сливаются въ одинъ такой ослѣпительный, такой невѣроятный потокъ свѣта, что начинаетъ казаться, будто сошлись два сказочныхъ гиганта и мѣряются крѣпостью своихъ сверкающихъ, кованыхъ изъ голубого серебра мечей.

А кругомъ ночь, черное небо низко нависло, усталая, холодная земля приникла подъ нимъ, и, какъ чудесный сонъ ея, — старой, измученной, опустошенной войною, грѣшной земли, — какъ странный, полный нечеловѣческихъ видѣній сонъ ея, борются надъ нею ослѣпительные мечи богатырей...

Моментъ — одинъ изъ нихъ дрогнулъ, качнулся въ сторону, потомъ вверхъ и, опять выхвативъ низкую, лиловую, тяжелую тучу, погасъ. А другой побѣдоносно широкимъ размахомъ описываетъ землю, вырываетъ изъ темноты окопы, дальнія позиціи, клочки лѣса, проволочныя загражденія и припавшія къ землѣ фигуры уползающихъ солдатъ—и медленно, какъ будто вбираясь въ себя, тухнетъ.

Скрещенные мечи перестали звенѣть. Богатыри вложили ихъ опять въ ножны до слѣдующей схватки. Старая земля устало вздыхаетъ въ тревожномъ, ежеминутно нарушаемомъ орудійными выстрѣлами, снѣ, и съ каждымъ выстрѣломъ этимъ на мгновеніе приподымаетъ

тяжелыя вѣки, чтобы освѣтить мелькающей зарницей полнеба.

А еще черезъ минуту огненной параболой, разсѣкая тьму, взлетаетъ ракета. Какъ падающая звѣзда, она останавливается на моментъ въ зенитѣ и вдругъ съ слабымъ стукомъ лопается, разсыпаясь тысячью долгихъ, медленно расплывающихся въ разныя стороны, звѣздъ. Это медленное теченіе ихъ въ черномъ небѣ, освѣщающее неровнымъ фіолетовымъ сіяніемъ землю, самый внезапный, какъ бы задумавшійся въ своемъ падающемъ движеніи, свѣтъ такъ неожиданно прекрасенъ, такъ волшебно сказоченъ, что странный, вдохновенный восторгъ охватываетъ душу.

И война, эта страшная, невообразимая, во всей своей полнотѣ, необходимость, озаренная сказочнымъ сномъ старой земли, пріобрѣтаетъ вдругъ иной, мистическій оттѣнокъ... И не людьми — безумной силы богатырями кажутся закутанныя въ сѣрыя шинели фигуры, сжимающія холодный стволъ винтовки въ незнающихъ устали рукахъ, покорно умирающія, терпѣливо проливающія кровь изъ своихъ ранъ, молчаливо лежащія въ братскихъ могилахъ подъ наскоро сдѣланными крестами...

— Вамъ, сидящіе сейчасъ, когда я пишу эти блѣдныя строки, въ окопахъ, вдохновенно несущіе тяжкое иго войны;

Вамъ, забывшіеся легкой дремотой послѣ мучительной перевозки въ госпиталяхъ и лазаретахъ, поѣздахъ и пунктахъ, кровью своихъ ранъ освятившіе тяжелое дѣло войны;

И вамъ, вамъ, лежащіе въ безвѣстныхъ могилахъ, нашедшіе отдыхъ отъ тяжкаго бремени войны, заплатившіе за него своей жизнью—вамъ, ушедшіе, безыменные и вѣчно памятные, посвящаю я слабое, бѣдное слово мое!!!...

. . . . . .

. . . . . .

IV.

Опять черный туннель выхваченнаго изъ ночи автомобильными фонарями шоссе. Опять безконечные, остановившіеся на ночевку обозы, шарахающіяся въ сторону лошади, жмурящіеся отъ внезапнаго яркаго свѣта часовые съ обнаженными кривыми кинжалами въ сложенныхъ рукахъ...

Какая глубокая, странная, беззвучная и вмѣстѣ съ тѣмъ живая ночь!..

Гдѣ-то есть города; полные людьми, они сверкаютъ освѣщенными улицами, сложнымъ движеніемъ толпы, витринами магазиновъ. Гдѣ-то есть теплыя комнаты, мягкій свѣтъ лампы, уютная обстановка, близкіе люди... И все это кажется далекимъ, призрачнымъ сномъ, такъ же трудно возстанавливаемымъ, какъ трудно вообразить свою руку, большую руку взрослаго человѣка, маленькой, пухлой ручкой ребенка...

Кажется, что есть только безконечное шоссе, обсаженное вырванными изъ мрака, словно вырѣзанными изъ голубого картона на черномъ фонѣ, деревьями, есть безконечныя поля по обѣимъ сторонамъ, живущія своей особенной, трудно уловимой жизнью. Они молчатъ, но они не мертвы, о, нѣтъ, они живутъ странной сложной жизнью, которую такъ трудно подслушать человѣческому уху!.. То, что прошло надъ ними, оставило имъ видѣнія, полныя величественныхъ образовъ. Они грезятъ неуклонными волнами поблескивающихъ тускло штыковъ; они видятъ людей, для которыхъ жизнь—только ступень къ тому колоссальному зданію, что строитъ міровая война; они приняли въ себя то, что бросили въ порывѣ яркой отваги сотни русскихъ людей,—приняли, укрыли и грезятъ подъ одинокими крестами.

Далекая красная точка мелькаетъ вдали и разрастается въ фонарь.

— Сто-ой! Про-пускъ!..

Автомобиль останавливается; двѣ вооруженныя винтовками фигуры вступаютъ въ кругъ свѣта; выступившія изъ темноты ночи, обѣ кажутся особенно суровыми, непреклонными и какими-то твердыми; примкнутые штыки неожиданно остро поблескиваютъ вверху—и гаснутъ.

Плохо слушающимися пальцами солдатъ разворачиваетъ затрепавшуюся по сгибу бумажку пропуска и долго, не безъ подозрительности, читаетъ. Потомъ всовывается въ автомобиль, задаетъ два-три вопроса и, обернувшись къ красному фонарю, кричитъ кому-то:

—Эй, Кочетовъ, отворяй! Заснулъ, что ль?!

Опять дорога, напряженно ровное гудѣніе „Ford'a"—и кажущееся безконечнымъ туннелемъ шоссе.

И опять молчаливыя, окутанныя ночнымъ мракомъ поля, грезящія о томъ, чего никогда не увидимъ мы...

ЧУДО.

I.

Я видѣлъ ихъ много — молодыхъ и уже пожившихъ, солдатъ и офицеровъ, опытныхъ и только-что вернувшихся оттуда, помнящихъ предыдущую войну и едва „понюхавшихъ пороху“ теперь. Они проходятъ передъ глазами длинной, безконечной цѣпью, и запомнить ихъ лица нѣтъ возможности, какъ нѣтъ возможности удержать въ памяти ихъ разсказы. Но всѣхъ ихъ объединяетъ нѣчто, и этимъ они выдѣляются изъ сотенъ другихъ людей, и узнать ихъ въ толпѣ такъ же легко, какъ если бы они носили особую форму. Въ городѣ, въ кофейной, въ вестибюлѣ ресторана, въ магазинѣ, на улицѣ, въ деревнѣ на дорогѣ, въ избѣ, въ сутолокѣ возлѣ занятаго какимъ-нибудь штабомъ дома — всегда можно съ увѣренностью указать:

— Вотъ этотъ!.. И еще этотъ, и этотъ тоже!..

На нихъ лежитъ странный тонкій налетъ, задернувшій какую-то самую чуткую, самую острую грань души, и видно, какъ впечатлѣнія обыденной жизни пробиваются сквозь нее, какъ свѣтъ сквозь воду, призрачно и странно, потерявъ непосредственную яркость свою.

И лица у нихъ во всемъ многообразіи человѣческаго лица чѣмъ-то напоминаютъ одно другое; гдѣ-то въ глазахъ, въ неожиданной складкѣ около губъ, въ подергиваніи брови или щеки, или тонкой морщинкѣ у

глазъ есть общее, близкое — можетъ-быть, родственное, словно то, что они пережили и видѣли, породнило ихъ въ одну безчисленную семью, и стали другъ другу они братъ братомъ. А рѣчь ихъ въ большинствѣ не торопliва, и слова тяжелы, и полны они особымъ таинственнымъ и глубокимъ смысломъ, котораго не дано постигнуть другимъ людямъ, не причастнымъ къ ихъ великой и чуть-чуть скорбной семьѣ.

Похоже немного, будто знаютъ они всѣ что-то свое, чего не можемъ знать мы, и глуховатымъ голосомъ, съ неожиданными паузами и пониженіями почти до шопота, нащупываютъ они одно какое-то большое, могучее слово—и не могутъ поймать его. И, не найдя, слегка изумленно оглядываются и долго глядятъ въ лицо собесѣдника, и странная, забытая улыбка блуждаетъ чуть-чуть горькой насмѣшкой на сомкнутыхъ губахъ ихъ.

Это люди, побывавшіе въ бояхъ.

Они слышали надъ своей головой свистъ снарядовъ и потрясающій грохотъ орудій; они часами выстаивали подъ сплошнымъ шрапнельнымъ огнемъ; они недѣлями отсиживались въ окопахъ, подъ дождемъ, въ лужахъ и холодѣ, не ѣли по трое сутокъ, не спали ночами; ночью, когда осенняя мгла плотнымъ сырымъ покровомъ налегаетъ на землю, съ крикомъ и воемъ, задыхаясь и падая въ темнотѣ, они бросались въ атаку, выбивали изъ окоповъ врага и вновь залегали; они часами лежали въ болотахъ, держа надъ водою винтовку и патроны въ ожиданіи, когда можно будетъ опять броситься впередъ— быть-можетъ, для того, чтобы черезъ десять шаговъ съ тѣмъ же дикимъ звѣринымъ крикомъ упасть и не встать больше никогда.

Смерть была вплотную около нихъ, — они сходились съ ней грудь съ грудью; они уже заглянули за ту страшную, таинственную грань, которую каждый изъ насъ въ свой часъ переступитъ. И, вернувшись оттуда, они изумленно, съ печальной усмѣшкой, смотрятъ на

наши маленькія, будничныя дѣла и внезапно умолкаютъ среди разговора, прислушиваясь къ инымъ, чуждымъ намъ голосамъ... Ихъ жизнь, по крайней мѣрѣ, сейчасъ, теперь, внѣ боя — уже не жизнь. Это такъ, что-то ужасно не важное, не мелкое, а почти ненужное, такое, что никакъ не можетъ пробить тонкую пленку, окутывающую душу.

Смерть не прощаетъ ушедшихъ отъ нея жертвъ. Проходя возлѣ, она взглядываетъ на человѣка, и онъ навсегда запоминаетъ этотъ взглядъ. И когда потомъ говоритъ о немъ—слова его блѣдны, безсильны, и самъ онъ чувствуетъ это безсиліе. Огромное, невообразимое въ обычныхъ условіяхъ напряженіе боя слишкомъ высоко, чтобы можно было передать его во всей непосредственности ощущенія. О высотѣ этого напряженія можно судить только по отдѣльнымъ мелькающимъ черточкамъ, случайно вспыхивающимъ въ ряду обычныхъ словъ.

— Вы понимаете,—чуть-чуть таинственно, словно передавая по секрету, говорилъ мнѣ молодой, черноволосый человѣкъ съ матовыми, задернутыми знакомой пленкой глазами: — когда мы ворвались, я упалъ... Не разсчиталъ разбѣгу и прямо туда. И потомъ ночь... И вотъ на меня прямо — самъ блѣдный совершенно, губа трясется, а въ глазахъ ужасъ... Ну, я его тутъ и кончилъ!..

Я опустилъ глаза и смущенно откашлялся.

Было неловко и еще болѣе неловко отъ того, что я чувствовалъ себя соучастникомъ какого-то мальчишества.

— Послушайте, поручикъ, — заговорилъ я, не смѣя взглянуть на него:—какъ же такъ: блѣдный, какъ смерть... губа трясется... Вѣдь вы же только-что сказали: ночь, зги не видно—и вдругъ: въ глазахъ ужасъ... Какъ же вы разсмотрѣли?

Я искоса взглянулъ на собесѣдника и поймалъ на себѣ странный, углубленный взглядъ. Ясно было только одно: то, что онъ совершенно не обратилъ вниманія на

высказанное недовѣріе, и что подозрѣніе въ нѣкоторомъ преувеличеніи мелькнуло мимо, затронувъ нѣчто большее, чѣмъ чувство обиды. Онъ смотрѣлъ на меня, но я чувствовалъ, что онъ не видитъ меня, что взглядъ его проходитъ сквозь меня, въ то время какъ самъ онъ пытается понять: какъ же такъ — ночь, а ясно помню, что видѣлъ и блѣдное лицо, и трясущуюся губу, и большую веснушку у лѣваго глаза?

— Да-а, странно, — не мнѣ, а себѣ, своимъ мыслямъ отвѣтилъ онъ: — дѣйствительно была ночь... Еще помню, что ждали сумерекъ, потомъ ночи и, когда уже совсѣмъ стемнѣло, рѣшили выбить ихъ... Но лицо видѣлъ... ясно, совершенно отчетливо видѣлъ, это такъ помню... Помню, что кричалъ что-то, потомъ въ горлѣ саднѣло, и лицо... блѣдное и глаза выпучены!..

Я посмотрѣлъ на него внимательно. Онъ не могъ лгать, — онъ самъ впервые столкнулся съ этой странностью и искалъ разгадки ея. И я вообразилъ себѣ этого человѣка съ сухимъ, нервнымъ лицомъ, раскрытымъ черной ямой ртомъ, изъ котораго рвется дикій, наводящій ужасъ, крикъ, и тоже съ вытаращенными, безумно-расширившимися, заполнившими весь глазъ зрачками, и грохотъ кругомъ, и постепенно нараставшее нервное напряженіе, и жуткую остроту минуты. И я почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ: онъ могъ видѣть этими глазами глубокой ночью; больше того, — онъ несомнѣнно видѣлъ, видѣлъ ярко, отчетливо, какъ днемъ, и только теперь понялъ я странность, которую встрѣчалъ раньше: два человѣка, участвовавшіе въ одномъ и томъ же дѣлѣ подъ Л., заспорили при мнѣ о времени конца боя.

Они были раздѣлены какими-нибудь двумя-тремя верстами, но одинъ былъ вольноопредѣляющимся нижнимъ чиномъ, а другой — полковникомъ, дѣлавшимъ вторую кампанію, дважды раненымъ, носившимъ на груди крестъ съ мечами и надписью: „Портъ-Артуръ“.

Опираясь на событія, мѣсто передвиженія, собственныя имена и подробности боя, полковникъ по часамъ доказалъ, что дѣло было ночью. А вольноопредѣляющійся, серьезный, выдержанный человѣкъ съ университетскимъ крестикомъ въ бѣломъ ромбѣ и рукой на перевязи, такъ же, какъ и мой собесѣдникъ-поручикъ, задумался, уже не слушая полковника:

— Гм!.. какъ странно... Мнѣ казалось, что было свѣтло... Дѣйствительно, я теперь припоминаю, когда наша часть вступила въ Л., мы долго не могли найти свѣчей... А между тѣмъ я видѣлъ, совершенно ясно видѣлъ!..

Людямъ, не принимающимъ или не принимавшимъ активнаго участія въ бою, трудно представить себѣ всю высоту подъема, охватывающаго участника въ моментъ боя. Этотъ подъемъ спасаетъ отъ многаго. Обостренный глазъ видитъ тысячи вещей, но напряженное вниманіе устремлено исключительно въ одну сторону, и отдѣльные подчасъ ужасающіе штрихи страшной картины войны проходятъ сквозь мозгъ, не задерживаясь возмущеннымъ чувствомъ. И только долгое время спустя эти штрихи встаютъ въ памяти, и человѣкъ изумленно оглядывается и подчасъ спрашиваетъ себя:

— Какъ же я могъ такъ?..

II.

Грохотъ артиллерійской батареи, когда она прикрываетъ наступающую пѣхоту, производитъ на свѣжаго человѣка подавляющее впечатлѣніе. Когда я пишу эти строки, у меня въ ушахъ стоитъ еще отзвукъ канонады подъ К. Я пробылъ на правомъ флангѣ нашего расположенія около трехъ часовъ, и вотъ уже прошло два дня, а этотъ грохотъ назойливо преслѣдуетъ меня, и, стоитъ только закрыть глаза, чтобъ отчетливо, ясно и близко услышать тяжелые удары орудійныхъ выстрѣловъ. Но тамъ же, въ самомъ сраженіи, я видѣлъ, какъ

говорятъ, „своими собственными глазами“, какъ орудійная прислуга перекидывалась между собой приказаніями, замѣчаніями, порою даже шутками, что̀ можно было понять по быстрой, мелькающей улыбкѣ на лицѣ.

Чтобы объяснить мнѣ операцію подъ К., куда нѣмцы неожиданно и безумно дерзко двинулись чуть ли не съ тремя только полками, сопровождавшій меня офицеръ, перевѣсившись съ сѣдла къ моему уху, кричалъ во весь голосъ. Я видѣлъ открывающійся въ усиленномъ крикѣ ротъ, видѣлъ напряженные, слезящіеся отъ вѣтра глаза, шевелящіяся губы, но рѣшительно ничего не слышалъ. Буханье орудій поглощало собой все, и вмѣстѣ съ тѣмъ я черезъ минуту видѣлъ, какъ тотъ же офицеръ, обратившись къ пробѣгавшему солдату, сказалъ что-то — и тотъ понялъ и отвѣтилъ, и офицеръ тоже понялъ... Мнѣ показалось, что нервное напряженіе всѣхъ участниковъ настолько велико, что создало странную и чуткую детонацію, когда пониманію не нужно даже словъ, движеній, жестовъ, а достаточно одного взгляда, мелькнувшаго выраженія глазъ...

Всецѣло занятые одной, не вполнѣ ясной, но настойчивой идеей, люди не чувствуютъ боли. Всѣ опросы раненыхъ, всѣ личныя наблюденія даютъ одинъ и тотъ же результатъ. Показанія сводятся всегда, или почти всегда, къ одному:

— Какъ палкой ударило — крѣпко такъ ударило, одначе я все бѣгу (или лежу—или стрѣляю)... Опосля только замѣчаю, что̀ такое нога вихляется? Глядь, а тамъ кровищи этой самой—стра-а-асть!..

Полковникъ С., недавно вернувшійся въ строй, показывалъ мнѣ свою руку, на которой средній, самый длинный палецъ сталъ короче всѣхъ. Въ извѣстномъ дѣлѣ, выдающимся участникомъ котораго былъ генералъ С—въ, полковникъ командовалъ отдѣльной частью. Взмахнувъ рукой, онъ показалъ направленіе, — и въ моментъ взмаха пуля перебила ему средній палецъ.

Онъ встряхнулъ руку, какъ при внезапномъ нечаянномъ ушибѣ, и продолжалъ говорить:

— Что же, больно было?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не больно... Чувство сильнаго толчка: я какъ бы схватилъ пулю... Крови много вышло — въ пальцѣ много сосудовъ, но съ часъ больно не было... Потомъ—очень!

Потомъ — началось отступленіе. Нѣтъ ничего болѣе подавляющаго морально, угрюмаго и мрачнаго, чѣмъ вынужденное отступленіе. Реакція послѣ подъема особенно ощутительна въ такомъ случаѣ, и въ этотъ моментъ люди раздражительны, усталость съ особенной силой налегаетъ на тѣло, всякая боль чувствуется острѣе и ярче.

И вообще реакція послѣ боя огромна.

Въ томъ же дѣлѣ подъ К. мнѣ пришлось заночевать въ окопѣ. Окопы — глубокія, правильно вырѣзанныя въ землѣ канавы, мѣстами выступающія правильнымъ квадратомъ такой же канавы впередъ, наполненныя сплошь солдатами,—молчали. Присѣвъ на корточки, прислонивъ винтовку къ плечу, солдаты сидѣли неподвижными кучами и, должно-быть, дремали. Рѣдко и лѣниво перебрасывались отдѣльными словами, и чувствовалось, какъ трудно превозмочь апатію, чтобы сказать слово, и еще труднѣе сдѣлать усиліе, чтобы подумать что-либо... Глухая осенняя ночь стояла надъ широкимъ, низкимъ полемъ, и краснымъ мерцающимъ глазомъ виднѣлось направо дальнее зарево. Это догорала зажженная снарядами деревня. И глубокое, равнодушное молчаніе распласталось кругомъ въ необозримомъ черномъ полѣ.

Присѣвъ внизу, въ какой-то ямкѣ, гдѣ подъ ногами хрустѣли кардонки отъ обоймъ, я пытался задремать— и не могъ. Офицеръ, сопровождавшій меня, долженъ былъ вернуться только подъ утро. Впереди была долгая, безконечная ночь. Мелкій, похожій на водяную

В. В. Муйжель на передовыхъ позиціяхъ: на краю воронки, сдѣланной „чемоданомъ“.

пыль, дождикъ моросилъ съ чернаго неба. Не хотѣлось шевелиться, поправить намокшую шапку. И чувствовалось, что всѣ испытываютъ то же. Огромная, подавляющая усталость опустилась на плечи и придавила къ мокрой, холодной землѣ. А между тѣмъ я не принималъ никакого участія въ дѣлѣ и только смотрѣлъ, тогда какъ чуть намѣчавшіяся вправо и влѣво отъ меня черныя кучи сегодня совершили двадцативерстный переходъ, разъ пять двигались направо и налѣво, разъ шесть перебѣгали, перехвативъ винтовку за стволъ и нагибаясь впередъ, съ мѣста на мѣсто и съ лихорадочной торопливостью вгрызались коротенькими лопатами, этимъ изумительнымъ „шанцевымъ инструментомъ“, въ землю...

Я закрывалъ глаза, и въ ушахъ тотчасъ же настойчиво и глухо, сливаясь и раздѣляясь, гудѣли орудійные выстрѣлы. Оглядывался и, едва различая во мракѣ, видѣлъ черныя кучи скорчившихся людей.

И видно было, что напряженіе, державшее ихъ на острой, какъ лезвіе ножа, грани, огромное нервное напряженіе упало, расплылось въ черномъ молчаливомъ мракѣ, быть-можетъ, для того, чтобы завтра подняться еще одной ступенью выше...

Странный, тонкій налетъ окуталъ едва замѣтной пленкой душу каждаго, пережившаго этотъ день. Придетъ новый день, люди будутъ говорить, двигаться, стрѣлять, потомъ вернутся въ городъ, въ свои деревни,—но они никогда уже не будутъ тѣми, что были до сихъ поръ. Смерть прошла возлѣ нихъ, совсѣмъ близко, бокъ-о-бокъ, и внимательнс-пытливо глянула имъ въ лицо. И невидимая стеклянная стѣна стала между ними и всѣми остальными людьми, ибо они видѣли и пережили то, чего никогда не увидятъ другіе...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отступленіе или бѣгство?	3
Плѣнные и павшіе	15
Въ пути	20
Подъ Ловичемъ	25
Послѣ боя	33
Стихія войны	40
Безъ выхода	49
Сюрпризъ	64
Странные города	77
Мелочи войны	88
Вторая волна	98
О геройствѣ	102
Ненужныя жертвы	115
Ночная атака	124
Передъ переломомъ	135
Подъ крестъ	152
Чужая боль	165
Земцы и война	186
Свѣтлыя души	200
Незамѣтные помощники	208
Памяти павшихъ (статья первая)	222
Лыкъ и Маркграбово	236
Памяти павшихъ (статья вторая)	247
Чудо	256